

Научный совет РАН по исторической демографии и исторической географии
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Институт российской истории РАН
Институт истории СО РАН
Институт истории и археологии УрО РАН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

№ 2 (10)

Москва–Сыктывкар 2012

ISSN 2304-5922

УДК 314.148

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ. Научный журнал. 2012. № 2 (10).

Основан в 2008 г.
Выходит 2 раза в год

Учредитель – Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН
Журнал издается под руководством Научного совета РАН по исторической демографии
и исторической географии

Редакционный совет:

академик Ю.А. Поляков (председатель, Москва), академик В.В. Алексеев (Екатеринбург), А.Е. Загребин (Ижевск), член-корр. РАН В.Н. Лаженцев (Сыктывкар), член-корр. РАН В.А. Ламин (Новосибирск), С. Лаллукка (Хельсинки), В.И. Меньковский (Минск), Л.Л. Рыбаковский (Москва), Т.С. Садыков (Астана)

Редакционная коллегия:

И.Л. Жеребцов (главный редактор, Сыктывкар), В.Б. Жиромская (зам. главного редактора, Москва), В.А. Исупов (зам. главного редактора, Новосибирск), В.В. Фаузер (зам. главного редактора, Сыктывкар), Е.Н. Рожкин (отв. секретарь, Сыктывкар), Ю.В. Аргудяева (Владивосток), Н.М. Игнатова (Сыктывкар), Г.Е. Корнилов (Екатеринбург), Е.Ф. Кринко (Ростов-на-Дону), Д.А. Несанелис (Москва), С.А. Прокопенко (Ульяновск), И.А. Разумова (Апатиты), А.В. Репневский (Архангельск), В.А. Семенов (Сыктывкар), П.В. Федоров (Мурманск), М.С. Черкасова (Вологда)

Редакционно-издательская группа:

Н.М. Игнатова (руководитель, Сыктывкар), Д.В. Вишнякова (Сыктывкар), Н.К. Забоева (Сыктывкар), В.В. Якоб (Сыктывкар)

Издание подготовлено при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001 «Население Крайнего Севера России: историческое развитие и современность. XX век».

© Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, 2012

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
журнал «Историческая демография».

Тел. (8212)245564 (гл. ред.), (8212)245500 (отв. секр.), факс (8212)245564

E-mail: zherebtsov@mail.illhkomisc.ru (гл. редактор), secr.hist@mail.illhkomisc.ru (отв. секретарь),
ignatova.hist@mail.komisc.ru (рук. редакционно-издательской группы)

Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Васкул И.О. (Сыктывкар). Культурные связи населения Европейского Северо-Востока с Зауральем и Западной Сибирью в ананьинское время	4
Сердюк И.А. (Полтава, Украина). Детская смертность в Левобережной Украине во второй половине XVIII в.: Историко-демографический анализ данных метрической книги Христорождественской Церкви местечка Ярьески Миргородского полка	9
Пислегин Н.В. (Ижевск). Крестьянское население дореформенной Удмуртии	15
Филипова М.П. (Одесса, Украина). Смертность в естественном движении населения «задунайских колоний» Буджака в первой половине XIX в.	19
Чагин Г.Н. (Пермь). Сельское расселение и состав населения на верхней Колве и Печоре в XIX – начале XX в.	26
Исупов В.А. (Новосибирск). Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг.	30

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Рожкин Е.Н. (Сыктывкар). Этническая динамика состава и структуры населения Республики Коми во второй половине XX – начале XXI в. Тенденции и закономерности	36
Рожкин Е.Н., Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. (к постановке проблемы)	41
Волощук А.Н., Гончаренко А.В., Завьялов Ю.В. (Ухта, Сыктывкар). Формирования трудового потенциала северных регионов России	45

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

Сухова О.А. (Муром). Синодики как источники по исторической демографии (на примере муромских рукописных синодиков конца XVII – начала XVIII в.)	47
Уль К.Б. (Лейпциг, Германия), Меньковский В.И. (Минск, Белоруссия). Основные тенденции изучения советской историографии второй половины XX в.	55

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ

Бурцев И.Г. (Тула). Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв.: На пути под руку Москвы	59
Корогод Г.И. (Сумы, Украина). К истории формирования северо-восточной границы Украины	69
Безносова Н.П., Жеребцов И.Л. (Сыктывкар). Формирование административной границы Коми автономии в верховьях Печоры	73
Брызгалов В.В. (Архангельск). Хронокартографический метод исследования	78
Плотникова Г.Н., Плотников С.Н. (Пермь). Карты как источник для историко-географических исследований сельского хозяйства и крестьянства в пореформенный период (на примере Пермской губернии)	81
Морозов В.В. (Киев, Украина). Роль дворянства Левобережной Украины в развитии исторической географии в 1861–1917 гг.	85
Зданович Е.Ф. (Гродно, Белоруссия). Труды Е.Е. Замысловского по исторической географии	88

ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ СТРАН И РЕГИОНОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

И.О. Васкул (Сыктывкар)*

Культурные связи населения Европейского Северо-Востока с Зауральем и Западной Сибирью в ананьинское время**

Проблема этнокультурных связей населения Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) с соседними территориями постоянно находилась и находится в центре внимания исследователей. Уже в первых работах, посвященных анализу древностей ананьинского времени на территории Республики Коми, были выделены материалы, свидетельствующие об этнокультурных связях ЕСВ с культурами Зауралья и Западной Сибири. Эти данные послужили В.И. Канивцу основанием для выделения культурных типов Чаркабож и Ямашор, в материалах которых отчетливо прослеживаются зауральские черты [1, с. 138–145]. В.Е. Лузгиным на основе материалов археологических памятников бассейна р. Ижма выделена группа керамики, которая по «общему стилю орнаментации посуды носит зауральский характер и принадлежала какому-то зауральскому населению» [2, с. 114, 124]. Г.М. Буров, согласившись с В.И. Канивцом о наличии на территории региона древностей культурного типа Чаркабож, выделил также ружниковский тип памятников, обнаруживающий, по его мнению, сходство с наиболее ранними кулайскими материалами [3, с. 4–5]. Приходится констатировать, что после выхода этих работ, а также статьи Л.И. Ашихминой, посвященной периодизации памятников с керамикой, декорированной крестовидными оттисками на территории ЕСВ, источниковедческая база по рассматриваемой проблеме практически не пополнилась [4, с. 112–122]***. Это вызвало разнобой в трактовках исследователями одних и тех же материалов. Так, В.С. Стоколос относит керамику с фигурно-штамповой орнаментацией с поселений Центрального Тимана к эпохе бронзы [5, с. 52; 6, с. 254–256]. Г.М. Буров те же сосуды, как было указано выше, выделяет в ружниковский тип раннего железного века, ссылаясь на параллели в кулайских материалах [3, с. 5]. В.А. Борзунов высказывает сомнение в правомерности датировки всей керамики с фигурно-штамповой орнаментацией поселений на Косминских озерах эпохой бронзы, сравнивая часть ее с посудой с ямочно-гребенчатой и ямочно-змейчатой орнаментацией белоярской культуры раннего железного века в Сургутском Приобье [7, с. 105], которую Ю.П. Чемякин датирует концом VIII/VII – IV/началом III в. до н.э. [8, с. 74]. Керамику памятников (поселения Нижне-Петрушинская, Сотчембель II, Палью I, Антон), отнесенных Л.И. Ашихминой к раннему железному веку [4, с. 121], Ю.В. Паршуков включает во вторую и третью группы глиняной посуды лебяжской археологической культуры [9, с. 211].

В последние два десятилетия коллекция глиняной посуды, свидетельствующей о связях с культурами Зауралья и Западной Сибири, пополнилась благодаря раскопкам Шиховского могильника на средней Печоре, поселения Сынявом I на р. Уса (ямашорская керамика), поселения-святилища Мыелдино (фрагменты ямашорской керамики, сосуды с крестовой орнаментацией) на верхней и Себьга I на средней Вычегде (керамика с крестовой орнаментацией). Необходимо констатировать, что только в ходе исследований Шиховского могильника и поселения Сынявом I получены коллекции керамики, позволяющие производить статистические подсчеты. На остальных памятниках глиняная посуда, свидетельствующая о связях с Зауральем и Западной Сибирью, представлена незначительным количеством сосудов.

---

* **Васкул Игорь Орестович** (Сыктывкар) – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН, e-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru.

** Публикация подготовлена по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» **Направление 1.** «Преимственность и трансформации в развитии древних и средневековых обществ по археологическим и антропологическим данным», проект № 12-П-6-1002 «Формирование и развитие археологических культур эпохи железа на территории Европейского Северо-Востока: традиции и инновации».

*** На момент выхода статьи Л.И. Ашихминой наиболее значительные коллекции сосудов с крестовой керамикой составляли материалы поселений Ружникова (26 сосудов), Чаркабож (14), Пижма II (10). Культурный тип Ямашор характеризовался в основном данными из раскопок поселения Сынявом I (30 сосудов). Количество реконструированных сосудов на этих поселениях значительно меньше.

Существующая в настоящее время источниковедческая база позволяет согласиться с мнением исследователей, полагающих, что проникновение населения с фигурно-штамповой орнаментацией глиняной посуды начинается в эпоху поздней бронзы (или даже развитой бронзы по Л.И. Ашихминой) [1, с. 143; 4, с. 121; 7, с. 106; 6, с. 257, 259]. Именно с периода поздней бронзы можно говорить о постоянном присутствии на ЕСВ групп населения в культурном отношении, связанных с Зауральем и Западной Сибирью. Л.И. Ашихмина выделяет в развитии процесса переселения три этапа: «в эпоху развитой (?) бронзы (поселения Ружникова, Кыско), в эпоху поздней бронзы (поселения Лебяжское I-II, Пидж – расчистка А, Знаменская, Усть-Волосницкая, Тыбью, Канинская пещера) и в эпоху раннего железа (поселения Усть-Пидж, Нижне-Петрушинское, Сотчемель II – участки В и Д, Палью I, Антон, Мыелдино, Чаркабож, Щельябож» [4, 121]. По мнению В.А. Борзунова, находки глиняной посуды приобского и зауральского типа на территории ЕСВ являются следами не просто культурных контактов населения двух регионов, а отражают ряд миграций «в системе общего этнокультурного сдвига обского таежного населения конца II – середины I тыс. до н.э. Переселение гамаюньских групп из бассейна Тавды и Лозьвы было только частью этого потока и не самой ранней» [7, с. 106]. Пик этих миграций приходится на X–VIII вв. до н.э., что было связано с наиболее неблагоприятной обстановкой в северной тайге [7, с. 134–135]. Северные миграции приуральского населения были в определенной степени спровоцированы движением приобских и зауральских общин. Со временем, как полагает исследователь, они вызвали подвижку лебяжского населения на юг, в бассейн р. Вятка в том числе. Более осторожно высказываются по вопросу о проникновении носителей гамаюньской культуры на ЕСВ В.М. Морозов и Ю.П. Чемякин. Они полагают, что оно носило эпизодический характер, но следы влияния «гамаюньцев» или контактов с ними прослеживаются в позднелебяжских материалах [10, с. 100].

В.И. Канивец, выделяя культурный тип Чаркабож, исходя из существовавшей в то время схемы развития культур Зауралья и Западной Сибири, связывал его происхождение на ЕСВ с гамаюньской АК. Зауральские параллели отмечались и для керамики культурного типа Ямашор [1, с. 139, 142–145]. Л.И. Ашихмина также связывает генезис памятников с фигурно-штамповой орнаментацией керамики в нашем регионе с гамаюньской АК [4, с. 112–122], Г.М. Буров – с гамаюньской и кулайской культурами [3, с. 2–5], В.С. Стоколос – с атлымской культурой эпохи поздней бронзы и молчановской археологической культуры переходного периода от бронзового к железному веку [6, с. 257–259]. В.А. Борзунов подчеркивает необходимость выделить в комплексах керамики с фигурно-штамповой орнаментацией на территории ЕСВ признаки, свидетельствующие о связях с атлымской и гамаюньской культурами. Воздействие приобского комплекса, по его мнению, выразилось в гребенчатых и змейчатых оттисках, иной группировке круглых ямок, отпечатков фигурно-штампованного крупного креста, в особых вогнутых шейках с приостренными венчиками. Гамаюньское влияние проявилось в таких деталях формы и орнаментации сосудов, как резко отогнутая плоская шейка со скосом наружу венчиком, выпуклые плечики, прокатанные волнистые узоры, ямки в шахматном порядке и пояски мелких крестов [7, с. 105–106]. О связях с гамаюньской археологической культурой свидетельствуют также наплывы (отворотики) под ямками при переходе от шейки к плечикам, надрезы, удлиняющие ямку [4, с. 116], зафиксированные на керамике верхней и средней Вычегды, верхней и средней Печоры. Исследователи отмечают, что наиболее близок древностям ЕСВ северный, вагильский вариант гамаюньской археологической культуры [4, с. 120; 7, с. 106]. Следствием взаимодействия местного и пришлого населения и стало формирование керамического комплекса типа Чаркабож [1, с. 142–144; 4, с. 122]. Этот вывод подтверждается материалами новейших раскопок И.О. Васкула на верхней Вычегде и в низовьях Северной Кельтмы (левый приток средней Вычегды). В ходе полевых исследований здесь получена немногочисленная, но выразительная коллекция керамики, декорированной горизонтальными наклонными рядами, горизонтальными прямыми и волнистыми линиями крупного и мелкого крестообразного штампа в сочетании с ямками, нанесенными в один или два ряда (на некоторых сосудах под ямками имеется характерный наплыв), и шнуровыми отпечатками. В глиняном тесте сосудов содержатся органические и минеральные примеси. На поселении Себьяг I найден фрагмент сосуда с примесью талька в глиняном тесте*, что отчетливо указывает на связи с гамаюньской археологической культурой, для большинства локальных вариантов которой эта добавка в глиняное тесто является характерным признаком [7, с. 54]. Исключение составляет вагильский вариант, для посуды которого характерна примесь песка, дресвы и шамота [7, с. 118]. Помимо этого, в коллекции керамики поселения Себьяг I, как было указано выше, содержится керамика заюрчимского типа, в орнаментации которой присутствуют ямки, расположенные в шахматном порядке, с рельефными наплывами (отворотиками) под ними, поверх ямок нанесены насечки. В.П. Денисов считает их наличие в орнаменте заюрчимских сосудов (третий этап развития ерзовской археологической культуры) отражением влияния зауральских культур [11, с. 45].

Ареал памятников типа Чаркабож включает бассейн верхней и средней Печоры, верхней Вычегды. Один памятник – поселение Вонгода II В (раскопки И.В. Верещагиной в 1972 г., фонды Музея археологии Европейского Северо-Востока, колл. № 567) – известен на нижней Вычегде. Г.М. Буров приводит сведения о наличии чаркабожского поселения в Западной Сибири [3, с. 3], что также является свидетельством взаимодействия насе-

* Раскопки О.А. Лыскова – фонды Национального музея РК, КП 10607.

ления двух регионов. Между вычегодскими и печорскими памятниками раннего железного века с крестовой керамикой, как представляется, имеются хронологические различия. На Вычегде они датируются первой четвертью I тыс. до н.э., на Печоре, судя по коллекции поселения Чаркабож, присутствию сосудов с «псевдокрестовой» орнаментацией в материалах поселения Перный, они существуют до VI в. до н.э. [1, с. 102, рис. 53, 2–4, рис. 65, 1–10].

Население, принесшее с собой из Зауралья и Западной Сибири традиции изготовления фигурно-штампованной керамики, оказало влияние на формирование керамического комплекса культурного типа Ластва (позднелябужская культура по Г.М. Бурову), датирующегося раннеананьинским временем. В орнаментации ластинских сосудов, наряду с ямками, шнуровыми и зубчатыми отпечатками, присутствуют змеевидные оттиски, волнистые линии, являющиеся отличительной чертой данной посуды [12, с. 112; 1, с. 135], выделяющей ее из других керамических комплексов культур ананьинской культурно-исторической области (далее – АКIU).

В VI–III вв. до н.э. связи с культурами Западной Сибири документируются, прежде всего, керамическими комплексами культурного типа Ямашор [1, с. 139]. В орнаментации сосудов присутствуют волнистые линии и фигурные оттиски (в виде шевронов короткого вертикального зигзага, вопросительного знака, запятой, русской буквы Б, латинской S, подковообразных и серповидных вдавлений), характерные для археологических культур западной Сибири [8, рис. 54, 1–4, 7, 9, 10, 12, 13; 56, 6, 11, 14, 16; 13, рис. 1–3]. Л.И. Ашихмина связывает появление этих элементов в орнаментации ямашорской керамики с притоком нового населения из-за Урала. Она также полагает, что появление населения с керамикой типа Ямашор могло вызвать отток ананьинцев с территории ЕСВ на Северо-Запад европейской части России [14, с. 14; 15, с. 333]. Ее точку зрения поддерживает В.А. Борзунов. Однако, по его мнению, установить причины переселения из Северного Приуралья в VI в. до н.э. более сложно. Возможно, оно было частью общих миграций конца VI в. до н.э., вызванных скифо-персидской войной 514 г. до н.э. На Вятке северные мигранты встретились с ананьинским населением, отошедшим на север из районов Среднего Поволжья. В.А. Борзунов подчеркивает, что, несмотря на локальные своеобразия, материалы свидетельствуют о культурном единстве вятского, волжского и камского населения [7, с. 107].

В целом, создается впечатление, что глиняная посуда типа Ямашор носит гибридный характер. Наряду с отмеченными признаками для нее характерны такая деталь шейки, как воротничок, шнуровые и зубчатые отпечатки в орнаментации, что свойственно для керамических комплексов АКIU на всей территории ее распространения. На ямашорских памятниках фиксируется перныйская керамика, а в комплексах типа Перный – ямашорская. На Шиховском могильнике в погребениях имеются сосуды культурных типов Перный и Ямашор. Следует также отметить, что начиная с эпохи бронзы в орнаменте глиняной посуды древностей ЕСВ присутствует короткий вертикальный волнистый штамп [5, 1973, рис. 3, 1, 2, 6, 9–10, рис. 5, 1]. Подобная орнаментация керамики, по мнению В.С. Стоколоса, является свидетельством миграций западносибирского населения на крайний северо-восток Европы в бронзовом (атлымская АК) и на рубеже бронзового и железного веков (молчановская АК) [6, с. 254–255]. Волнистые (змеевидные) линии и короткий вертикальный зигзаг имеются в орнаментации керамики типа Ластва [15, рис. 8, 6, 9–10; 16, табл. XXV, 3, 6, 9, 11, XXVI, 1, 7–8, 12, 15, XVII, 5; 1, рис. 31, 10–12; рис. 34, 3, 6]. Присутствие их в декоре ямашорских сосудов является свидетельством традиций, сложившихся в керамическом производстве на территории ЕСВ в результате взаимодействия местного и пришлого населения и восходящих к кругу зауральских культур позднебронзового века в Зауралье и Западной Сибири. В целом, наличие «фигурных» штампов в ямашорской керамике является отражением устойчивых связей с археологическими культурами Приобья, откуда глиняная посуда с фигурно-штамповой орнаментацией распространялась на территорию ЕСВ.

В.И. Канивцом в орнаментации керамики поселения Перный выделены три типа отпечатков фигурных штампов: «двухтавровый» или «волноподобный», «псевдокрестовый», зубчатый, напоминающий «змеевидный» [1, с. 102]. Исследователь полагает, что «вещественный инвентарь Перныйского поселения, судя как по керамике, так и по кремню, представляет собой чистый комплекс и не содержит включений других периодов или культурных типов» [1, с. 108]. На поселении Питюяг I, относящемся к культурному типу Перный, найден сосуд, украшенный волнистыми линиями и S-видным штампом, характерными, как было показано выше, для ямашорской керамики. Фигурные оттиски отличают перныйский керамический комплекс как от ананьинской керамики Прикамья [1, с. 138], так и бассейна р. Вычегда [17, с. 40–41]. Л.И. Ашихмина полагает, что подобные штампы свидетельствуют о зауральских чертах в орнаментации керамики, что послужило исследователю основанием для исключения памятников типа Перный (как и более ранних ластинских) из разработанной ею схемы хронологического развития памятников ЕСВ ананьинского времени [18, с. 25–26, 32]. Как представляется автору этих строк, выделенные В.И. Канивцом типы фигурных отпечатков, несомненно, отражают влияние орнаментальных традиций, связанных своими истоками с Западной Сибирью, что для псевдокрестовых оттисков отмечал и сам исследователь [1, с. 102]. Однако появление их в декоре перныйской керамики можно объяснить внутрорегиональными контактами с носителями культурных типов Чаркабож и Ямашор, в глиняной посуде которых зауральские элементы выражены наиболее рельефно.

Как уже было отмечено, Г.М. Буров выделяет также ружниковский культурный тип, видя в нем аналогии ранней кулайской керамике [3, с. 4], о возможности датировки части сосудов с фигурно-штампованной орнаментацией ранним железным веком писал В.А. Борзунов [7, с. 105]. Представляется, что в данном случае более правы те исследователи, которые относят материалы поселений с водораздельных озер Центрального Тимана к эпохе бронзы или рубежу бронзового и железного веков [4, с. 121; 6, с. 254–255]. В то же время в керамических комплексах ЕСВ действительно присутствует глиняная посуда, имеющая аналогии в раннекулайской (васюганский этап по Л.А. Чиндиной [13, с. 79–88]; белоярская культура – по Ю.П. Чемякину [8, с. 69–70]) керамике в Сургутском Приобье. Например, на поселении Вис I найден глиняный сосуд [16, табл. XXV, 4], орнамент которого имеет практически полные соответствия в орнаментации первой группы кулайской керамики по Л.А. Чиндиной [13, рис. 38, 1–2].

В плане изучения этнокультурных контактов населения ЕСВ и Западной Сибири особый интерес представляют керамические комплексы перегребнинского типа в Нижнем Приобье, датирующиеся предварительно серединой – третьей четвертью I тыс. до н.э. [19, с. 218]. Маркируют керамику этого типа карнизники под венчиком и значительное преобладание гребенчатого штампа в орнаментации керамики. Еще одним признаком, характеризующим перегребнинскую глиняную посуду, являются горизонтальные шнуровые линии. При переходе от шейки к плечикам нанесены ямки круглой, изредка треугольной или ромбической формы. Использовались также мелкоструйчатый и гладкий штампы [19, с. 217]. В.М. Морозов и Ю.П. Чемякин подчеркивают, что карнизники под венчиком и оттиски шнура в орнаментации сосудов имеют аналогии в ананьинской керамике [19, с. 217–218; 20, с. 64]. Предположительно, перегребнинские древности сформировались на основе нижеобского варианта памятников кульминского типа [19, с. 217–218]. Сравнение глиняной посуды перегребнинского типа и керамики культурных типов Перный и Ямашор позволяет расширить список общих признаков у названных керамических комплексов. Прежде всего, необходимо отметить, что перныйская и ямашорская керамики, как и перегребнинская, по оформлению верхней части тулова подразделяются на сосуды с воротничком (карнизиком) или без него. В керамическом тесте содержатся минеральные примеси (песок, дресва). В орнаменте перегребнинских и ямашорских сосудов имеются ямки ромбической формы [19, рис. 9, 2, 7; 1, рис. 39, 3; рис. 40, 5]. Орнаментация перегребнинской и перныйской керамики характеризуется преобладанием узоров, выполненных зубчатым штампом, причем на сосудах обоих типов имеются узоры, нанесенные зубчатыми отпечатками, напоминающими мелкоструйчатый и змеевидный штампы [19, с. 217; 1, с. 98, 102]. Приведенные факты говорят о тесных контактах носителей культур Печорского края и Нижнего Приобья в середине – второй половине I тыс. до н.э. В этой связи крайне интересно предположение Н.В. Федоровой и А.В. Гусева о том, что в Нижнем Приобье выделяются два ареала древностей раннего железного века, разделенных руслом р. Обь: западный (представлен памятниками бассейнов рек Сыня, Войкар, Сось) и восточный (памятники бассейнов рек Полуи и Куноват). Они предполагают, что «западный ареал обнаруживает тяготение к культурному кругу Северного Приуралья и Республики Коми, начиная с раннеананьинского времени и даже, возможно, ранее (выделено мною. – И.В.). Восточный ареал теснее связан с собственно кулайским ареалом Среднего Приобья» [21, с. 36].

И так, первый период раннего железного века характеризуется интенсивными культурными контактами населения региона с «племенами» Зауралья и Западной Сибири. Именно постоянное взаимодействие с древними насельниками Зауралья и Западной Сибири придавало своеобразие культурам ЕСВ (прежде всего, в бассейне р. Печора, где исследователи отмечают постоянное присутствие «групп людей, культура которых имела зауральское происхождение» [22, с. 98]), что выразилось в формировании таких культурных типов, как Чаркабож и Ямашор, наличии зауральских элементов в декоре ластинского и перныйского керамических комплексов, черт, характерных для орнаментации глиняной посуды древностей АКЮ в культурах Западной Сибири.

Источники и литература

1. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М.: Наука, 1974. 152 с.
2. Лузгин В.Е. Древние культуры Ижмы. М.: Наука, 1972. 126 с.
3. Буров Г.М. Железный век Крайнего Европейского Северо-Востока (от начала до столетия VIII н.э.). Симферополь, 1989. 48 с. (деп. 38239).
4. Ашихмина Л.И. Керамика гамаюнского типа на поселениях в бассейне Печоры // Археолого-этнографические аспекты изучения Северного Приуралья. Сыктывкар, 1984. С. 112–122 (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 33).
5. Стоколос В.С. Стоянки бронзового века на водораздельных озерах Центрального Тиммана // Археологические исследования в бассейне Печоры. Сыктывкар, 1973. С. 35–52 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 5).
6. Стоколос В.С. Энеолит и бронзовый век // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. Ч. 4. С. 213–313.
7. Борзунов В.А. Зауралье на рубеже бронзового и железного веков. Екатеринбург, 1992. 188 с.
8. Чемякин Ю.П. Барсова гора: очерки археологии сургутского Приобья. Древность. Сургут-Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. 224 с., 99 рис.

9. *Паришук Ю.В.* Территориально-хронологические комплексы лебяжской культуры // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы. Материалы Междунар. науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 208–213.
10. *Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Культуры Нижнего Приобья эпохи железа и их связи с Европейским Северо-Востоком // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 100–102.
11. *Денисов В.П.* Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Труды IV Уральского археологического совещания. Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь, 1967. № 148. С. 29–50.
12. *Буров Г.М.* Вычегодский край. Очерки древней истории. М.: Наука, 1965. 198 с.
13. *Чиндина Л.А.* Древняя история Среднего Приобья в эпоху раннего железа. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984. 256 с.
14. *Ашихмина Л.И.* Этнокультурная ситуация в Северном Приуралье в эпоху бронзы и раннего железа // Проблемы историко-культурной среды Арктики. Международный симпозиум (Сыктывкар, 16–18 мая 1991 г.). Тезисы докладов. Сыктывкар, 1991. С. 12–14.
15. *Ашихмина Л.И., Васкул И.О.* Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М.: ДиК, 1997. С. 314–348.
16. *Буров Г.М.* Древний Синдор. М.: Наука, 1967.
17. *Васкул И.О.* Поселение Мыелдино и проблемы культурной принадлежности древностей Европейского Северо-Востока в ананьинское время // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее. Тезисы конференции. М., 2003. Ч. II. С. 41–42.
18. *Ашихмина Л.И.* Культуры эпохи раннего железа в этногенезе народа коми // Проблемы этногенеза народа коми. Сыктывкар, 1985. С. 20–34 (Труды Ин-та языка, литературы и истории. Вып. 36).
19. *Морозов В.М., Чемякин Ю.П.* Керамика перегребнинского типа с поселения Низямы 9 // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 208–219.
20. *Морозов В.М.* Нижнее Приобье в эпоху железа (о перегребнинском типе памятников) // Северный археологический конгресс. Тезисы докладов. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 63–64.
21. *Федорова Н.В., Гусев А.В.* Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй – древнее святилище на Полярном круге. Салехард, 2008. С. 3–36 (Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 9 (61)).
22. *Канивец В.И.* Древние поселения Южно-Печорской равнины // Древние поселения на Печоре и Вычегде. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 3–100 (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. III).

**Детская смертность в Левобережной Украине во второй половине XVIII в.:
Историко-демографический анализ данных метрической книги
Христорождественской Церкви местечка Яреськи Миргородского полка**

В том, как человек и общество воспринимают смерть и загробную жизнь, можно увидеть их отношение к жизни земной. Именно поэтому антропологический поворот в истории, который акцентировал внимание историков на таких явлениях, как «время», «пространство», «семья», «страх», «смех», активизировал внимание и к изучению смерти. Более того, «бум» подобных исследований в 70–80-х гг. XX в. даже вызвал беспокойство ученых. К примеру, французский историк Мишель Вовелль выступал против смешивания научного исследования смерти с модой [1]. Предупреждения Вовелля касались, прежде всего, медиевистов и новистов, которые наиболее активно обсуждали проблемы исторической антропологии вообще и смерти в частности. Их интерес не случаен – как раз в эпоху доминирования религиозного сознания внимание людей было сконцентрировано на смерти, смертном суде, рае, аде. Как удачно сказал Арон Гуревич, «смерть была великим компонентом культуры, «экраном», на который проектировались все жизненные ценности» [2].

Религиозное сознание традиционного украинского социума также формировало восприятие «этой жизни» как этапа перед наступлением жизни загробной. Такие нотки заметны в творчестве Климентия Зиновиева – бродячего поэта начала XVIII в.:

Егда зега(р) годині в сво(и) чась выбієть.
в то время смє(р)тныа на(мь) часы прє(з)нача(є)ть
Бо вѣкъ на(ш) хо(ч) бы долги(и) власн якъ година:
а(х) не вѣмы что справить минута єдина...
І неминущаа то смернаа дорога:
ко(т)рою влучи(т) бже да(и) до тебе бга...
Бо и мовя(т) чась за чась, а к(ъ) вечеру ближе(и):
та(к) же и де(н) за ден(ъ) но(щ) за ночь,
къ смє(р)ти бли(ж)ше(и).
Прето братіє требъ на смерть памятати:
и на прихо(д) са єа прыготовляти [3].

Не думаю, что замечание Мишеля Вовелля может всерьез касаться украинских историков, тема смерти не является настолько модной в украинском историописании и представлена, прежде всего, исследованиями в сфере некрополистики и одиночными работами историко-демографического характера. Это западноевропейские историки-антропологи не только отталкивались от многих демографических исследований, а еще и стимулировали их развитие. В Украине историческая демография мало чем может помочь историкам ментальности, поскольку пребывает в зачаточном состоянии. Поэтому украинская историческая демография должна пройти этап накопления и усвоения критического массива фактов, пусть даже и в духе стихийного позитивизма, чтобы иметь возможность делать аргументированные выводы и теоретические обобщения. Это касается разных аспектов и явлений человеческой жизни: рождения, брака, смерти, детства, болезней и т.д.

Среди выше указанных малоисследованной остается проблема детской смертности, изучение которой открывает путь к пониманию восприятия ребенка в традиционном обществе. Составляющими этой проблемы являются вопросы причин и механизмов смертности, ухода за ребенком, переживания детской смерти родителями, отношения к детскому телу, особенности захоронения, детоубийство. В этом исследовании попробую акцентировать внимание на изучении детской смертности с точки зрения исторической демографии. «Местом событий» избраны Яреськи – сотенный городок Миргородского полка**. Среднее по числу жителей местечко*** находилось вдали от значительных путей, а значит, гипотетически могло претендовать на некую стабильность населения.

Источником исследования является метрическая книга Христорождественской церкви местечка Яреськи, которая локализуется в фонде №1011 Государственного архива Полтавской области (Украина). Книга хорошо сохранилась, написана скорописью XVIII в., читается довольно легко. Особенностью данной книги является то,

* Сердюк Игорь Александрович (Полтава, Украина) – ассистент кафедры истории Украины Полтавского государственного педагогического университета им. В.Г. Короленко, e-mail: LugarOK@gambler.ru.

** С середины XVII в. и до 1783 г. Левобережная Украина (Гетьманщина) в административно-территориальном отношении делилась на полки (всего 10 полков), а полки на сотни.

*** Местечко – так определяли статус Яресёк документы XVIII в., также «городок» – на укр. «мистэчко» (містечко).

что ее части «о брачующихся» и «о усопших» начинаются с 1755 г., а «о родившихся» – с 1757 г. Записи о крещенных обрываются 1773 г. [4]. В рамках данного исследования ограничусь 15-летним возрастным промежутком: 1755–1769 гг.

Сначала рассмотрим детскую смертность в структуре смертности вообще. Как иллюстрирует рис. 1, абсолютное большинство смертей (62%) в Ярьесках приходилось на детей. Каждая третья запись в книге «о усопших» касалась ребенка в возрасте одного года, каждая пятая – 2–4 года, каждая десятая – 5–14 лет. При этом среди умерших людей преклонного возраста (60 лет и старше) насчитывалось 8%, а людей активного возраста – 30%. Это значит, что в раннемодерном городке смерть была прерогативой детей, а не старых людей. В этом плане Ярьески ничем не отличались от соседнего сотенного городка Сорочинцы* Миргородского полка. По данным Е. Замуры, там в 1741–1786 гг. среди умерших дети в возрасте до 14 лет составляли 57,4, взрослые – 28,8, старые – 13,8% [5].

По данным церкви Киево-Печерской лавры, в 1763 г. умерло 52% новорожденных детей, в 1764 г. – 81, 1765 г. – 92,3% [6]. По результатам исследований Б. Миронова 25–30% новорожденных не доживали до одного года, а 57–58% – до 5 лет [6]. Такая смертность была свойственна и классическому городу: по данным Д. Мора-вицкой, во Львове XVIII в. показатель смертности детей до пяти лет иногда достигал 60% [7]. В Торуне в 1769 г. из 213 умерших католиков 114 были детьми до 14 лет. А детская смертность в городе достигла 64%, хотя в другие годы она была ниже. В 1775–1789 гг. среди всех умерших протестантов Торуня 20,8% были детьми до одного года или же 35,2% – детьми пяти лет и младше [8]. Во французской провинции Прованс из 4844 детей, которые поступили в приют Сен-Жан с 1722 по 1767 г., выжили 2224 (46%) [9].

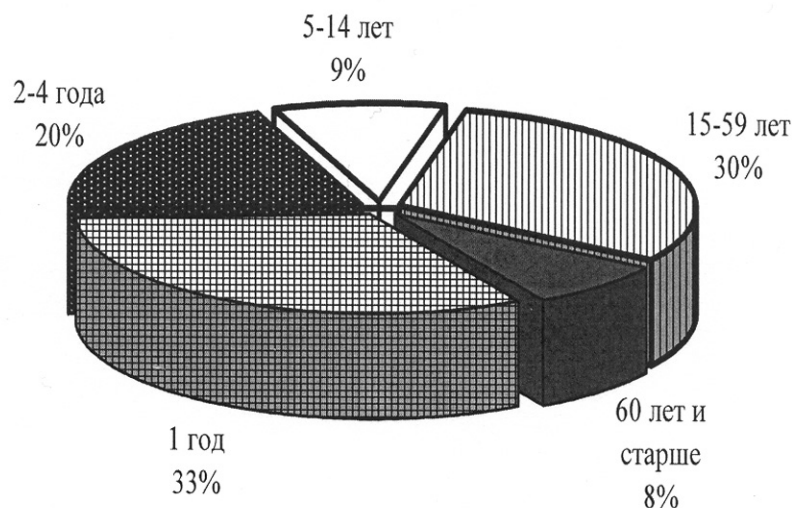

Рис. 1. Структура смертности населения м. Ярьески в 1755–1769 гг. **

Выше рассмотрена общая структура смертности за 15 лет; безусловно, в разные годы она будет иметь свои особенности (рис. 2). Данные метрической книги засвидетельствовали существенные колебания количества смертей вообще, которые в рассматриваемый период имели четко выраженный циклический характер. При этом разница между наиболее высокими и самыми низкими показателями была двойной. Например, в 1761 г. источник фиксирует 23 смерти, в 1762 г. – 49, 1763 г. – 24. За 15 лет в Ярьесках зафиксировано шесть прыжков (пиков) смертности, вероятно, они были обусловлены разными факторами, поскольку структура смертности в каждом случае была особенной.

Необходимо также обратить внимание на динамику смертности в отдельных «больших возрастных группах» (рис. 2). Кривая смертности детей в возрасте до 14 лет демонстрирует наиболее существенные колебания. Разница между наиболее низким и наиболее высоким уровнями смертности была практически пятикратной: к примеру, в 1760 г. умерло девять детей, а в 1762 г. – 42 ребенка. В этом плане показательным является 1760 г.: при наиболее низкой детской смертности наблюдался наиболее высокий прыжок смертности населения активного возраста (15–59 лет). Это единственный случай, когда детская возрастная группа по неизвестным причинам не отреагировала на действие негативных факторов, которые способствовали резкому увеличению числа летальных случаев среди людей активного и пожилого возраста.

* Именно там в 1809 г. родился писатель Н. Гоголь.

** Графики, а также диаграммы рис. 1–4 построены автором по данным метрической книги.

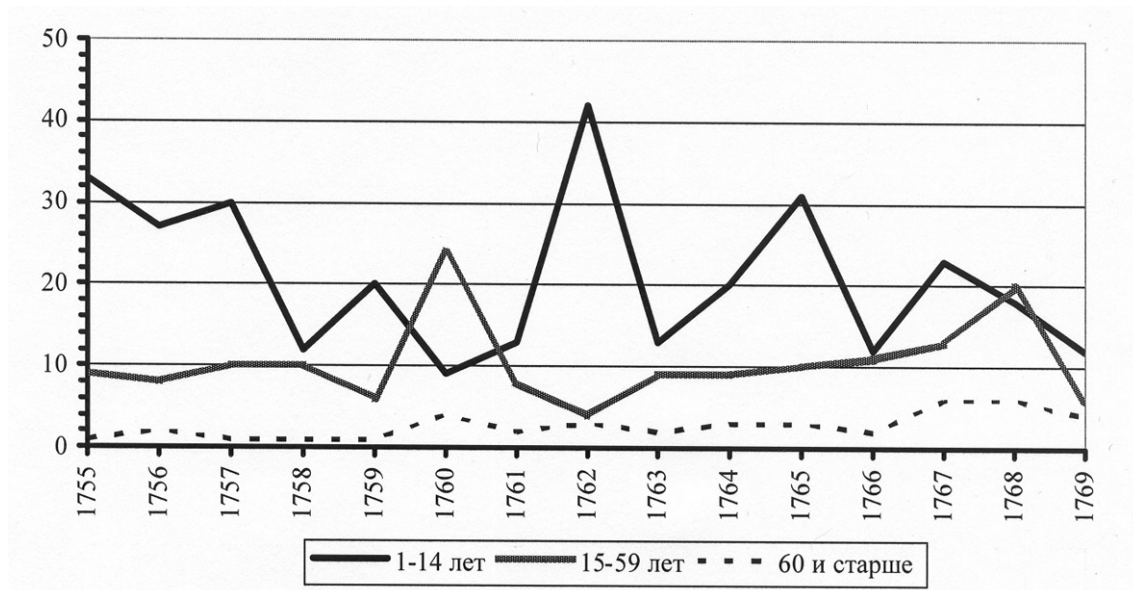

Рис. 2. Структура и динамика смертности населения м. Яреськи в 1755–1769 гг.

Еще несколько наблюдений относительно смертности людей старшего возраста. В отличие от детей она не носила таких ярко выраженных годовичных колебаний, а демонстрировала только два существенных прыжка в 1760 и 1767–1768 гг. Более того, обратим внимание на 1762 г., который за 15 лет оказался очень неблагоприятным для детей. Метрическая книга фиксирует среди них 42 смерти, напротив, уровень смертности взрослых и пожилых людей был наиболее низким – семь случаев.

Рассмотрим детскую смертность более детально (рис. 3). Кривая смертности детей в возрасте до одного года демонстрирует, во-первых, своеобразный нижний порог – минимум шесть-семь смертей в год, во-вторых, пики смертности младенцев практически всегда совпадают с прыжками смертности вообще. Эта возрастная группа наиболее тонко реагировала на действие негативных факторов (эпидемий, засух, и т.д. – к ним я вернусь ниже). Кривая смертности детей в возрасте 2–4 года смотрится несколько более стабильной, при этом также наблюдаются прыжки в «плохие» годы. Дети этого возраста умирали от объективных факторов (действие которых проявлялось циклически), а также от несчастных случаев, которые с одинаковой вероятностью могли случиться в любое время. В качестве примера служит запись от 22 мая 1725 г., с которой начинался дневник Петра Апостола*: «2-хъ летний мальчикъ въ Суховцахъ, упавъ въ яму съ водой где прежде обжигали известь, утонулъ» [10].

Аналогичные «пики» при меньших размерах смертности характерны и для детей 5–14 лет, они синхронны с показателями двух младших возрастных групп. Возможно, инфекционные болезни серьезно угрожали детям всех возрастов, поэтому колебания смертности в них взаимосвязаны, подтверждением этому являются частые записи об одновременной смерти нескольких детей в одной семье. 20 июля 1755 г. у яреськовского обывателя Яремы Кальченка умер однолетний сын Иоанн, 24 июля у него же представилась двухлетняя дочь Параскевия. 14 октября 1762 г. у Тимоша Ткача «представилась младеница Мотрона» (3 года) [11], а 1 ноября 1762 г. «у оного ж Тимоша Ткача представилась младенец Феодор» (1 год). Максимум таких случаев источник фиксирует осенью, хотя случаются они и в другое время года. Например, 8 марта 1767 г. у жителя Яресьок Карпа Швыдкого умер годовалый сын Антоний, а через две недели (31 марта) – шестилетний сын Василий [12].

Вероятно, в таких случаях смертность связана с инфекциями, однако источник не указывает причину смерти, но сюжет можно исследовать и более детально, учитывая, к примеру, интервал между такими смертями (такой интервал «на глаз» составляет преимущественно 2–3 недели), а также основные варианты распространения очередности смертности: сначала младенец – потом старший ребенок, ребенок – младенец, младенец – взрослый. Кстати, последний вариант также имел место: например, 17 апреля 1755 г. у Никиты Пивоваренка умер однолетний сын Захария, а 7 мая – жена Евдокия [13].

Что могло быть причиной годовых колебаний детской смертности? В некоторых случаях уровень смертности младенцев может быть связан с уровнем рождаемости: чем больше рождается, тем больше умирает. Но проверка данных соответствующей части метрической книги такой взаимосвязи не засвидетельствовала. Совпа-

* Апостол Петро Данилович (?–1758) – сын гетмана Данила Апостола, лубенский полковник в 1728–1758 гг. Автор дневника (май 1725 – май 1727 г.), написанного на французском языке.

дение колебаний смертности детей разных возрастных групп делает возможной гипотезу о реакции на влияние внешних факторов. Такими факторами могли быть засухи, недороды, голод, саранча, эпидемии. Например, по данным Едуарда Остроя, на 60–80 гг. XVIII в. пришлось только два урожайных года – 1776 и 1780, в другие годы граница между недоеданием и голодом могла быть довольно призрачной [14]. В 1756–1757 гг. случились значительные налеты саранчи, вызвавшие голод, и, возможно, повлекшие скачок детской смертности в 1757 г. В 1766 г. Левобережье постигла сильнейшая засуха, которая сделала голодным следующий год, и способствовала всплеску смертности детей [15]. Трудно предположить о причинах ситуации в 1762 г., когда в Ярьесках зафиксирован самый высокий скачок смертности вообще и детей в частности. При этом картина мало вписывается в устоявшиеся демографические схемы, ведь, например, при эпидемии умирало больше младенцев, тогда как в этот год умерло втрое больше обычных детей 2–4 лет. Наибольшая их смертность зафиксирована с апреля по июль, когда умерло более 30 детей в возрасте до 5 лет и только один взрослый (рис. 3).

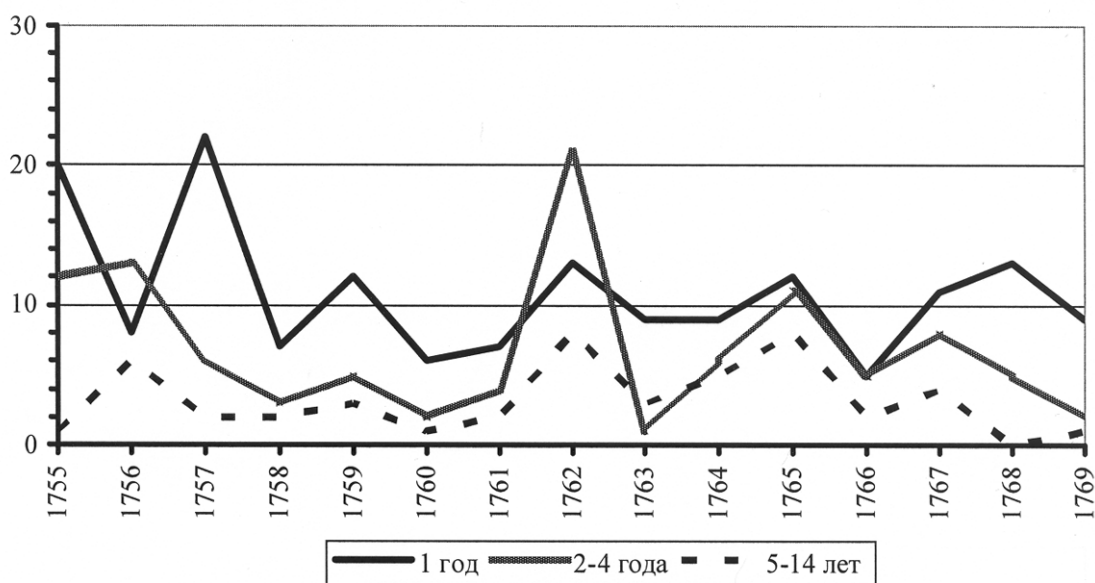

Рис. 3. Структура и динамика детской смертности м. Ярьески в 1755–1769 гг.

С точки зрения шансов на жизнь, пятилетний возраст в исторической демографии считается неким рубежом, ведь обобщенные подсчеты демонстрируют резкое уменьшение уровня смертности по достижении этого рубежа (это явление получило название «парадокс младенческой смертности») [4, с. 410]. Поэтому в сложившихся исследовательских методиках, изучая детскую смертность, принято акцентировать внимание именно на детях в возрасте до 4-х лет включительно и применяется коэффициент вероятности доживания ребенка до пятилетнего возраста. Такой коэффициент, по данным метрической книги, можно определить и для Ярьесок. В частности, за 1762–1766 гг. он составлял 0,460, это означает, что 460 младенцев из 1000 имели шансы дожить до пяти лет. Почти аналогичная ситуация в то же время прослеживается в городке Сорочинцы, где коэффициент составлял 0,420 [16].

По поводу 5 лет напомним, что это обобщенный рубеж, а конкретные случаи часто отличаются от обобщенных схем. Автор данной статьи вычислил, как снижалась смертность с возрастом у детей до 9 лет включительно. Результаты расчетов показаны на рис. 4, где видны значительное сокращение уровня смертности с каждым годом жизни и его стабилизация уже по достижении четырехлетнего возраста. Картина смертности в Ярьесках отвечала названному парадоксу: начиная с первого года с каждым последующим прожитым шансы выжить у детей существенно увеличивались, при этом рубеж выживания был сдвинут на год и проходил между третьим и четвертым годами жизни.

Далее подробнее рассмотрим смертность детей в возрасте один год (напомним, что таким был практически каждый третий умерший в Ярьесках). Сначала выясним, кого же в источнике записали однолетними. В начале книги «о умерших» встречается несколько записей об умерших детях в возрасте один или же три месяца, дальше таких записей нет, вероятно, священник решил не слишком перенапрягаться и не писать точный возраст, ограничиваясь цифрой 1 в графе «возраст». Например, в 1759 г. записано 11 умерших детей в возрасте один год, сопоставления с книгой крещений позволили выявить среди них двух детей в возрасте 3 месяца, одного ребенка – 4 месяца, двух – 6 месяцев, одного – 8 месяцев, одного – 11 месяцев. Еще три в списках о родившихся отсутствуют, хотя их ро-

дители указаны как «яресковские жители». Несовпадение записей о крещеных и умерших детях наблюдается и в плане их имен. Проиллюстрируем это по 1762 г. (когда умерло больше всего). Записи о смерти дочери Василия Гончаренко Евфросинии соответствует запись о крещении Устинии, но эти имена хотя бы близки по звучанию. Тогда как записи от 21 июля об умершем Иоанне – годовалом сыне Карпа Швыдкого – соответствует запись от 1 января о крещении сына Василия, равно ребенок, крещеный Моисеем, в графе умерших записан как Яков.

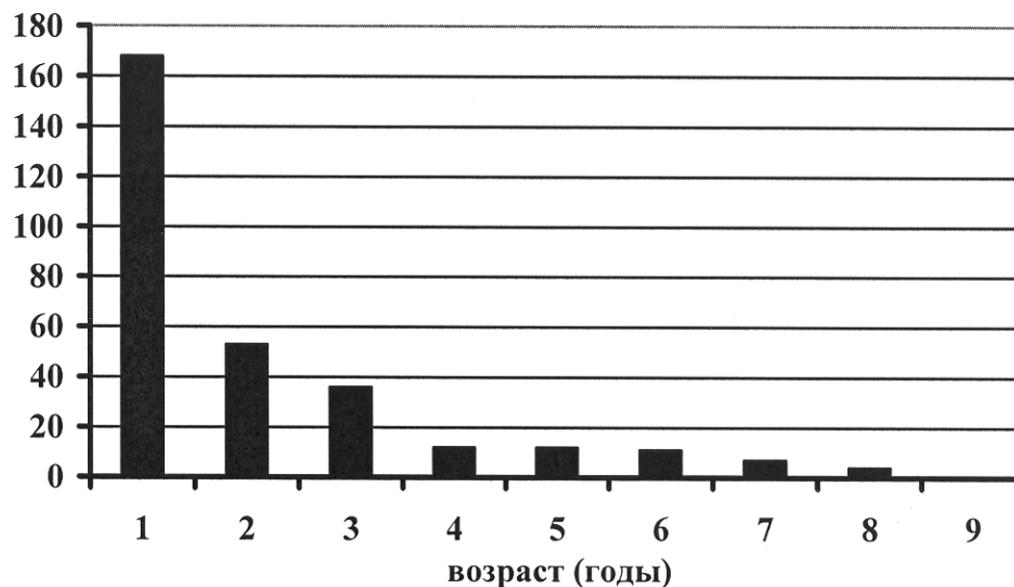

Рис. 4. Возрастная структура детской смертности населения м. Яреськи в 1755–1769 гг.

Вопрос с именами требует дальнейшего более детального исследования, относительно возраста умерших можно констатировать, что самым маленьким из них исполнился месяц. Трудно предположить, что младшие дети не умирали – наоборот, в демографии есть такое понятие, как неонатальная смертность (или же смертность новорожденных), которое обозначает смертность детей от рождения до 28-дневного возраста. Исследований неонатальной смертности в раннемоделное время найти не удалось (есть только констатация ее большого уровня), однако даже по состоянию на 80-е гг. XX в. в странах Западной Европы доля умерших на первом месяце жизни составляла 60–80% умерших в возрасте до одного года [17]. Ее основными причинами считаются врожденные пороки развития, родовые травмы, асфиксии, пневмонии, диагностика и лечение которых затруднены даже сегодня. В XVIII в. такие проблемы должны были возникать чаще (из-за условий родов и уровня так называемого «акушерства»), поэтому метрические книги не фиксируют значительный пласт смертей некрещеных младенцев.

В метрической книге есть только косвенные намеки об этом, о неполной фиксации смертности свидетельствуют записи о детках-близнецах в книге крещений. На сегодня установлена одна из биологических констант, согласно которой одна двойня рождается на каждые 80 родов. С 1757 по 1769 г. в Яреськах зафиксировано 525 крещений, поэтому должно было родиться 6-7 пар близнецов. Но в метрической книге записаны всего три пары, значит, часть таких детей не дожила до крещения. Интересно, что крещение двух пар близнецов произошло с интервалом в один день: 11 декабря 1762 г. у жителя Яреськовского Клима Тараненко «родились Даниил и Анна», а 12 декабря у жителя яреськовского Михаила Дыма «родились Даниил и Анна» [18]. Видим, что священник не искал много вариантов с именами парных святых. А насчет близнецов, как заметил в свое время Климентий Зиновиев:

Оудивительно(ст) треба и в томъ дѣле мѣти
же многіи жены по двое родя(т) дѣти.
І что бы то такая была за причина:
же у іно(и) не една роди(т)са дытина.
І чему на(и)бо(л)шь того на свѣтъ бываетъ:
же едно умирає(т) едно оставляетъ.
А часо(м) и ѿбоє такожь помирають:
и мало где близнюки на свѣтъ возрастаю(т) [19].

Странствующий священник знал, о чем писал, потому что уже меньше чем через год один из двойни – Даниил (сын Михаила Дыма) – умер [20]. Поэтому вопрос о неонатальной смертности также нуждается в детальном исследовании, и, прежде всего, в разработке соответствующих методик, иначе картина смертности будет не полной. Учитывая высокий уровень смертности детей в первый месяц жизни, можно было бы предположить стремление родителей и священника быстрее окрестить ребенка сразу после рождения. Однако этого не происходило, или из-за предрассудков, или из-за меркантильных соображений родителей, а, возможно, и из-за нежелания священника делать «лишние» записи о крестившихся и умерших. Вероятно, не все придерживались значительной паузы между рождением ребенка и его крещением. Например, в дневнике Николая Ханенка встречаются практики ранних крещений детей старшины. 22–23 июня (у некоего Искрицкого) родилась дочь Татьяна, а 28 июня ее уже крестили [21]. Сам же Ханенко тоже поспешил крестить своего сына Петруся, это случилось на седьмой день после рождения мальчика. Подобные практики быстрого крещения детей выглядят логичными в условиях их колоссальной смертности. Смерть маленького ребенка в раннемоdernое время была обыденным явлением и наблюдалась значительно чаще, чем смерть взрослого или пожилого человека. Младенец имел больше шансов умереть, чем дожить до пятилетнего возраста. При этом нужно учитывать и то, что метрические книги XVIII в. скрывают от исследователя значительный пласт детских смертей, которые приходились на детей в возрасте до одного месяца. А таких смертей, согласно демографическим законам, должно быть гораздо больше, чем в старшем возрасте. Поэтому реальные коэффициенты смертности могут быть значительно выше вычисленных нами, а шансы ребенка на жизнь, соответственно, существенно меньше. Считаю, что результаты исследований на украинском материале подтверждают концепцию специфического (фаталистического) отношения к малолетним детям и их смерти в традиционном обществе. Также исследование провоцирует ряд вопросов, в частности: более детального изучения возможных причин смерти детей, ее сезонности; половой структуры смертности; особенностей захоронения умерших младенцев (крещеных и некрещеных), восприятия детского тела.

Источники и литература

1. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 6.
2. Там же. С. 9.
3. *Зіновій К.* Вірші. Приповіді посполиті. К., 1971. С. 39–40.
4. Государственный архив Полтавской области (далее – ГАПО). Ф. 1011. Оп. 1. Д. 157.
5. *Замура О.* Смертність в природному русі населення містечка Сорочинці і XVIII ст. (за даними метричних книг Миколаївської церкви) // Краєзнавство. 2009. № 3. С. 207–213.
6. *Острась Е.С.* Врожайність зернових культур, хлібні ціни та забезпеченість населення хлібом в Лівобережній Україні в другій половині XVIII ст. Донецьк, 2003. С. 62.
7. *Миронов Б.* Русский город в 1740–1860-е годы: Демографическое, социальное и экономическое развитие. Л., 1990. С. 56.
8. *Капраль М.* Національні громади Львова XVI–XVIII ст. (соціально-правові взаємини). Львів, 2003. С. 75.
9. *Górny K.* Ze studiów nad stosunkami ludnościowymi Torunia w XVIII w. // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne. Toruń, 1977. Historia. XI. S. 88.
10. *Бродель Ф.* Что такое Франция? Книга вторая: Люди и вещи. Ч 1: Численность народонаселения и ее колебания на протяжении веков. М., 1995. С. 170.
11. Дневник Петра Даниловича Апостола // Киевская старина. 1895. № 7. С. 105.
12. ГАПО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 157. Л. 42 об.
13. Там же. Л. 48 об.
14. Там же. Л. 52 об.
15. Там же. Л. 42 об.
16. *Острась Е.С.* Указ. соч. С. 29.
17. Там же. С. 11.
18. *Замура О.* Указ. соч. С. 211.
19. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 273.
20. ГАПО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 157. Л. 6 об.
21. *Зіновій К.* Указ. соч. С. 110.
22. ГАПО. Ф. 1011. Оп. 1. Д. 157. Л. 9 об.
23. Дневник генерального хоружаго Николая Ханенка (1727–1753 г.) // Киевская старина. 1884. № 10. С. 117.

Крестьянское население дореформенной Удмуртии

В конце XVIII – первой половине XIX в. сельское население четырех вятских уездов, более 60% территории которых впоследствии составили современную Удмуртию, претерпевало серьезные изменения. Наиболее заметным из них был его численный прирост. Население Удмуртии росло быстрыми темпами за счет интенсивного переселения крестьян из других уездов Вятской губернии. С большой долей вероятности можно утверждать, что общая численность жителей края с конца XVIII в. к 1850 г. увеличилась почти в 2,5 раза и составила более 700 тыс. чел. [1]. О соотношении сельского и городского населения можно, например, судить по губернаторскому отчету за 1846 г., по данным которого в Малмыжском, Сарапульском, Елабужском и Глазовском уездах в деревне проживали 520 840 чел. (97,7%), а в четырех уездных городах – 12 435 чел. (2,3%) [2]. Необходимо уточнить, что здесь во внимание не приняты жители Ижевского и Воткинского горнозаводских поселков, а население Ижевского завода было значительно по численности населения губернского города Вятки. Но в любом случае удельный вес крестьян превышал 90%, в начале XIX в. он был несколько выше, чем в его середине. Следует отметить, что в условиях неточности, противоречивости и далеко неполной сохранности количественных данных источников рассматриваемого периода оперировать ими приходится весьма осторожно.

Крестьянство Удмуртии конца XVIII – первой половины XIX в. было полиэтнично. Сельскими жителями здесь являлись русские, удмурты, татары, бесермяне, марийцы, башкиры и коми-пермяки. Первые три из перечисленных народов по численности доминировали над остальными этносами.

Коренное население – удмурты – проживали в следующих районах, примыкающих друг к другу: 1) правобережье р. Чепцы, а также ее левобережье до верховьев рек Лекмы, Убыти, Сепыча и Лозы (Глазовский уезд); 2) северная, центральная, западная и восточная части Сарапульского уезда; 3) левобережье р. Вятка, начиная с р. Кильмезь (Малмыжский уезд); 4) северные и центральные части Елабужского уезда. Татарское, марийское и башкирское население было сосредоточено на южных и юго-западных окраинах Сарапульского, Елабужского и Малмыжского уездов. Западная часть Глазовского уезда была населена также татарами и бесермянами. На северо-востоке этого уезда, в верховьях Камы (так называемый Зюздинский край), жили коми-пермяки. Русские проживали на правобережье р. Вятка, по берегам р. Кама, на юге Сарапульского уезда, в северной его части по берегу р. Сива, в верховьях рек Камы и Вятки и на всем западе и юго-западе Глазовского уезда. Если в начале века русское население окружало местности, населенные удмуртами, то к середине столетия оно стало расселяться дисперсно. В основном русские крестьяне переселялись из западных уездов Вятской губернии и меньше – из Пермской. По замечанию Н.Н. Романова, наиболее существенный прирост населения после 1811 г. наблюдался, прежде всего, «в чисто инородческих местностях южных уездов (Вятской – *Н.П.*) губернии» и в Глазовском уезде [3]. Именно в первой половине XIX в. русские крестьяне начали массово заселять территорию, где в XX в. появится Удмуртская автономия, и в целом стали численно преобладать. Например, если в начале века в Глазовском уезде числилось около 20 тыс. д.м.п. русских и (незначительно) коми-пермяков, около 23,5 тыс. удмуртов, более 450 татар и 1300 бесермян, то в середине 1830 гг. численность русских возросла более чем в 1,5 раза (более 37 тыс.), коми-пермяков стало около 6 тыс., численность татар превысила 1100 ревизских мужских душ, число д.м.п. удмуртов возросло лишь до 26 тыс., а бесермян и вовсе уменьшилось до 376 [4]. В отношении бесермян возможно смешение их с татарами или удмуртами, но не менее вероятна и неточность приведенных абсолютных цифр. Вместе с тем, по вычислениям В.М. Кабузана, в Вятской губернии удельный вес татар на протяжении XIX в. вырос с 3 до 4,14%. Такой быстрый прирост был вызван отатариванием некоторой части удмуртов (их доля в губернии снизилась с 6,29 до 5,31%) и марийцев (снижение с 4 до 2,71%) [5].

По сведениям М.В. Гришкиной, к V ревизии (1795 г.) среди населения Удмуртии русские составляли 50,3%, удмурты – 37,4, татары – 8,7, марийцы – 2,0, бесермяне – 0,9%. К 1834 г. удельный вес русских возрос до 52,3, а удмуртов – соответственно сократился до 33,6%. Доля остальных народов осталась практически неизменной [6]. По данным Н.Н. Латышева, если за время с 1811 по 1868 г. прирост общего числа населения Вятской губернии составил 111,5%, то по четырем уездам территории Удмуртии – 160,2%, в то же время естественный прирост удмуртского населения составил 61,2%. Внутри указанного временного промежутка 24-летний период с 1834 по 1859 г. был временем самого большого наплыва русских крестьян-переселенцев «во все нерусские местности вплоть до самых дальних, окраинных из них». Причем этот прирост давали именно крестьяне ставших к XIX в.

* Пислегин Николай Викторович (Ижевск) – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, cpeg@rambler.ru.

коренными русскими районов Вятской губернии, из других губерний переселений почти не было [7]. К 1850 г. в крае было учтено около 300 тыс. русских, свыше 208 тыс. удмуртов, 48,5 тыс. татар, около 7,7 тыс. марийцев, более 5,5 тыс. башкир, около 4,8 тыс. бесермян [8].

Если говорить о социально-правовой принадлежности, то самой многочисленной категорией крестьянства края были государственные, или казенные крестьяне. В это сословие на территории Удмуртии вошли черносошные, ясачные, экономические, ландмилицкие (или ланцы) и приписные (до 1807 г.) крестьяне, лашманы, а также служилые татары и бесермяне. Согласно ведомости Вятской казенной палаты за 1800 г., мужское крестьянское население Глазовского уезда было представлено следующими группами: 13.763 черносошных; 2 014 экономических; 175 ландмилицких; ясачных: 2 792 русских, 37 крещеных татар, 194 некрещеных татар, 22.943 крещеных и 668 некрещеных удмуртов, 949 крещеных и 73 некрещеных бесермян; служилых: 25 крещеных и 202 некрещеных татар, 289 крещеных бесермян; 2 дворовых в г. Глазов и 491 приписных к Ижевскому заводу, итого – 44.617 [9]. По другим, по-видимому, завышенным данным, население казенных волостей Глазовского уезда по V ревизии составляло более 49 тыс. душ мужского пола и около 55 тыс. – женского, Малмыжского – соответственно более 29 тыс. и около 31 тыс., Елабужского – более 27,5 тыс. и более 30 тыс., Сарапульского – около 35 тыс. и 39 тыс. и в целом по губернии – более 433 тыс. и более 483 тыс. [10]. Соответственно, население четырех удмуртских уездов превышало 32% населения губернии.

Численность казенных крестьян Удмуртии по итогам VIII и IX ревизий представлена в табл. 1.

Таблица 1

Численность государственных крестьян Удмуртии по итогам VIII и IX ревизий

Уезд	Численность крестьян			
	VIII ревизия (1834 г.)		IX ревизия (1850 г.)	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
Глазовский	74.909	81.421	90.986	98.880
Малмыжский	56.605	62.340	69.480	74.573
Сарапульский	38.870	35.347	39.691	42.437
Елабужский	33.393	37.160	40.068	42.419
Итого	203.777	216.268	240.225	258.309
Всего	420.045		498.534	
По губернии	596.416	681.016	727.099	798.822
Всего по губернии	1.277.432		1.525.921	

Источник: НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 8. Л. 244.

Следует отметить, что различные группы продолжают упоминаться в источниках первой половины XIX в., однако они уже не имеют каких-либо особых прав и обязанностей. В 1807 г. приписные крестьяне Удмуртии стали обычными казенными крестьянами или вошли в состав категории непременных работников. VI ревизия (1811 г.) стала последней, когда официально на общероссийском уровне выделяли экономических крестьян. Упоминание в документах о принадлежности крестьян к черносошным, экономическим, ясачным и ландмилицким продолжалось до учреждения Министерства государственных имуществ. В действительности только лашманы вплоть до 1860 г. составляли особую прослойку государственного крестьянства.

Лашманы Удмуртии – это татары, бесермяне и незначительное число марийцев и удмуртов. Если в начале XIX в. представители данной категории проживали во всех «удмуртских» уездах, то после преобразования 1817 г. лашманы Глазовского и Сарапульского уездов были возвращены в казенное ведомство. По всей видимости, после 1817 г. лашманами были только татары (возможно, бывшие служилые). И в последующем численность лашманов сокращали до нормы 1817 г. [11]. К середине века в крае насчитывалось 21700 лашманов обоего пола.

Еще одной категорией крестьянства Удмуртии были непременные работники. По V ревизии к Ижевскому заводу было приписано 12684 д.м.п. крестьян, к Воткинскому – 15344 [12]. Далеко не все они стали непременными работниками. Таковые, по итогам VIII ревизии, составляли более 10 тыс. душ мужского пола [13]. К 1855 г. непременных работников с их семьями при Камских заводах было насчитано более 25 тыс. чел. [14].

Категория удельных крестьян возникла в ходе преобразования дворцовой деревни в конце XVIII в. В Удмуртии в этническом отношении она была представлена русскими. По итогам V ревизии мужское население вятской удельной деревни преодолело 40-тысячный рубеж, более 20 тыс. чел. из этого числа проживали в Сарапульском и Елабужском уездах [15]. В конце 1850-х гг. удельных крестьян стало более 75 тыс., численность населения шести приказов, расположенных на территории Удмуртии, превысила 40 тыс. «наличных душ» (1858) [16].

Особые военно-служилые категории сельских жителей представляли собой башкиры и тептяри. В этническом отношении сословие являлось очень пестрым, тептярями были татары, марийцы, чувашаи, удмурты, мордва и часть башкир [17]. Возможно, что значительную часть тептярей на территории Удмуртии представляли ма-

рийские крестьяне и отчасти башкиры и татары [18]. Тептяри Удмуртии проживали в основном в Елабужском (отчасти, возможно, Сарапульском), башкиры – в Сарапульском и Елабужском уездах. В 1811 г. (VI ревизия) насчитывалось более 2700 башкир и тептярей мужского пола, по итогам VIII ревизии – около 4,5 тыс. В середине XIX в. совокупная численность этих сословий превышала 12 тыс. чел., более 7 тыс. из них были тептярями [19]. Такой прирост объясняется не столько естественным воспроизводством, сколько включением в их состав все новых крестьян, переселяющихся на башкирские земли.

Помещичье землевладение в Удмуртии было сосредоточено преимущественно на территории, когда-то входившей в состав Казанского ханства. По X ревизии (1858 г.) в Вятской губернии насчитывалось более 37 тыс. помещичьих крестьян, что составляло к общему числу сельского населения около 1,7%. На территории Удмуртии процент крепостных помещичьих крестьян был несколько выше – 2,8%, или более 11 тыс. чел. Кроме того, необходимо учитывать крепостных на частных заводах. По Глазовскому уезду на четырех заводах в 1858 г. числилось посессионных крестьян обоего пола 5,6 тыс. чел. Первое место по количеству крепостных крестьян занимал Елабужский уезд, здесь было сосредоточено 49,6% общего числа крепостных, второе место принадлежало Малмыжскому уезду (34,7%). В Сарапульском уезде насчитывалось 1448 чел., или 12,9%, но здесь насчитывалось наибольшее по губернии число дворовых людей [20]. На долю 12 крупнейших помещичьих имений приходилось более 70% крепостных Вятской губернии. На территории Удмуртии это были имения помещиков Тевкелевых (Терсинская волость Елабужского уезда, 1854 души, татары, у других помещиков крепостными были русские), Озеровых (села Старый Бурец, Петровское, Красные Ключи и др. Малмыжского уезда, более 1600 душ), Юшковых (Гоньба, Ирюк, Калинино, Дмитриевка Малмыжского уезда, более 1300 душ), генерала Татищева, в последующем де-Бособр (д. Савали или Богородская Малмыжского уезда, около 650 душ), Машковцевых (с. Арзамасцево Сарапульского уезда, почти 600 душ) [21].

Подводя некоторые итоги, отметим, что крестьянское население Удмуртии в конце XVIII – первой половине XIX в., прежде всего, выросло численно, значительные изменения претерпел его этнический состав. Именно в этот период был пройден тот барьер, после которого удмурты превратились в меньшинство на своей родине, а для многих русских крестьян проживание по соседству с иноязычным населением стало нормой. Однако в контексте взаимоотношений с государством основополагающим являлось разделение на ряд различающихся по многим показателям социально-правовых подгрупп. Можно сказать, что права и обязанности той или иной крестьянской категории исторически формировались в связи с ролью, которую им уготовало государство. Отметим также, что в современных условиях сохранности первичных источников (материалов ревизских переписей) вряд ли допустимо говорить о возможности проведения объективного демографического исследования всей территории Удмуртии в рассматриваемую эпоху. Плодотворным здесь может стать обращение к особенностям малого административно-территориального районирования края, ряду демографических характеристик (численность, половозрастной состав, сословная, часто этническая принадлежность и т.д.) отдельных населенных пунктов, административных единиц, возможно, некоторых более обширных районов.

Источники и литература

1. История Удмуртии: Конец XV – начало XX века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2004. С. 144.
2. Подсчитано по: Государственный архив Кировской области (далее – ГАКО). Ф. 582. Оп. 1. Д. 85. Л. 96.
3. Столетие Вятской губернии. Вятка, 1881. Т. 2. С. 771–772, 808–809; Научно-отраслевой архив УИИЯЛ УрО РАН. Рукописный фонд (далее – НОА УИИЯЛ. РФ.) Оп. 2-Н. Д. 63. Л. 13–14; Д. 946. Л. 7.
4. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. 91. Оп. 1. Д. 10. Л. 175–175 об.; ГАКО. Ф. 574. Оп. 1. Д. 12. Л. 3.
5. Кабузан В.М. Народы России в первой половине XIX в. Численность и этнический состав. М.: Наука, 1992. С. 191.
6. История Удмуртии... С. 145–146.
7. НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 63. Л. 16–17.
8. История Удмуртии... С. 145–146.
9. ЦГА УР. Ф. 91. Оп. 1. Д. 10. Л. 175–175 об.
10. НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 468. Л. 86.
11. Даишев С.И. Лашманы Среднего Поволжья в первой половине XIX в. // *Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья*. Дооктябрьский период. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1978. С. 57.
12. Васина Т.А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2006. С. 85.
13. Столетие Вятской губернии... Т. 2. С. 798.
14. История Удмуртии... С. 145; Удмуртская Республика. Энциклопедия. Ижевск, 2000. С. 513.
15. Половинкин Н.С. Дворцовые (удельные) крестьяне Среднего Поволжья и Приуралья (вторая половина XVI – первая половина XIX в.): Сборник материалов и документов по спецкурсу и спецсеминару. Тюмень, 1992. С. 29, 116.
16. ГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 25. Л. 148 об.–151, 278 об.–279.
17. Шайхисламов Р.Б. Население государственной деревни дореформенной Башкирии. Уфа: Башк. гос. ун-т, 1994. С. 34.

18. См.: *Гареев И.С.* Марийские крестьяне Прикамья и Приуралья в XVIII – первой половине XIX века: Дис...канд. ист. наук. Йошкар-Ола, 1999. С. 172; *Материалы по статистике Вятской губернии*. Т. VI. Елабужский уезд. Вятка: Тип. Маишеева, 1892. С. 4–5, 60.
19. *История Удмуртии...* С. 145; *Столетие Вятской губернии...* Т. 2. С. 478–479, 800.
20. НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 45. Л. 68–69; *Удмуртская Республика. Энциклопедия...* С. 562.
21. НОА УИИЯЛ. РФ. Оп. 2-Н. Д. 63. Л. 30–31; *История Удмуртии...* С. 190–191.

Список сокращений

д.м.п. – души мужского пола

УИИЯЛ УрО РАН – Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук

Смертность в естественном движении населения «задунайских колоний» Буджака в первой половине XIX в.

В данной статье представлены предварительные результаты исследования естественного движения населения «задунайских колоний» Буджака. Выходцы из Болгарии наиболее массово переселялись как в ходе российско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг., так и после них. Миграционные процессы привели к возникновению в Буджаке данной этнокультурной общности, которая входила с 1819 г. в состав социальной группы «задунайских переселенцев». Именно обозначенный хронологический срез выступил этапом первоначального обустройства «задунайских колонистов» и интенсивного формирования болгар региона.

С целью описания и анализа естественного движения населения обратимся к информационным возможностям массово-формулярных источников. Для анализа привлечены **метрические книги по церквям четырех ранних колоний Буджака**: Импуцита (1811 г.), Чешма-Варуита (1809), Чийшия (1813), Ташбунар (1811) (современные – с. Владичень, с. Криничное, с. Городне Болградского района и с. Каменка Измаильского района Одесской области) и трем более поздним колониям (1830 г.) – Задунаевка, Главан, Камчик (современные – с. Задунаевка, с. Главан Арцизского района и с. Зоря Саратовского района Одесской области). Использование такого рода материалов в сочетании с методами статистического анализа позволили проследить складывание свойств болгарского населения региона как социальной общности с характеристиками демографической популяции.

Сама смертность понимается как «массовый процесс, складывающийся из множества единичных смертей, наступающих в разных возрастах и определяющих в своей совокупности порядок вымирания реального и гипотетического поколения» [1]. Ревизско-фискальный и в большей степени церковный учет населения позволяют изучить смертность данной общности с двух сторон. К первой относятся собственно характеристики умершего – место смерти, пол, возраст и социальное положение, ко второй – причина и время смерти. Мы располагаем 1909 записями о смертях. В массиве источника не было крупных временных пробелов, но иногда частичная сохранность записей не позволяла привлечь метрическую запись в качестве единицы информации.

Структура смертности. С.А. Новосельский отмечал, что ясное и определенное суждение о характере и особенностях смертности можно вывести только путем изучения отдельно смертности каждого возрастного класса, так как людям в разных возрастах физиологически свойственна различная сила сопротивляемости по отношению к смерти [2]. Вот почему важно рассмотреть процентное соотношение смертности для разных возрастных групп, что позволяет рассмотреть не только демографические, но и социальные характеристики населения (табл. 1).

Таблица 1

Погодичная структура смертности в первой половине XIX в.

Возрастная категория	Год																		Итого	
	1818	1820	1823	1824	1825	1827	1828	1829	1830	1831	1833	1835	1839	1840	1841	1843	1846	1848		1849
> 1	–	12,5	–	5,1	6,0	12,0	7,6	9,0	7,4	15,6	10,0	19,0	30,5	25,0	21,7	23,1	23,1	7,6	14,9	14,2
1–4	46,1	8,2	30,6	43,6	24,0	47,2	54,2	23,9	37,8	20,1	43,3	51,3	29,5	25,0	45,0	44,4	41,9	50,7	54,1	40,9
5–9	–	12,5	6,2	10,3	8,0	10,2	7,6	6,0	10,1	7,8	11,6	7,0	5,7	8,3	6,7	1,6	11,2	7,6	4,7	7,8
10–14	–	–	4,1	5,1	8,0	1,9	3,0	6,0	8,1	3,9	1,7	3,1	5,7	–	1,7	3,3	0,6	3,5	–	3,4
15–19	–	12,5	2,0	2,6	10,0	1,9	0,8	6,0	4,1	1,9	–	1,9	0,9	–	5,0	1,6	1,2	1,4	2,0	2,4
20–24	–	4,2	2,0	5,1	4,0	4,6	3,8	4,4	4,7	5,2	3,3	1,3	3,8	8,3	–	4,9	1,9	–	3,4	3,2
25–29	–	4,2	2,0	–	10,0	1,9	2,3	3,0	1,4	3,9	1,7	1,3	0,9	–	1,7	–	2,5	2,8	2,0	2,3
30–34	15,4	–	4,1	2,6	6,0	1,9	3,0	3,0	3,4	1,9	1,7	–	0,9	–	–	–	1,2	–	0,7	1,7
35–39	7,7	4,2	8,2	–	2,0	0,9	2,3	6,0	0,7	3,9	3,3	5,0	1,9	–	6,7	–	1,2	3,5	1,4	2,8
40–44	–	8,3	–	2,6	2,0	1,9	1,5	7,5	4,1	5,8	3,3	–	2,9	–	–	–	1,9	4,1	2,7	2,7
45–49	–	4,2	4,1	2,6	2,0	1,9	2,3	4,4	2,7	3,3	1,7	2,5	1,9	8,3	1,7	3,3	–	2,8	1,3	2,3
50–54	–	4,2	4,1	5,1	2,0	0,9	1,5	4,4	0,7	7,1	–	0,6	–	–	–	1,6	1,9	1,4	2,7	2,1
55–59	7,7	–	2,0	2,6	2,0	0,9	0,8	–	3,4	5,2	1,7	1,3	3,8	8,3	–	1,6	–	0,7	2,0	2,0

* Филипова Марина Петровна (Одесса, Украина) – аспирантка кафедры археологии и этнологии Украины Одесского национального университета им. И.И. Мечникова, e-mail: marinka-filipova@mail.ru.

Возрастная категория	Год																			Итого	
	1818	1820	1823	1824	1825	1827	1828	1829	1830	1831	1833	1835	1839	1840	1841	1843	1846	1848	1849		
60–64	7,7	8,3	8,2	10,3	4,0	4,6	3,8	6,0	2,0	5,2	5,0	0,6	3,8	–	5,0	4,9	1,9	2,8	1,3	3,5	
65–69	–	–	4,1	–	4,0	0,9	0,8	4,4	2,7	1,3	1,7	1,3	2,9	–	–	4,9	1,2	2,8	2,0	2,0	
70–74	7,7	8,3	4,1	–	2,0	–	1,5	1,5	4,7	2,6	5,0	1,3	1,9	16,8	3,3	1,6	1,3	2,8	2,0	2,4	
75–79	–	4,2	4,1	–	–	4,6	0,8	3,0	1,3	–	–	1,3	1,0	–	–	–	1,9	2,0	0,7	1,3	
80–84	–	–	4,1	–	2,0	0,9	0,8	–	0,7	1,9	3,3	0,6	1,0	–	–	–	1,3	0,7	0,7	1,0	
85–89	–	4,2	2,0	2,6	–	0,9	–	–	–	1,3	–	0,6	–	–	–	1,6	1,3	1,4	–	0,7	
90–94	7,7	–	2,0	–	–	–	–	1,5	–	0,7	–	–	1,0	–	–	–	0,6	0,7	0,7	0,5	
95–99	–	–	–	–	–	–	0,8	–	–	0,7	–	–	–	–	–	–	1,3	–	0,7	0,3	
100–104	–	–	2,0	–	–	–	0,8	–	–	–	1,7	–	–	–	1,7	1,6	–	–	–	0,2	
105–109	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	
110–114	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,7	–	–	–	–	–	–	0,6	0,7	–	0,2	
115–119	–	–	–	–	2,0	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,1	
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источники: Коммунальное учреждение «Измайльский Архив» (далее – ИА). Ф. 630. Оп. 1. Д. 6. Л. 25–228; Д. 7. Л. 91–156; Д. 14. Л. 43–759; Д. 47. Л. 43–28; Ф. 631. Оп. 1. Д. 2; Д. 3. Л. 234–768; Д. 5. Л. 264–866; Д. 6. Л. 218–858; Д. 7. Л. 654–745; Д. 9. Л. 113–820; Д. 10. Л. 113–934; Д. 11. Л. 122–660; Д. 15. Л. 285–327; Д. 16. Л. 306–357; Д. 18. Л. 236–279; Д. 20. Л. 42–93; Д. 20. Л. 289–921; Д. 23. Л. 55–110; Д. 24. Л. 112–605; Д. 27. Л. 115–703; Д. 28. Л. 136–723; Д. 36. Л. 156–566.

Наиболее стабильны высокие абсолютные показатели детской смертности до пяти лет. В некоторые годы они были особенно высокими. Наибольшая детская смертность была зарегистрирована церковными источниками в 1835 г. (70,2%). Так, в 1827–1828, 1839 гг. детская смертность достигала 61%. С 1841 гг. она стабильно высокая и составляла от 66,7 до 69% от всех смертей.

Как известно, в XIX в. на территории России отмечались три пандемии холеры: в 1823, 1829–1831, 1846–1848 гг. А. Скальковский отмечает, что в 1847 и 1848 гг. население Новороссии и Бессарабии страдает от неурожая и засухи, а еще больше – от эпидемии холеры [3].

Среди местностей Новороссийского края, где смертность превысила рождаемость, исследователь называет и Бессарабскую область, в которой на 1848 г. ситуация была следующей: родилось – 27,084 детей; умерло – 30,765 чел.; перевес смертности – 1,638 [4].

А. Скальковский, анализируя таблицы рождений и смертности за 1845, 1847, 1848 гг. в Новороссии и Бессарабии, отмечает, что младенцы гибнут тысячами, пока не перешагнут за роковую черту пятилетнего возраста. По его подсчетам, доля младенцев составляла более 1/3 от общего числа умерших, а доля детей до 10 лет – 1/12 от общей суммы смертности [5]. Среди причин такой огромной гибели младенцев исследователь называет: «отсутствие необходимого присмотра за малолетними детьми, а также недостаток в образованных повивальных бабках и правильном медицинском пособии для родителей, которому тщательно силиться пособлять благодетельное правительство всеми зависящими от него средствами» [6].

Рассмотрим подробнее структуру смертности в болгарских колониях согласно возрасту и полу (табл. 2).

Таблица 2

Половозрастная структура смертности по материалам метрических книг

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Вместе	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
До 1 года	117	13,2	124	15,3	241	14,2
1–4	352	39,9	340	42,1	692	40,9
5–9	69	7,8	63	7,8	132	7,8
10–14	28	3,2	29	3,6	57	3,4
15–19	21	2,4	19	2,4	40	2,4
20–24	23	2,6	31	3,8	54	3,2
25–29	14	1,6	25	3,1	39	2,3

Возрастные группы	Мужчины		Женщины		Вместе	
	Количество	%	Количество	%	Количество	%
30–34	12	1,4	17	2,1	29	1,7
35–39	28	3,2	19	2,4	47	2,8
40–44	30	3,4	15	1,9	45	2,7
45–49	23	2,6	16	2	39	2,3
50–54	23	2,6	13	1,6	36	2,1
55–59	24	2,7	9	1,1	33	1,9
60–64	35	4	25	3,1	60	3,6
65–69	19	2,2	14	1,7	33	2
70–74	22	2,5	19	2,4	41	2,4
75–79	11	1,2	11	1,4	22	1,4
80–84	12	1,4	5	0,6	17	1
85–89	8	0,9	4	0,5	12	0,7
90–94	2	0,2	6	0,7	8	0,4
95–99	4	0,4	1	0,1	5	0,3
100–104	2	0,2	2	0,2	4	0,2
105–109	–	–	–	–	–	–
110–114	3	1	1	0,1	4	0,2
115–119	1	–	–	–	1	0,1
Всего	883	100	808	100	1691	100

Источники: ИА. Ф. 630. Оп. 1. Д. 6. Л. 25–228; Д. 7. Л. 91–156; Д. 14. Л. 43–759; Д. 47. Л. 43–228; Ф. 631. Оп. 1. Д. 2; Д. 3. Л. 234–768; Д. 5. Л. 264–866; Д. 6. Л. 218–858; Д. 7. Л. 654–745; Д. 9. Л. 113–820; Д. 10. Л. 113–934. Д. 11. Л. 122–660; Д. 15. Л. 285–327; Д. 16. Л. 306–357; Д. 18. Л. 236–279; Д. 20. Л. 42–93; Д. 20. Л. 289–921; Д. 23. Л. 55–110; Д. 24. Л. 112–605; Д. 27. Л. 115–703; Д. 28. Л. 136–723; Д. 36. Л. 156–566.

Из 1691 числа смертей 883 (52,2%) приходится на мужскую часть населения колоний и 808 (47,8%) – на женскую. В новообразованных колониях – 55,1 и 44,9 соответственно.

По подсчетам исследователей всегда существует избыток мальчиков при рождении – около 105 рождений мальчиков на каждые 100 рождений девочек [7]. Мужская смертность превышала женскую в Европе в XVIII–XIX вв. Избыток смертей мужчин был достаточным не только для того, чтобы обеспечить равенство полов в брачных возрастах, но и чтобы создать избыток женщин. Это подтверждает анализ половозрастной структуры населения болгарских колоний. Но интересно, что в первых двух детских группах (0–4; 5–9) девочек умирало больше чем мальчиков (57,4% от суммы смертей в женской когорте, а мальчиков – 53,1%). В последующих трех возрастных группах ситуация в гендерном отношении одинакова. Далее наблюдается повышение женской смертности (11,4%) в детородный период 20–39 лет. Согласно данным метрических книг, одними из наиболее часто встречаемых причин смерти женщин в этом возрасте были осложнения, связанные с родами и послеродовым периодом («от родов»). В этих возрастных группах мужская смертность относительно низкая, но уже по достижению 40-летнего возраста смертность сильного пола превалирует над женской. Одинаково высока смертность в пожилых когортах 60–64 и 70–74 лет. Как видно из табл. 2, встречались и долгожители, максимальный возраст которых достигал 115–119 лет. А. Скалковский пишет: «Категория столетних или почти столетних стариков (от 95 до 130), умерших в два последние года (1847–1848 гг. – Авт.) удивляет. В Бессарабии в 1847 г. их число составляло 87 человек, а в 1848 – 73» [8]. Мы имеем сведения о девяти жителях колоний (с 1818–1849 гг.), переживших за столетний рубеж.

Ранжирование по возрастам в очередной раз подтверждает перевес детской смертности над общей. Половое соотношение смертности в детской группе 0–4 равнялось 101,1, в следующей группе (5–19 лет) оно несколько уменьшается, что объясняется превышением смертности мальчиков в первые годы жизни (106,3). Лишь в группе 20–39-летних женская смертность доминирует над мужской, находясь в соотношении 83,7, что связано с повышенной смертностью в детородный период. Во всех остальных возрастных группах (40–59; 60–79; 80–99; больше 100 лет) соотношение полов уменьшается, так как мужская смертность превосходит женскую (188,7; 126,1; 162,5; 200). Наблюдаем выраженную вероятность смерти у мужчин в различных возрастных интервалах.

Анализ возрастной структуры смертности позволил частично проследить колебания и темпы снижения смертности по возрастным группам. Способность индивидуума сопротивляться болезням и смерти в разные возрастные периоды различна. Также нужно отметить неравенство когорт перед лицом смерти. Это доказывается тем, что специфическая уязвимость жизнеспособности мужчин выше при любой относительности измерения.

Младенческая смертность – один из демографических факторов, наиболее наглядно отражающих уровень развития страны и происходящие в ней экономические и социальные изменения.

Как известно, младенческая смертность складывается из неонатальной (в возрасте 0–27 дней жизни) и постнеонатальной (с 28 дня и до конца первого года). Неонатальная смертность, в свою очередь, подразделяется на раннюю неонатальную (с 28 недели беременности и до конца первых семи суток внеутробной жизни) и позднюю (последующие три недели жизни). Это деление важно, потому что снижение смертности на разных этапах первого года жизни – задача разной степени сложности. Новорожденный наиболее уязвим в первые дни после появления на свет, потом его уязвимость ослабевает, а защитные силы организма укрепляются. Чем старше младенец, тем легче при прочих равных условиях сохранить его жизнь [9].

В число базовых показателей демографии входит коэффициент младенческой смертности (КМС). Коэффициент младенческой смертности выражается обычно в промилле (‰) и обозначает количество детей, умерших в возрасте до одного года на 1000 новорожденных за один год. Рассмотрим распределение коэффициента младенческой смертности в колониях (рис. 1).

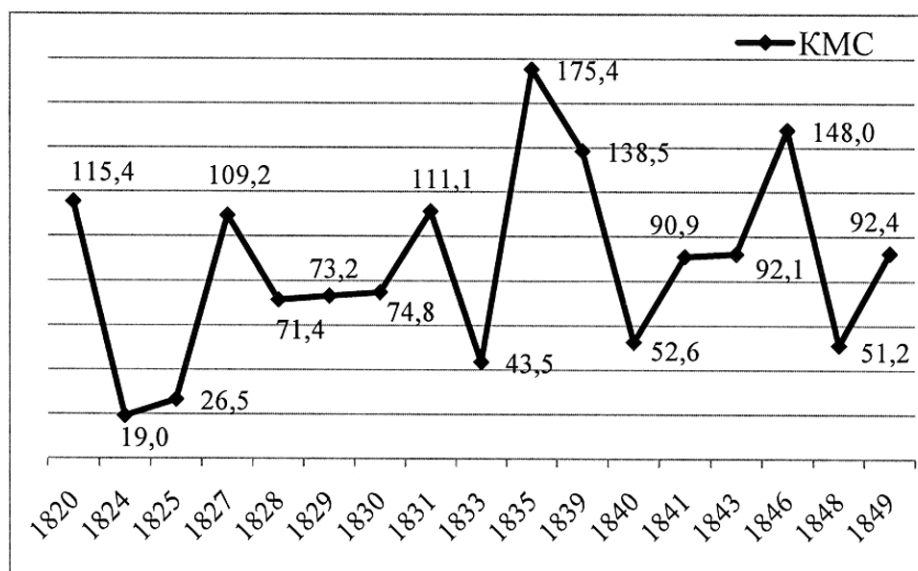

Рис. 1. Кривая младенческой смертности по годам.

В новообразованных колониях КМС выше, чем в ранних (124,3). Младенческая смертность в разные периоды варьировала между 19,0 до 175,4 на тысячу. Были случаи, когда все родившиеся младенцы умирали в течение месяца после рождения. В Болгарии в этот период детская смертность составляла 227,3 на тысячу. В Хорватии в период с 1820 до 1880 г. коэффициент детской смертности двигался между 222,0 и 249,3 на тысячу, что всецело соответствовало данным Болгарии [10]. В развитии детской смертности трудно выделить продолжительные тенденции. В этот период младенческая и детская смертность была вызвана плохими санитарно-гигиеническими условиями жизни и недостатком акушерской помощи [11].

Оценивая степень учета младенческой смертности в метрических книгах, отметим, что фиксация перинатальной, неонатальной и постнеонатальной смертности существовала уже с момента ведения метрических книг в данных колониях. С 1838 г. регистрация младенческой смертности переходит на качественно новый уровень и приобретает постоянный характер. В метрических книгах церквей колоний за 1818–1849 гг. зафиксировано 117 смертей мальчиков и 124 – девочек до года (табл. 3).

Число женских смертей на 2,9% превышает число мужских. В документах зафиксирован 241 случай смерти младенцев, что составляет 14,2% от общего числа смертей (1691 случай). Постнеонатальная смертность составляет 75,9, доля неонатальной – 24,1%. Среди неонатальных были выделены смерти перинатального периода, которые составляют 12,4% от общего числа младенческой смертности.

Таблица 3
Младенческая смертность за 1818–1849 гг.

Возрастная группа	Мальчики	Девочки	Вместе	
			Абс.	%
> 1 месяца	35	27	62	25,7
1 месяца	12	11	23	9,5
2 месяца	12	17	29	12,1
3 месяца	10	17	27	11,2
4 месяца	5	3	8	3,3
5 месяцев	10	6	16	6,6
6 месяцев	20	18	38	15,8
7 месяцев	3	8	11	4,6
8 месяцев	6	10	16	6,6
9 месяцев	3	4	7	2,9
10 месяцев	1	3	4	1,7
11 месяцев	–	–	–	–
12 месяцев	–	–	–	–
Всего	117	124	241	100

Известно, что смертность в первый год жизни не распределялась равномерно: самое высокое количество смертельных случаев имеется в первый день, первую неделю и первый месяц жизни новорожденных. С этой точки зрения становится понятным, что смертные случаи в первый день или первую неделю занижены. Такие пропуски в регистрации приходятся на детей, умерших во время родов или немного позже, которые не вписывались в метрики. Вот почему следует ожидать более высокую детскую смертность в этот период. Вопреки заниженной регистрации и неточностям при учете точного возраста детей в первые дни жизни общая регистрация достаточно полная [12].

Среди причин младенческой смертности наиболее часто встречаемых в метрических книгах следует назвать кашель (72 случая), «оспу» (36), «от стисков» (31), «сухоты» (19) и «понос» (17). Реже среди причин смерти указывались: отеки, горячка, чахотка, простуда и корь. Интересно, что всего в двух случаях причиной смерти указана «младенческая», а в семи – «натуральная».

Сезонность смертности. Исследование сезонности общей смертности населения колоний показывает, что в некоторые месяцы она была значительно выше, чем в остальные (рис. 2).

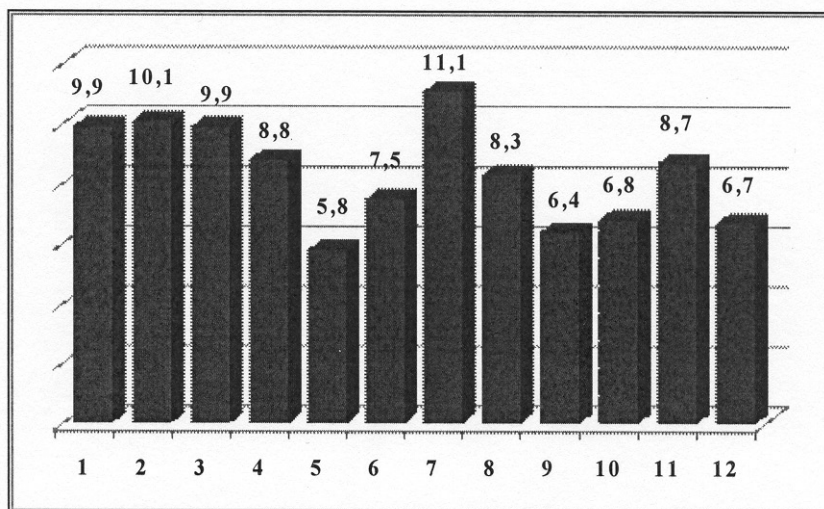

Рис. 2. Сезонность смертности населения в колониях в первой половине XIX в.

Пики смертности приходятся на январь (9,9%), февраль (10,1%), март (9,9%) и июль (11,1%). Для анализа сезонности смертности необходимо обратить внимание на младенческую смертность.

Немногочисленные исследования, посвященные сезонности смертности, отмечают ярко выраженный летний (с июня по август) пик младенческой смертности. Объяснение этому находят в высокой смертности детей в возрасте до одного года от желудочно-кишечных заболеваний, которые составляли значительную часть в структуре причин младенческой смертности [13]. Пик этих заболеваний всегда приходится на летние месяцы и связан с сухой и жаркой погодой, а также с особенностями вскармливания новорожденных. Наши данные частично подтверждают этот факт. В июле и августе показатели младенческой смертности достаточно высокие. Но в наблюдаемом нами обществе пик младенческой смертности приходится на зимне-весенние месяцы – январь, февраль и март (38,1% от общего числа младенческой смертности) и осенний месяц – ноябрь (11,5%). Тогда как в остальные месяцы года смертность детей в возрасте до одного года была в 1,5-2 раза ниже среднего. Вполне

очевидно, что сезонность рождений влияла на сезонность младенческих смертей. Мы оценили гипотетическое распределение младенческих смертей в наблюдаемом населении по месяцам года при отсутствии сезонности рождений (рис. 3).

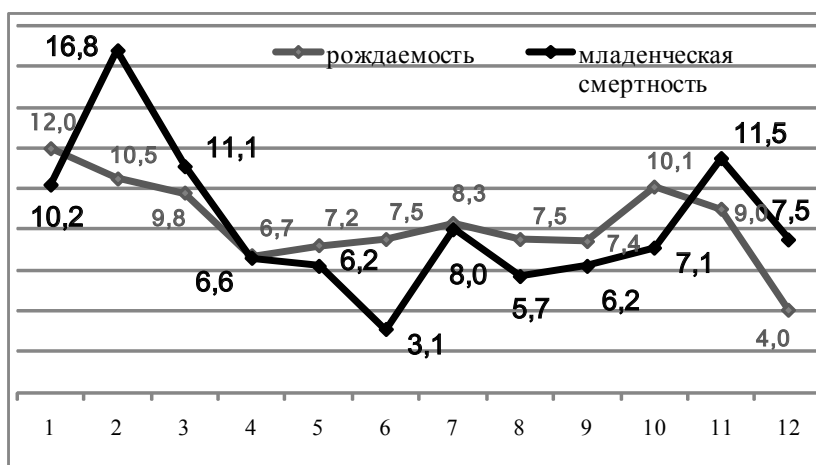

Рис. 3. Распределение рождаемости и младенческой смертности по месяцам.

Распределение младенческой смертности и рождаемости по месяцам показало, что высокая рождаемость провоцировала и высокую смертность детей до одного года. Из диаграммы видно, что именно в те месяцы, в которых наблюдается всплеск рождаемости, наблюдается и повышенная младенческая смертность.

Вполне очевидно, что повышенная общая смертность в январе–феврале и марте (29,9%) связана с младенческой и женской смертностью во время родов, высокая смертность населения в июле (11,1%) – с увеличением количества желудочно-кишечных заболеваний.

Начиная с 30-х гг. сезонность смертности становится более выраженной (рис. 4). Очевидно, за счет младенческой и детской смертности, доля которых в общей структуре смертности достигала 70% .

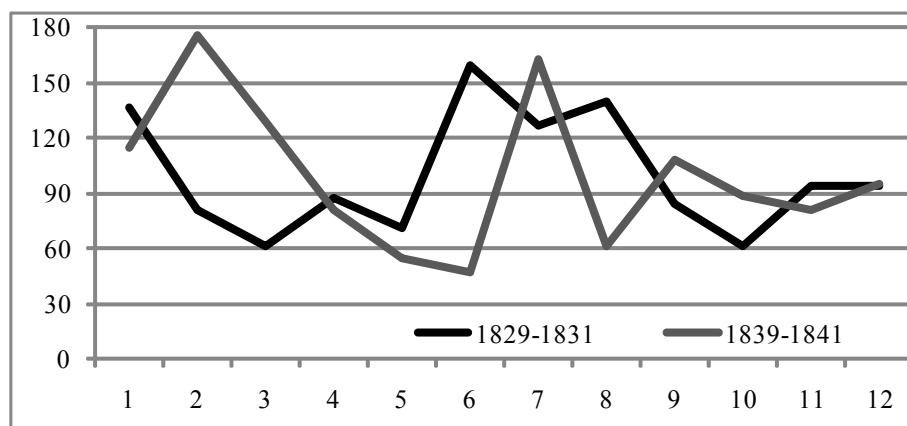

Рис. 4. График индекса сезонности смертности.

Таким образом, анализ структуры смертности позволил проследить ее колебания и темпы ее снижения по возрастным группам, зависимость смертности разных возрастных категорий от сезонных факторов, социальных условий, которые, в конечном счете, и определили уровень возрастной смертности. Особенно высокой была детская смертность, но несмотря на это население колоний увеличивалось, поскольку высокая смертность провоцировала и высокую рождаемость. Модель смертности «задунайских колоний» в этот период соединяла черты, характерные как для Центральной и Восточной Европы, так и для Балкан.

Источники и литература

1. Народонаселение: Энциклопедический словарь. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994. С. 448.
2. Новосельский С. Смертность и продолжительность жизни в России. Петроград, 1916. С. 4.
3. Скальковский А. О смертности и долговечности в Новороссийском крае. Из журнала МВД. 1850. Ч. XXIX. Кн. 1. С. 2.

4. Там же. С. 3.
5. Там же. С. 6.
6. Там же. С. 6.
7. *Анри Л., Блюм А.* Методика анализа в исторической демографии / Пер. с франц. С. Хока и Ю. Егоровой. М.: РГГУ, 1997. С. 24–27, 63; *Хаджнал Дж.* Европейский тип брачности в ретроспективе // *Брачность, рождаемость, семья за три века* / Сб. статей под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. М.: Статистика, 1979. С. 55.
8. *Скальковский А.* Указ. соч. С. 6.
9. *Кваши Е.А.* Младенческая смертность в России в XX веке // *Социологические исследования*. 2003. № 6. С. 47–55.
10. *Тодорова М.* Балканското семейство. Историческа демография на българското общество през османския период. София, 2002. С. 83.
11. *Миронов Б.* Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). В 2 т. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 1. С. 191.
12. *Barclay George W.* Techniques of Population Analysis. New York, London: John Wiley & Sons, 1958. P. 114.
13. *Авдеев А., Блюм А., Троицкая И.* Сезонный фактор в демографии российского крестьянства в первой половине 19 века: брачность, рождаемость, младенческая смертность // *Российский демографический журнал*. М., 2002. № 1. С. 35–45.

Сельское расселение и состав населения на верхней Колве и Печоре в XIX – начале XX в.

На протяжении многих веков осваивались труднодоступные земли на стыке бассейнов Камы, Печоры и Вычегды. История заселения этого региона – это тоже часть процесса формирования российской государственности на обширных землях Европейского Северо-Востока. Здесь издавна человек обустроивал волоковые пути, чтобы переходить из одного бассейна в другой [1].

В XIX в. продолжался процесс увеличения населения в центральных местах Чердынского уезда за счет внутреннего прироста. Это вело к укрупнению ряда поселений, дефициту земель, необходимых для возделывания культур, заготовки сена и пастбы скота, а также к истощению промысловых охотничьих и рыболовных угодий. Результатом сложившихся условий явилась миграция населения в отдаленные верхне-колвинские места и далее еще севернее, на верхнюю Печору. К тому же движение происходило при отсутствии запрета на свободный захват земли, поскольку на севере Чердынского уезда долго не вводилось государственное межевание земель, и как следствие этого – сохранялась система подворного и наследственного землепользования с правом свободного захвата земли [2]. Продвижение на север обосновывалось не только экономическими, но и религиозными соображениями – здесь удобно было проживать старообрядцам-беспоповцам [3].

Реальную картину освоения верхне-колвинского бассейна рассмотрим на материалах VII ревизской переписи 1834 г.

Внутреннюю миграцию запечатлели писцы, проводившие перепись, и их данные весьма ценные. В дер. Гадье, основанной Чагиными в конце XVIII в., в 1821 г. поселилось семейство Исакова из Анисимовской волости. В дер. Ньюзим в 1821 г. «причислено» пять семей Пашиных из Покчинской волости и два брата Мисюревы с семьями из дер. Мисюревой Цыдвинской волости. Деревню Петрецово в 1821 г. основали Плотников из дер. Глебовой Анисимовской волости и два брата Русиновы из починка Русиново Вильвенской волости Чердынского уезда. В 1821 г. в дер. Ракшер приехали три семьи Воложениновы из дер. Шипицыно Цыдвинской волости. Такая же картина возникновения дер. Урцево: «причислены из Покчинской волости в 1821 году» три семьи Асановых и одна семья Пинягина. В дер. Раскат две семьи Сивухиных в 1821 г. прибыли из дер. Лызово Вильгортской волости. В дер. Кикус подселелись и «причислены» в 1821 г. к давно живущим жителям две семьи Кушнинных из Анисимовской волости [4]. Тогда же четыре брата Афанасьевых г. Чердыни переселились на р. Печору и основали дер. Усть-Пожег (Мамыли) – самый северный населенный пункт на рассматриваемой территории Чердынского уезда [5].

Приведенные примеры показывают, что в формировании верхне-колвинского населения участвовали выходы из центральных поговостов Чердынского уезда, освоение которых закончилось к середине XVIII в. Дальнейшее заселение верхней Колвы и верхней Печоры происходило уже за счет того населения, которое пошло от первопоселенцев и адаптировалось к местной природной среде. Хотя верхне-колвинское русское население формировалось поздно, но оно было с традициями северно-русской культуры, которыми обладали их предки. Об этом можно с полной уверенностью заявлять, поскольку известно, что русское население, впервые появившееся в Чердынском уезде в XVI–XVII вв., происходило из Северо-Двинского бассейна и Заонежья [6].

В момент проведения VII ревизской переписи в 1834 г. в двух селах и 25 деревнях исследуемой территории проживало 411 семей, в которых числилось 2809 чел., из них 1414 мужчин и 1395 женщин.

Результатом освоения верховьев Колвы во второй половине XIX в. являются данные переписных материалов, которые составлялись Чердынской уездной земской управой. В реестр земской подворной переписи 1884–1885 гг. внесено в Ныробской волости два села Ныроб и Искор и 12 деревень; в Корепинской волости – с. Корепино и шесть деревень; в Тулпанской волости 31 деревня, три выселка и один починок. Численность хозяйств и населения выглядела таким образом: в Ныробской волости 457 хозяйств и 2411 чел. (1206 муж., 1205 жен.), в Корепинской волости 198 хозяйств и 1153 чел. (579 муж. и 574 жен.), в Тулпанской волости 223 хозяйства и 1306 чел. (604 муж., 702 жен.) [7].

По числу дворов и жителей центральные поселения вновь образованных Корепинской и Тулпанской волостей занимали не первые места. В 1897 г. в с. Корепино насчитывалось 29 дворов с населением 174 чел., а в деревнях Корепинской волости Гадья и Кикус эти показатели выглядели более высокими. В дер. Гадья насчитывалось 48 дворов и 275 жителей, в дер. Кикус – 34 двора и 235 жителей. В Тулпанской волости по народонасе-

* Чагин Георгий Николаевич (Пермь) – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой древней и новой истории России Пермского государственного университета, g-chagin@yandex.ru.

лению превосходили дер. Нюзим (по р. Колва) – 29 дворов и 203 жителя, дер. Пачгино (по р. Печора) – 30 дворов и 208 жителей. В самом с. Тулпан насчитывалось лишь 17 дворов, «разбросанных кучей», и 102 жителя.

Из переписных данных видно, что в верхне-колвинском и верхне-печорском бассейнах общее число хозяйств в 1884–1885 гг. достигало 878, а жителей – 4870 чел. По земским переписным материалам 1897 г. устанавливается, что население этого района увеличилось за 12 лет (с 1885 по 1897 г.) на 1047 чел. (17,7%). В Ныробской волости новых населенных пунктов не возникло. Здесь сохранились прежние 20 деревень, в которых проживало 2943 чел. В Корепинской волости всех поселений стало 35, в них насчитывалось 1343 чел. В отдаленной Тулпанской волости, охватывающей территорию верховьев колвинского и печорского бассейнов, было самое большое число деревень – 62 с населением 1631 чел. В целом, на изучаемой территории по переписи 1897 г. в четырех селах и 113 деревнях проживали 5917 чел. В среднем на каждый двор приходилось по 4–5 чел.

На 1870–1880-е гг. пришлось возникновение 15 населенных пунктов по рекам Колва и Березовая, из них в Корепинской волости – одно село (им стало Корепино), одна деревня, шесть починок, два выселка; в Тулпанской волости – одно село (им был Тулпан), пять деревень, один выселок; в этой же волости по р. Печора также 15 населенных пунктов: пять деревень, пять выселков и по р. Унья (приток р. Печора) три деревни, один выселок. Функционировали две пристани: Якшинская на р. Печора и Усть-Еловская при впадении р. Еловка в р. Березовка (последняя впадает в Чусовское озеро, из которого вытекает р. Вишерка, приток Колвы).

Интерес вызывает начальная история с. Тулпан и Тулпанской волости. Можно предположить, что на месте будущего центра волости поселение существовало в начале XIX в., но «под собственным названием» оно впервые показано на карте 1843 г. [8]. Северная часть Чердынского уезда впервые была выделена в самостоятельную волость в 1867 г. Называлась она Нюзимской по центральному поселению – дер. Нюзим. Во время земской подворной переписи в 1884–1885 г. дер. Тулпан значится уже центром Тулпанской волости. В нем насчитывалось 17 дворов и 53 жителя [9]. Жители Тулпанской волости получили известность у населения Чердынского уезда как «*верховцы*». Это название отражало их территориальное размещение – по верховьям Колвы и Печоры. По конкретному месту проживания «*верховцы*» делились на «*колвинских*» и «*печорских*».

Интенсивное заселение самых отдаленных и труднодоступных мест, особенно с двух сторон водоразделов – колвинской и печорской, соединяющихся только волоковыми сухопутными путями, свидетельствует о том, что сюда потянулось население исключительно за освоением богатых в то время охотничьих и рыболовных угодий. Часто сначала сюда приходили крестьяне отходники, выбирали место для постоянного жительства, а затем привозили свои семьи. Здесь многих жителей объединяли сознание принадлежности к старообрядческой вере и возможность уберечь свои религиозные устои.

Последовательность заселения верховьев Колвы, Печоры и их притоков прослеживается по распространению фамилий. Чагины из дер. Гадья и Афанасьевы из с. Ныроб поселились на Унье-реке (приток Печоры) в дер. Светлый Родник, Собянины и Сивухины из с. Корепино в дер. Усть-Бердыш и выс. Шайтановка, Паршаковы с Язьвы-реки в дер. Паршакову (на р. Колва), Девятковы из с. Ныроб в дер. Усть-Волосница, Лызловы (тоже из Ныроба) в дер. Пачгино, Бурмантовы из с. Покча в дер. Усть-Бердыш и др.

Выселок Семь Сосен по р. Вишерка, вытекающей из Чусовского озера, в 1897 г. основали две семьи – Собяниных из Тулпанской волости и семья Опариных из Морчанской волости (по р. Вишера). В трех семьях взрослых и детей насчитывалось 18 чел. [10]. Собянины и Опарины стали надолго преобладающими фамилиями в дер. Семь Сосен Ныробской волости.

Когда дер. Тулпан стала центром Тулпанской волости, в ней поселились Собянины и Пашины из дер. Нюзим, Русиновы из дер. Петрецово, Сусловы из дер. Гадья, Воложаниновы из дер. Ракшер. В связи с ростом населения, развитием волостных функций, освящением православного храма в 1896 г. дер. Тулпан переводится в разряд села.

Ботаник П.Н. Крылов, много общавшийся с местным населением во время своих путешествий в 1870-е гг., постоянно слышал о возникновении деревень. Сведений у него набралось так много, что он в своем историко-этнографическом очерке сделал обобщения, которые вполне согласуются с теми данными, которые только что изложены нами на основе документального материала.

Приведем небольшую выдержку из очерка П.Н. Крылова: «*Верховья реки Колвы заселялись позже Вишеры. По народным рассказам, деревни Кикус и Бутырки основаны всего около 60 лет назад, первая Кушными из Исгора, вторая Антоновыми оттуда же. Урцевы из с. Покчи основали деревню того же имени [Урцево] недалеко от устья р. Березовой.*

Село Корепино древнее: первым поселенцем был Собянин, бежавший сюда около 150 лет назад из с. Верх-Язьвинского от солдатчины. Через год к нему присоединились Сивухины из д. Салтаново, убежавшие так же от отбывания воинской повинности. Лет около 60-ти назад сюда приселились еще Корятины, от которых в Корепино было всего 3 дома.

Деревня Ракишер основана позже Корепино Вологжаниновыми, бежавшими с семьей из Цыдвы от солдатчины.

Далее вверх по Колве назад тому три поколения поселились трое Прашаковых из д. Велгура на Вишере, основав там д. Нерпину и некоторые другие. Спустя некоторое время, одни из них выселились на р. Печору.

По р. Березовой всего 3 поселения: деревни Березовая, Булдырья и выселок Трубаниха. Первая заселена одновременно с Корепиной, тоже Собянинскими из Верх-Язьвы, позднее на памяти нынешних жителей, к ним присоединились Оносовы с Вишеры, затем Урцевы из Покчи, Асановы и Пинягины из д. Ивакиной близ Чердыни. Последние скрывались здесь от воинской повинности. Булдырья основана с небольшим 30 лет назад переселенцами с Вишеры. Трубаниха существовала раньше этих двух поселений, лет более 70.

На Печоре старинное селение д. Пажгина, затем Усть-Пожег, Волосница. Усть-Унья стоит около 75 лет (здесь поселился Паршаков из д. Нерпиной, до него жил Собянин, потом поселился Носов).

Светлый Родник на р. Унье и Гаревои на Печоре основаны около 15 лет, селились туда из Усть-Уньи. Усть-Бердыш основан всего лет 8 назад. Здесь в 1870 г. поселились: Иван Зотеевич Паршаков из д. Нерпиной, Николай Давыдович Клепиков из д. Сельковой (Ныроб) и два человека, один из которых был с. Усть-Цильмы» [11].

О том, как происходила миграция в отдаленные места верховьев Колвы и Печоры, долго помнили старожилы, поскольку многих из них, живущих в разных населенных пунктах, продолжали объединять семейно-родственные связи. В ряде населенных пунктов эти традиции сохраняются в наше время.

По свидетельству Гаврилы Максимовича Собянина (1891 г.р.), в его родной деревне «*первым жителем был старик Дий. Потом приехали из д. Нюзим братья Максим (отец информатора. – Г.Ч.) и Федор Григорьевичи, затем их племянники Федор и Данила Ионычи. Все они были Собянины. Потом сыновья Федора – Наум и Иван – построили свои дома. Впоследствии к ним присоединились Григорий Собянин и Егор Пашин. Все они приходили с семьями. Связи с родными в д. Нюзим не прерывали. Следующее поколение, выросшее уже в Дие, брало жен в деревнях Нюзим, Тиминская, Талово, Черепаново. Многие дети от таких браков оставались жить в Дие*».

Д.В. Мисюрев, 1893 г.р., помнил, что «*первые жители в д. Черепановой пришли из чердынской д. Мисюревои, поэтому здесь были люди с одной фамилией – Мисюревы*». Он же помнил, что первоначально дер. Черепаново называлась Евстропиной, по имени первого Мисюрева. Устное сообщение справедливо, поскольку документально известно, что из Цыдвинской волости Чердынского уезда, в которой была дер. Мисюрева, к дер. Нюзим «*причисляли в 1821 г. Евстропу Феофилактовича Мисюрева*» [12]. Впоследствии он с братом Ефимом направился вверх по р. Колва, выбрал место и положил начало дер. Евстропиной, ставшей Черепановой.

Исторические и лингвистические данные показывают, что верхние Колва и Печора были заселены русским населением. Его народная культура представляла собой часть северно-русской. Но первое русское население, которое селилось в самих погостах Искоре и Ныробе, имело этнокультурные связи с аборигенным коми-пермяцким населением. Взаимные контакты народов развивались в направлении ассимиляции древнего местного населения, активно происходившей в XVI в.

При освоении природных ресурсов наиболее труднодоступных мест верховьев Колвы, Березовой, Уньи, Печоры русские могли сталкиваться с вогулами (манси). На верхней Колве и Березовой сам факт контактов еще не дает право говорить о включении вогульского (мансийского) населения в состав русского населения. Семейно-брачные связи двух народов письменными и устными источниками не зафиксированы, и утверждать об этнической преемственности не приходится. Но местная топонимия насыщена не только русскими, но и финно-угорскими терминами.

Иная картина наблюдалась на верхней Печоре. В физической внешности некоторых русских обнаруживались признаки, свойственные манси. Известный геолог Печорского края В.А. Варсанюфьева, хорошо знавшая население деревень по р. Унья, высказала такое наблюдение: «*Против устья Уньи расположено селение Усть-Унья, основанное лет 100 тому назад русскими выходцами с Колвы. Они встретили недалеко от устья Уньи чумы вогулов и взяли себе в жены вогулок. И теперь есть в Усть-Унье потомки этих поселенцев, представляющих помесь вогулок с русскими. Они обычно отличаются небольшим ростом, несколько косым разрезом глаз и коротким, четко вздернутым носом*» [13].

В самой северной дер. Мамыли (второе ее название Усть-Пожег) на р. Печора, относящейся к Чердынскому уезду, издавна проживали русские. Но так как совсем рядом находились коми-зырянские деревни, то общение с нерусским населением не прошло бесследно. Как отмечали путешественники, здесь немало людей «*окончательно ассимилировались последними [коми-зырянами], и даже забыли свой природный язык*» [14].

В истории имеется один поздний пример связей русских с коми-зырянским населением. В Ныробской волости на берегу Березовского озера в конце XIX в. поселились коми-зыряне, вышедшие из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии [15]. В 1903 г. к ним присоединились крестьяне из дер. Кекур Почеговской волости Усть-Сысольского уезда. Среди них был А.М. Мингалев 1866 г.р., который впоследствии вспоминал: «*В Вологодской губернии в последнее время проживать стало трудно, так как население стало густеть, а земля была*

не хлебодной, и также нельзя стало надеяться на дичь по той же причине, т. е. стало много народу, – ввиду этого мы с отцом и даже всей семьей решили, куда-нибудь переселиться. Для этого во время сезона охоты стали подыскивать подходящее место... и в конце концов после многих положенных трудов вместе я и мои соседи... выбрали место, где в настоящее время стоит деревня Березовка» [16].

Таким образом, история заселения и сама численность населения на стыке Колвы и Печоры занимают особое место в истории Европейского Северо-Востока. Зная аспекты социальной демографии, можно приступить к более глубокому изучению традиционной культуры и быта здешнего населения.

Источники и литература

1. Варнаховский Н. Рыбный промысел в среднем течении реки Печоры. СПб., 1900. С. 5–33; Ончуков Н.Е. По Чердынскому уезду: поездка на Вишеру, на Колву и на Печору // Живая старина. 1901. № 1. С. 37–74; Чагин Г.Н. Предприниматели Чердынского края на Европейском Севере России во второй половине XIX – начале XX века // Вестник Поморского университета: Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 11. С. 89–93.
2. Чагин Г.Н. Земельное право русских крестьян Северного Прикамья в XVI – начале XX века // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. Материалы III Всерос. (XI межрегион.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). Ижевск, 2010. С. 470–477.
3. Чагин Г.Н. Старообрядческий мир верховьев Колвы и Печоры в XIX–XX вв. // Уральский сборник: история, культура, религия. Екатеринбург, 1998. Вып. II. С. 258–272.
4. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 511–532.
5. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 538.
6. Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 114.
7. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1889. С. 968, 982, 1026.
8. Кривоцеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 721.
9. Сборник статистических сведений по Чердынскому уезду Пермской губернии. Пермь, 1889. С. 996.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 1651. Л. 65.
11. Крылов П.Н. Вишерский край: исторический и бытовой очерк Северного Приуралья: заметки из путешествий по Пермской губернии в 1870–78 гг. Свердловск, 1926. С. 9–10.
12. ГАПК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 2365. Л. 514.
13. Варсанюфьева В.А. Географический очерк бассейна р.Уньи // Северная Азия. М., 1929. Кн. 1. С. 78.
14. Белдыцкий Н.П. В парме: очерки северной части Чердынского уезда. Пермь, 1901. С. 6.
15. Кривоцеков И.Я. Словарь географическо-статистический Чердынского уезда Пермской губернии. Пермь, 1914. С. 382.
16. ГАПК. Ф. р-1423. Оп. 1. Д. 165. Л. 17.

Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг.**

В период революции и гражданской войны население Сибири пережило первую в XX столетии мощную демографическую катастрофу. Ее истоки следует искать в том демографическом кризисе, который разразился еще в годы Первой мировой войны. Основным вектором демографической истории России в 1914–1918 гг. было резкое снижение показателей рождаемости, что было обусловлено призывом мужчин бракоспособного возраста в армию и соответствующим распадом брачно-семейных отношений. По имеющимся данным, в течение войны в российскую армию было призвано свыше 14 млн. мужчин [1]. В Сибири (в границах Енисейской, Забайкальской, Иркутской, Тобольской, Томской и Якутской губерний по административному делению 1917 г.), по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г., было мобилизовано почти 900 тыс. чел. [2]. В Алтайской губернии к 1917 г. в армии находились 54% мужчин трудоспособного возраста, в Енисейской – 39, в Забайкальской – 55, в Иркутской – 50, в Тобольской губернии – почти 52% [3]. Многие потенциальные браки в годы войны из-за появившегося «дефицита женихов» были невольно отложены, часть невест так никогда и не вышла замуж, а овдовение замужних женщин в связи с гибелью их мужей приняло массовые масштабы. По расчетам известного русского демографа С.А. Новосельского, стоявшего у истоков российской и советской демографии, дефицит браков только в 1914–1915 гг. составил 1,7 млн. [4]. В 1915 г. в селениях средней части Сибири рождаемость составляла 82% от уровня трех предыдущих мирных лет. В 1916 г. она упала до 67%, а в 1917 г. достигла своего минимума за весь период Первой мировой войны – 65% от довоенных показателей [5].

Вместе с тем отметим, что смертность тылового населения в годы Первой мировой войны не увеличилась. В провинции Российской империи не было зарегистрировано массовых эпидемий инфекционных заболеваний, а уровень материального обеспечения, по крайней мере, в 1914–1916 гг. не опускался до такой степени, чтобы вызвать резкое увеличение смертности. В Западной Сибири, в частности, общий коэффициент смертности в военные годы даже сократился. В Томской губернии (без Алтая), согласно материалам духовной консистории, смертность в 1917 г. составляла 26‰, в сельской местности (по данным сельскохозяйственной переписи) равнялась 16,7‰ [6]. Соответственно, естественный прирост в годы войны снижался, но в основном за счет заметного сокращения рождаемости.

Таблица 1*
Динамика численности населения Сибири**
в 1914–1918 гг. (на начало года, тыс. чел.)

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1914	791,4	7002,6	7794,0
1915	800,1	6847,4	7647,4
1916	815,8	7001,5	7817,3
1917	808,5	7255,6	8064,1
1918	1007,9	7316,5	8324,4
1918 г. в % к 1914 г.	127,4	104,5	106,8

* Таблица составлена по данным: Волков Е.З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М.; Л., 1930. С. 98–99.

** Е.З. Волков относит к Сибирскому краю Енисейскую, Иркутскую, Томскую, Тобольскую губернии. Забайкальская губерния отнесена им к Дальнему Востоку. Таким образом, Сибирский край в понимании Е.З. Волкова территориально приблизительно совпадает с Сибирским краем, созданным в 1925 г.

Одного снижения рождаемости (на фоне относительно низкой смертности) было недостаточно, чтобы вызвать демографическую катастрофу. Сокращение естественного прироста в Российской империи в 1914–1917 гг. было относительно плавным. Как указывает В.М. Кабузан, в период Первой мировой войны в России естественный прирост был даже выше, чем в таких невоюющих странах, как Швеция, Швейцария, Дания и Норвегия [7]. Соответственно, население России в годы мировой войны прошло через классический вариант демографического кризиса. Как писал С.А. Новосельский, «за годы войны (1914–1917 гг.) наиболее резкие изменения претерпели брачность и рождаемость населения; смертность гражданского населения... значительных изменений не представляла» [8]. И тем не менее демографический кризис периода Первой мировой войны, вызванный снижением рождаемости, если и не привел к сокращению численности населения, то, во всяком случае, замедлил темпы его роста. Дефицит рождений в 1915–1917 гг. в целом по стране составил, по расчетам С.А. Новосельского, около

* Исупов Владимир Анатольевич (Новосибирск) – доктор исторических наук, заведующий сектором историко-демографических исследований Института истории СО РАН, vladimir_2004@mail.ru.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

6 млн. чел. [9], а по расчетам Б.Ц. Урланиса – 7,2 млн. [10]. Несмотря на кризис, в годы мировой войны население Сибири увеличилось на полмиллиона человек (почти на 7%), поскольку естественный прирост оставался все же положительным. Правда, основной прирост пришелся на городское население, которое в 1914–1918 гг. увеличилось на 27%, тогда как сельское – на 4,5%.

В литературе встречаются и другие цифры. По расчетам В. М. Кабузана, основанных на данных естественного и механического движения населения, в Сибири (в границах Тобольской, Томской, Иркутской, Енисейской и Забайкальской губерний) на начало 1917 г. проживало 9838 тыс. чел., а по отчетам губернаторов (в тех же границах и на ту же дату) – 9272 тыс., а по данным сельскохозяйственной переписи 1917 г. – 9402 тыс. чел. [11]. Между тем в 1914 г. население Сибири (в границах Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской, Ново-Николаевской, Томской, Тюменской, Якутской губерний и Забайкальской области) составляло 8024 тыс. чел. [12]. Таким образом, несмотря на имеющиеся расхождения (они вызваны различными методиками подсчетов и неодинаковостью территорий, включаемых в состав Сибири), все цифровые материалы свидетельствуют о росте населения Сибирского региона в период Первой мировой войны.

Кардинальные перемены в демографической ситуации произошли в 1918 г. В Сибири на этом этапе начался послевоенный компенсаторный рост рождаемости, который стал результатом некоторого выравнивания соотношения полов. Этот процесс был обусловлен массовым дезертирством, введением отпусков для солдат, смягчением режима содержания военнопленных и, наконец, демобилизацией царской армии. Оценить более или менее точно демографический эффект частичного преодоления дисбаланса полов не представляется возможным из-за состояния источниковой базы. Известно, что согласно материалам Всесоюзной переписи населения 1926 г. в Сибирском крае насчитывалось 227 тыс. детей 1918 года рождения, 160 тыс. детей 1917 г. р., 173 тыс. детей 1916 г. р. [13]. Эти данные явно демонстрируют нарастание числа детей в семьях сибиряков после 1917 г.

Рост рождаемости не означал, что демографическая подсистема Сибири в 1918 г. вступила в стадию подъема. Напротив, население региона пережило мощную демографическую катастрофу, начало которой было бы правильным отнести примерно к концу 1918 – началу 1919 гг. Катастрофа была инициирована не снижением рождаемости (как это было во время демографического кризиса 1914–1917 гг.), а резким подъемом смертности. Гражданская война, развернувшаяся непосредственно на территории Сибири, принесла с собой не только гибель людей в ходе боевых действий. Главной причиной роста смертности сибиряков стали массовые эпидемии инфекционных заболеваний, активированные распадом государственных структур, разрушением системы здравоохранения и санитарного контроля, экономической разрухой, голодом. Широкое распространение в Сибири получили сыпной тиф, холера, дизентерия, оспа, скарлатина, туберкулез.

Зима 1919–1920 гг. была в этом отношении особенно тяжелой. После отступления колчаковцев в Омске насчитывалось 12 тыс. больных тифом, в больницах Красноярска в конце января 1920 г. находилось более 10 тыс. больных, примерно столько же в Томске. Всего в 1920 г. в Сибири было зарегистрировано около 600 тыс. случаев тифозных заболеваний [14]. Летальность от тифа поднялась до критических величин. В 1920 г. погибло почти 90% людей, заболевших этой болезнью [15]. В Томске коэффициент смертности достиг невиданной ранее отметки – 100%, причем показатель смертности мужчин составлял 170%, а в возрастном диапазоне 20–29 лет из каждых 100 мужчин погибло 33 чел. [16]. Одновременно в 1919 г. сократилась рождаемость, что на фоне повышенной детской смертности привело к снижению численности поколений. Согласно данным переписи 1926 г., число детей 1919 года рождения составило в Сибирском крае 204 тыс., 1920 г. р. – 200 тыс. чел. [17].

Изгнание колчаковцев из Сибири не только не улучшило, но, напротив, усложнило демографическую ситуацию. Гражданская война продолжалась. Она приняла другие формы. В связи с начавшейся продразверсткой в Сибири развернулось массовое вооруженное крестьянское движение, охватившее все уголки Сибири, от Прииртышья до Забайкалья. В довершение всех бед в 1920 г. неурожай поразил Омскую и Алтайскую губернии. Урожай 1921 г. также оказался низким из-за засухи, охватившей многие волости и уезды Омской, отчасти Ново-Николаевской и Томской губерний. Население продолжало нести потери из-за голода и инфекционных болезней, которые усугублялись тем, что размеры продразверстки не были уменьшены. В 1921 г. в Сибирском крае было зафиксировано почти 130 тыс. случаев брюшного, сыпного, возвратного тифа, 24 тыс. случая дизентерии, 14 тыс. заболеваний оспой, свыше 19 тыс. – холерой [18]. При этом нельзя упускать из виду, что большинство заболеваний не регистрировалось медицинской статистикой того времени.

Таблица 2*

*Динамика численности населения Сибири в 1918–1922 гг.
по оценке Е.З. Волкова (на начало года, тыс. чел.)*

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1918	1007,9	7316,5	8324,4
1919	958,8	7431,6	8390,4
1920	935,6	7875,6	8811,2

Год	Городское население	Сельское население	Всего
1921	901,4	8111,4	9012,8
1922	967,1	8298,1	9265,2
1922 г. в % к 1918 г.	95,9	113,4	111,3

* Таблица составлена по данным: Волков Е.З. Динамика народонаселения... С. 98–99.

Как видим, городское население Сибири, за период с начала 1918 г. по начало 1921 г. сократилось на 4%. Это происходило как за счет вымирания горожан вследствие эпидемий, так и в результате их массового оттока в сельскую местность и другие регионы России. Известную роль сыграло и так называемое «белое беженство». По мере наступления Красной армии из сибирских городов вслед за армией Колчака уходили купцы, чиновники, интеллигенция, часть рабочих. Снижение численности городского населения – чрезвычайно редкое явление в демографической истории Сибири. Даже в годы мировой войны городское население региона увеличивалось.

Что касается сельского населения, то его рост обеспечивался миграционным притоком людей, причем не только из сибирских городов, но и из-за пределов региона. Согласно данным переписи населения 1926 г., численность неместных уроженцев, прибывших в Сибирский край в 1914–1920 гг., составляла 592 тыс. чел., из которых только 139 тыс. (23,5%) поселились в городах, а остальные – в сельской местности [19]. В действительности приток новоселов в 1914–1920 гг. был значительно больше, так как часть из них не дожила до переписи 1926 г. или выехала до декабря 1926 г. за пределы края. Приток мигрантов, в конце концов, нейтрализовал общее сокращение численности сибиряков.

Тенденция к нормализации демографической ситуации в Сибири проявилась только в 1922 г. Это было связано с кардинальными сдвигами во внутренней политике большевистского правительства. Введение нэпа стабилизировало не только экономику, но и демографическую подсистему общества. Рождаемость стала быстро увеличиваться, а смертность несколько сократилась, хотя и оставалась весьма высокой. Естественный прирост колебался в пределах 19–24‰, что обеспечивало высокие темпы роста численности сибиряков.

Таблица 3*

Воспроизводство** населения Сибири в 1923 г. (на 1000 чел. населения)

Губерния	Родилось	Умерло	Естественный прирост
РСФСР (51 губерния)	42,2	22,9	19,3
Алтайская	55,9	35,4	20,5
Енисейская	46,0	27,4	18,8
Иркутская	42,6	23,4	19,2
Ново-Николаевская	54,5	32,2	22,3
Омская	47,9	25,9	22,0
Томская	47,1	23,3	23,8

* Таблица составлена по данным: Народное Хозяйство Союза ССР в цифрах с приложением данных по Мировому Хозяйству. Стат. справочник. Год 2-й. М., 1925. С. 40, 42.

**В используемом статистическом сборнике коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста приведены не в промилле, а на 10000 чел. населения. Для удобства читателей автором осуществлен пересчет в промилле.

Нэп не только обеспечил преодоление демографической катастрофы и стабилизацию демографической сферы, но и быстрое нарастание численности населения Сибири. После 1923 г. уровень рождаемости продолжал нарастать, коэффициент смертности снижался, а естественный прирост увеличивался. В 1928 г. общий коэффициент рождаемости в сельской местности Сибирского края вырос до 57‰, коэффициент смертности сократился до 23‰, в городских поселениях соответственно до 41 и 21‰ [20]. Сибирь в годы нэпа и, особенно во второй половине 1920-х гг., переживала своего рода демографический взрыв. В сельской местности Сибирского края показатели рождаемости достигли биологического максимума. Например, в Каменском округе общий коэффициент рождаемости в 1928 г. составлял 62‰, в Рубцовском округе в 1927 г. – 61, а в 1928 г. – 64‰ [21]. Важным фактором, стимулирующим рождаемость в сибирской деревне, была экономическая выгода детей, начинавших трудовую деятельность в самом раннем возрасте. Чем больше в семье детей, тем больше земли семья может обработать. В Сибири в условиях многоземелья большинство так называемых «кулацких» хозяйств было многодетными. Немаловажную роль в стимулировании рождаемости играло наличие в регионе большого количества молодежи, вступающей в репродуктивный возраст.

Чрезвычайно важно, что рост рождаемости сопровождался медленным, но устойчивым снижением детской смертности. Коэффициент детской смертности по Сибирскому краю (число умерших младенцев в возрасте до одного года на 1000 родившихся) во второй половине 1920-х гг. представлял собой следующие величины:

1925 г.....	232,3
1926 г.....	235,3
1927 г.....	223,9
1928 г.....	197,0

Как видим, за 1925–1928 гг. уровень детской смертности сократился более чем на 15%, что являло собой внушительное достижение коммунистического режима [22]. В основе снижения как детской, так и общей смертности лежали не только стабилизация политической и экономической ситуации в стране, преодоление революционного хаоса и голода, но и такой мощный фактор, как государственная политика в области здравоохранения, направленная в те годы прежде всего на борьбу с острыми инфекционными заболеваниями и распространение основ санитарной культуры.

В итоге, в регионе увеличивалась продолжительность жизни населения, показатели которой, как известно, являются главным барометром социальной жизни. Согласно таблицам смертности и продолжительности жизни, составленных С.А. Новосельским и В.В. Паевским для 1926–1927 гг., ожидаемая продолжительность жизни населения Сибирского края составляла 41 год, в том числе в городах – 38 лет, а в сельской местности – 42 года [23].

Сокращение смертности, высокая рождаемость и приток переселенцев в Сибирь из других регионов СССР обусловили быстрое увеличение численности населения региона. По данным демографической переписи 1920 г. в Сибири (в границах Алтайской, Енисейской, Иркутской, Омской, Ново-Николаевской, Томской, Тюменской, Якутской губерний и Забайкальской области) проживало 9284,8 тыс. чел. [24]. Перепись 1926 г. зафиксировала в Сибири (в современных административно-территориальных границах) 11024 тыс. чел. [25].

Однако переоценивать достижения большевистского режима в годы нэпа было бы ошибкой. Средняя продолжительность жизни была еще невысокой – сказывались лихолетье гражданской войны, низкий уровень материального обеспечения населения, слабое развитие здравоохранения, нехватка лекарственных средств, а главное – еще значительная распространенность инфекционных заболеваний. Одних только заболеваний тифом в 1927 г. в Сибирском крае было зафиксировано почти 17 тыс. случаев, кори – 25 тыс., коклюша – 33 тыс., дизентерии – 27 тыс. случаев. Широко был распространен туберкулез. Свыше 70 тыс. больных туберкулезом сибиряков проживали в городах и селах края. Кроме того, в 1927 г. было отмечено почти 5 тыс. заболеваний цингой [26].

Состояние здоровья населения Сибирского края было далеко не идеальным. Еще сказывались последствия пережитых войн, революционных потрясений, низкий уровень материального обеспечения людей. Обследование заболеваемости пионеров Новосибирска, проведенное врачами города в 1925 г., продемонстрировало, что среди детей 8–9 лет около 14% страдали туберкулезом, 35% – малокровием, среди 11-летних эти цифры составляли 8 и 46%, среди 15-летних подростков – соответственно 12 и 37%, 16-летних – 10 и 23%. В целом, из 2086 обследованных детей и подростков от 8 до 16 лет здоровыми были признаны только 808 чел. (39%) [27].

Таблица 4 *

Причины смерти городского населения ** Сибирского края 1928–1929 гг. (в % к общему числу умерших)

Причины смерти	1928 г.	1929 г.
Эпидемические и инфекционные болезни:	25,2	25,4
В том числе:		
Брюшной тиф и паратиф	1,9	1,6
Сыпной тиф	0,1	0,1
Оспа натуральная	0,4	0,1
Корь	3,3	3,6
Туберкулез	11,3	10,8
Рак и прочие злокачественные новообразования	5,6	4,5
Болезни нервной системы и органов чувств	7,0	6,5
Болезни органов кровообращения	8,4	8,2
Болезни органов дыхания	16,0	17,3
В том числе:		
Воспаление легких	12,8	13,2
Болезни органов пищеварения	16,0	16,2
В том числе:		
Диарея и энтерит	11,9	11,2
Преждевременное рождение и прочие болезни новорожденных	5,5	4,9
Самоубийство и смерть от внешних причин	5,2	5,2
Прочие и не указанные причины смерти	11,1	18,3
Всего	100,0	100,0

* Таблица составлена по данным: *Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. III. С. 66–69.*

** По сельской местности статистика причин смерти населения Сибири в 1920-е гг. не велась.

Табл. 4 позволяет сделать вывод, что в 1920-е гг. основная масса сибиряков умирала от инфекционных болезней, заболеваний органов дыхания и пищеварения, т. е. от тех причин, которые обусловлены еще низким уровнем жизни, невысоким уровнем санитарной культуры населения, слабостью здравоохранения, недостатком лекарств. Важно отметить, что эти болезни поражают, в первую очередь, детей и лиц активных возрастов, тогда как болезни старших возрастов (рак, сердечно-сосудистые заболевания) занимали небольшое место в структуре причин смерти. Это ведет, с одной стороны, к очень высокой детской смертности, а с другой – значительно сокращает продолжительность жизни. В Сибири в 1920-е гг. именно туберкулез, тиф, корь, дифтерия, дизентерия, колиты, диарея и энтерит были главным фактором, сокращавшим продолжительность жизни. По оценке Р.Н. Бирюковой, смертность от туберкулеза в 1920-е гг. сокращала потенциальную продолжительность жизни населения СССР на 5 лет, от воспаления легких – на 5,5, от скарлатины, брюшного тифа и дифтерии – на 2,7 года [28].

Еще одной характерной чертой демографического развития Сибири в 1920-е гг. являлись чрезвычайно слабо выраженные ассимиляционные процессы. Межнациональные браки в то время уже не являлись редкостью, но и не получили значительного распространения (табл. 5).

Таблица 5*
Удельный вес межнациональных браков**
(по данным загов г. Читы), 1927 г., %

Национальность невесты и жениха	Русский жених	Русская невеста
Русские	92,7	87,5
Украинцы	1,6	3,7
Белорусы	0,3	1,1
Поляки	1,6	1,1
Татары	0,7	
Евреи	2,5	2,9
Китайцы	–	1,8
Прочие	0,6	1,9
Всего	100,0	100,0

*Таблица составлена по данным: ГАИО. Ф. 2701. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.

** Вслед за статистиками тех лет за точку отсчета мы вынуждены принять русских как самый многочисленный народ Сибири.

Как видим, в 1927 г. в Чите (а по этим отрывочным данным можно судить и о ситуации по всей Сибири) удельный вес мононациональных браков составлял у русских женихов 93%, у невест – 88%. Кроме того, еще почти 2% русских мужчин и 5% русских женщин заключили брак с украинцами и белорусами. Эти браки, учитывая близость языка, культуры и конфессиональной принадлежности восточнославянских народов, не могут считаться в полном смысле межнациональными. Таким образом, на ассимиляционные браки у русских приходилось всего около 5% мужских и 8% женских бракосочетаний. Аналогично обстояло дело и у представителей других наций и народностей Сибири.

Вялотекущие ассимиляционные процессы в значительной степени объясняются абсолютным преобладанием русских в составе населения Сибири, особенно городского. Всесоюзная перепись населения 1926 г. показала, что в Сибири (в границах Сибирского края) проживало 8,7 млн. чел., из которых 6,8 млн. были русскими.

Таблица 6*
Численность и удельный вес русских в Сибирском крае
по данным переписи 1926 г.

Показатели	Городское население	Сельское население	Всего
Все население			
– абс.	1131930	7556009	8687939
– доля в %	13,0	87,0	100,0
Русские			
– абс.	981487	5786405	6767892
– доля в %	86,7	76,5	77,9
Прочие			
– абс.	150443	1769604	1920047
– доля в %.	13,3	23,5	22,1

*Составлена по данным: Сибирский край. Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 32–39, 40–47.

Как видим из табл. 6, согласно данным, полученным в ходе переписи 1926 г., на долю русских в Сибирском крае приходилось почти 78% населения. Особенно значительным был удельный вес русских в городах. Здесь их прослойка составляла около 87%. В этом смысле города Сибири, в особенности крупные, являли собой мононациональные образования. Необходимо отметить, что русские в середине 1920-х гг. были одним из самых вы-

сокоурбанизированных народов региона. Как показала перепись 1926 г., из каждой 1000 русских, проживавших в Сибири, в городских поселениях было сосредоточено 146 чел., тогда как из каждой 1000 украинцев и белорусов – 39, якутов – 37, алтайцев – 19, бурят – девять, хакасов – четыре человека. [29].

Литература и источники

1. *Ефремов В.П.* Мировая война и ее последствия // Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 4.
2. Россия в мировой войне... Таблицы. С. 49.
3. Там же. С. 21.
4. *Новосельский С.А.* Влияние войны на естественное движение населения // Труды комиссии по обследованию санитарных последствий войны 1914–1920 гг. М.; Пг., 1923. Вып. I. С. 106.
5. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск, 1997. С. 68.
6. Там же. С. 68.
7. *Кабузан В.М.* Демографическая ситуация в России в годы Первой мировой войны // Население России в 1920–1950-е годы: Численность, потери, миграции. М., 1994. С. 10.
8. *Новосельский С.А.* Влияние войны... С. 120.
9. Там же. С. 110.
10. *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М., 1963. С. 22.
11. *Кабузан В.М.* Демографическая ситуация в России... С. 16.
12. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. М., 1920. Вып. первый. С. 3, 7.
13. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1928. Т. VI. С. 104.
14. История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 151.
15. Жизнь Сибири. 1922. № 4. С. 205.
16. *Лубны-Герцык Л.И.* Движение населения на территории СССР за время гражданской войны и революции. М., 1926. С. 103–104.
17. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. VI. С. 104.
18. Сибирский край. Стат. сборник. Новосибирск, 1930. С. 786–787.
19. Всесоюзная перепись населения 1926 года. М., 1930. Т. XL. С. 60, 70, 79.
20. Статистика Сибири. Сб. статей и материалов. Новосибирск, 1930. Вып. 2. С. 141.
21. Там же.
22. Там же.
23. Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926–1927. Таблицы смертности. М.; Л., 1930. С. 134, 136, 138.
24. Статистический ежегодник 1918–1920 гг. Вып. первый. С. 2.
25. Население СССР (численность, состав и движение населения). С. 16, 18.
26. Сведения о движении заразных заболеваний по Сибирскому краю за 1927 г. // Сибирский медицинский журнал. 1928. № 6–7. С. 93.
27. *Кузнецова В.К.* Заболеваемость пионеров г. Новосибирска на основании данных осмотра первичным пунктом службы здоровья // Сибирский медицинский журнал. 1926. № 4. С. 16, 18.
28. *Бирюкова Р. Н.* Таблицы смертности по причинам смерти // Советская демография за 70 лет. М., 1987. С. 260.
29. *Московский А.С., Исупов В.А.* Формирование городского населения Сибири (1926–1939 гг.). Новосибирск, 1984. С. 46–118.

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Е.Н. Рожкин (Сыктывкар)*

Этническая динамика состава и структуры населения Республики Коми во второй половине XX – начале XXI в. Тенденции и закономерности**

В 1940–1950-е гг. произошли необратимые процессы в этническом составе населения Коми края. В результате экстенсивного освоения природных ресурсов в республику мигрировали украинцы, белорусы, молдаване, татары и др. Ряд национальностей, в том числе и вышеперечисленные, были депортированы сюда по политическим мотивам. Таким образом, если в 1939 г. коми народ составлял еще подавляющее большинство (72,5%), то в 1959 г. только третью часть (30,1%) от всего населения. В результате добровольной и принудительной миграции национальный состав населения республики стал представлять практически все союзные республики и национальные образования Союза ССР (табл. 1).

Таблица 1

Национальный состав населения Республики Коми по переписи населения 1959 г. [1]

Национальность	Всего, чел.	% в общей численности	Национальность	Всего, чел.	% в общей численности
Все население	816182	100,0	Евреи	2790	0,3
Русские	396821	48,6	Латыши	2166	0,3
Коми	245357	30,1	Армяне	1894	0,2
Украинцы	81415	10,0	Мордовцы	1802	0,2
Белорусы	22622	2,8	Молдаване	1612	0,2
Немцы	19805	2,4	Азербайджанцы	1374	0,2
Татары	8682	1,1	Грузины	1328	0,2
Литовцы	8284	1,0	Узбеки	1245	0,1
Чуваши	3493	0,4	Эстонцы	1213	0,1
Поляки	3053	0,4	Другой национальности	11226	1,4

В последующие годы сохранились тенденции предыдущих лет. В период с 1959 по 1970 г. общая численность населения республики увеличилась на 118,3%. Наиболее быстрыми темпами выросла численность чувашей (188,6%), татар (136,8%), русских (129,3%). Численность коми увеличилась на 30,8 тыс. чел., или на 112,6%, что ниже, чем по республике в целом. В этот период в связи с отменой режима спецпоселений республику стали покидать депортированные сюда народы. Например, численность немцев сократилась с 19,8 до 14,6 тыс. чел., лиц других национальностей – на 2,8 тыс. чел. Общую картину движения отдельных национальностей в республике за столетний период дают данные табл. 2.

Таблица 2

Динамика национального состава населения Республики Коми в 1897–2010 гг., чел. [2, 3]

Национальность	1897 г.	1920 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	1701664	179847	224929	318996	815037	964802	1110367	1250847	1018674	901189
Коми (зыряне, самоеды)	139279	168193	195445	231301	245173	276178	280798	291542	256464	202348
Русские	31206	11614	28282	70226	389995	512203	629523	721780	607021	555963
Украинцы	–	–	–	6010	80132	82955	94154	104170	62115	36082

* **Рожкин Евгений Николаевич** (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

Окончание табл. 2

Национальность	1897 г.	1920 г.	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Белорусы	–	–	–	3323	22339	24706	24763	26730	15212	8859
Татары	–	–	–	970	8459	11906	17836	25980	15680	10779
Чуваши	–	–	–	–	3493	6567	8545	11253	7529	5077
Немцы	–	–	–	2617	19805	14647	13339	12866	9246	5441
Ненцы	–	–	974	974	374	369	366	376	708	503
Другие	179	40	228	3575	45267	35271	41043	56150	38633	24393

Отдельные территории республики по-разному развивались в экономическом и социальном плане, что самым непосредственным образом сказалось на составе населения (поле, возрасте, национальности). Так, на этнический состав населения в отдельных городах и районах республики повлияли характер размещения производительных сил, очаги концентрации полезных ископаемых. Влияние экономического освоения территории и миграции на этническую структуру населения проиллюстрируем на примере городов и районов республики. В тех районах, где шло экстенсивное развитие производительных сил и куда были направлены основные миграционные потоки, в период с 1939 по 1989 г. доля лиц коренной национальности (коми) существенно уменьшилась [4] (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности коренной национальности коми в составе населения Республики Коми в 1939–2002 гг., % (по материалам переписей)

Город, район	Удельный вес коми в составе населения					
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.
Республика Коми (всего)	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2
Города						
Сыктывкар	70,1	48,1	38,2	35,7	33,6	30,6
Воркута	–	3,0	2,9	2,6	2,2	1,9
Инта	–	7,8	9,3	9,8	8,5	10,6
Ухта (включая Сосногорский район)	14,8	11,5	11,2	10,5	9,9	9,6
Печора	60,0	23,4	19,7	14,4	14,0	15,4
Усинск	–	–	44,8	16,9	11,7	14,8
Районы						
Вуктыльский	–	–	18,9	11,0	10,2	11,9
Ижемский	81,5	83,1	81,5	83,8	86,6	90,4
Княжпогостский	–	22,2	22,6	19,7	16,8	17,9
Койгородский	–	33,2	33,7	34,3	39,2	39,7
Корткеросский	88,3	72,1	67,3	70,0	70,8	71,7
Прилузский	67,2	60,5	59,9	61,8	61,8	59,9
Сыктывдинский	83,8	65,9	61,7	58,7	54,2	51,8
Сысольский	82,9	71,7	68,9	70,5	69,4	69,4
Троицко-Печорский	66,3	29,2	23,6	22,6	24,2	27,8
Удорский	97,4	85,3	61,9	53,5	48,4	40,9
Усть-Вымский	63,4	37,6	36,4	31,5	29,1	29,5
Усть-Куломский	86,6	74,0	71,5	70,4	71,1	79,1
Усть-Цилемский	7,9	7,0	7,5	9,7	8,0	6,3

На территории г. Печоры удельный вес представителей коми национальности за рассматриваемый период сократился в 4,3 раза, Сыктывкара – в 2,1, Ухты (включая Сосногорский район) – в 1,5 раза. Образованные в военное время Воркута и в послевоенное время Инта и Усинск имели небольшой процент коренного населения. Значительное сокращение доли лиц коренной национальности за период между 1939 и 1989 гг. наблюдалось также на территориях Троицко-Печорского (в 2,7 раза), Усть-Вымского (в 2,2 раза) и Удорского (в 2,0 раза) районов.

Однако в последнее десятилетие XX в. ситуация изменилась. Представители крупнейших диаспор (кроме коми населения) показали отрицательное сальдо миграции. Доля коми населения в целом по республике увеличилась. По городам и районам изменения были разнонаправленными.

В конце 1980-х гг. и в течение 1990-х гг. в связи с изменившейся экономической ситуацией в стране в целом и в республике в частности изменилось общее направление миграции. Север перестал привлекать трудовых мигрантов. Это обстоятельство нашло свое отражение и в изменении доли коми в составе населения некоторых городов и районов в период с 1989 по 2002 г.

По динамике численности коми населения в XX – начале XXI в. все города и районы республики можно разбить на следующие группы:

1. Город Сыктывкар. Доля коми населения сначала была выше 50%, затем неуклонно снижалась, постепенно приближаясь к средней по республике. Единственная административная единица республики, население которой росло вплоть до конца столетия и продолжает расти, причем в первую очередь за счет положительного сальдо миграции. Миграция – как внешняя, так и внутренняя. Среди мигрантов коми в меньшинстве.

2. Города Воркута, Ухта (включая Сосногорский район). Доля коми населения ниже 10%, за весь анализируемый период постоянно снижалась. Численность населения Воркуты росла до начала 1990-х гг., затем устойчиво снижалась. На территории Воркуты сельских поселений нет, нет и сельского коми населения. Обращает на себя внимание тот факт, что численность коми населения, составлявшая в 1959 г. 3,0% к 2002 г., уменьшилась на 36,7% – до 1,9% от всего населения. Причем относительное снижение численности коми населения еще выше, только с 1989 по 2002 г. коми население уменьшилось на 2383 чел. – от 4901 до 2518 чел., что составило снижение на 48,6%. Общее снижение численности населения Воркуты за этот период – 38,6%. В естественном движении принципиальных различий не отмечено. Следовательно, миграционный отток коми населения выше, чем у остальных национальностей. Подобная ситуация характерна и для Ухты (включая Сосногорский район). Отличие состоит в наличии нескольких сельских населенных пунктов, вследствие которого снижение доли коми населения не так значительно, как в Воркуте.

3. Города Инта, Печора, Усинск и Вуктыльский район. Доля коми населения 10–25%, снижалась до 1990-х гг., затем заметно выросла. Численность населения росла до 1990 г., затем – снижалась. На территории, подчиненной этим городам, проживает значительное число сельского населения. Миграционная подвижность сельского населения, большинство которого – коми, ниже. Это определяет рост доли коми населения в период с 1989 до 2002 г.

4. Сельские районы: Ижемский, Корткеросский, Прилузский, Сыктывдинский, Сысольский, Усть-Куломский. Доля коми населения выше 50%. Во второй половине XX в. колебания величины доли коми населения незначительны (не более 15%). Крупные промышленные проекты с привлечением внешних трудовых ресурсов в данный период в этих районах не реализовывались.

5. Сельские районы: Княжпогостский, Койгородский, Троицко-Печорский, Удорский, Усть-Вымский. Доля коми населения ниже 50%. Во второй половине XX в. колебания величины доли коми населения существенны (более 15%). В этих районах располагались крупные лагеря пеницитарной системы, также развивалась лесная отрасль – лесозаготовки и переработка (наиболее показателен Княжпогостский район). В последнее десятилетие XX в. доля коми народа в этой группе начала расти, что связано с отрицательным сальдо миграции в этот период. Исключение составляет Удорский район. Его особенность в том, что значительное падение доли коми населения началось только в 1970-е гг., когда в Удорском районе по межправительственным соглашениям начались лесозаготовки силами болгарских организаций. В связи с этим позже происходит и стабилизация доли коми населения, в 1989–2002 гг. доля коми населения в Удорском районе продолжала снижаться. И этот процесс происходит на фоне относительной стабилизации общей численности населения в районе.

6. Сельский район: Усть-Цилемский. Доля коми населения ниже 10%. В 1960–1970-е гг. она медленно росла, в 1980–1990-е гг. шел обратный процесс, росла однородность населения, преимущественно русского, старожильческого.

Особо следует отметить, что в 1980-е гг. на этнический состав населения Республики Коми, наряду с экономической миграцией, стали оказывать влияние миграции по политическим мотивам. Во время перестройки во многих союзных республиках создавались нетерпимые условия проживания для иноязычного населения. Проблемы возникли у этнически смешанных семей – единственным местом возможного проживания стала Россия и как субъекта федерации – Республика Коми. В результате увеличения этнической составляющей (в дополнение к экономической) в миграционных потоках в республике резко увеличилась численность киргизов, туркмен, азербайджанцев, армян, таджиков и др., но сократилась численность эстонцев, латышей и литовцев (табл. 4) [5].

Перепись населения 1989 г. зафиксировала заметные изменения в этническом составе населения республики. Наряду с коми в республике проживало около 100 наций и народностей. По доле в населении более половины (57,8%) приходилось на русских.

Развал советского государства в 1990-х гг., образование 15 новых государств, бурные процессы экономических и политических трансформаций привели к резкой смене этнической структуры населения Республики Коми в отношении ряда национальностей, отраженной в результатах переписей 2002 и 2010 гг. Без специальных комплексных (социологических, политологических, макроэкономических) исследований трудно объяснить, почему киргизов стало больше в 2 раза, а туркменов – меньше в 10 раз и т.п.

Таблица 4

Динамика отдельных национальностей в Республике Коми в 1970–2002 гг., чел. (по материалам переписей)

Национальность	1970 г.	1979 г.	1989 г.	Рост в 1989 г. к 1970 г., раз	2002 г.	2010 г.
Киргизы	34	48	343	10,1	767	731
Туркмены	73	162	606	8,3	63	42
Узбеки	489	1198	2593	5,3	709	939
Лезгины	179	331	903	5,2	1198	1406
Азербайджанцы	950	2158	4728	5,0	6066	4858
Таджики	135	443	645	4,8	378	393
Казахи	972	908	1915	2,0	553	357
Грузины	851	1526	1683	2,0	896	614
Армяне	1276	2104	2171	1,7	2102	1717
Молдаване	3762	3591	5155	1,4	3447	2318
Эстонцы	767	656	651	0,9	241	151
Латыши	1367	1091	993	0,7	468	259
Литовцы	5437	3425	3066	0,6	1607	977

В то же время для самых крупных диаспор можно говорить о преобладании тенденций. Удельный вес украинцев и белорусов на протяжении последних четырех десятилетий сокращался. Это было обусловлено рядом причин: возвращением на свою этническую родину, распадом Союза ССР, необходимостью получения гражданства и др. Тем не менее по переписи 2002 г. украинцы в этнической структуре населения находятся по-прежнему на третьем месте, составляя 6,1% населения республики. Белорусы, составляющие 1,8% населения, в начале 1990-х гг. уступили четвертое по численности место татарам, доля которых в этническом составе населения республики росла вплоть до переписи населения 1989 г. В последнее время она также начала снижаться. По данным переписи 2002 г., татары составляли 1,5% населения республики. Несмотря на уменьшение по-прежнему заметную роль в населении Республики Коми играли этнические немцы – 0,9%. Наиболее значительный рост их численности пришелся на период между переписями 1939 и 1959 гг. – в 7,6 раза (с 2,6 тыс. до 19,8 тыс. чел.), главным образом, в результате насильственной депортации немцев в 1941 г. из Поволжской республики немцев, Херсонской, Одесской и других областей Украинской ССР. В 1959 г. доля немцев в структуре населения республики составила 2,4%. В последующие годы и абсолютные показатели, и удельный вес немцев в этнической структуре населения постепенно убывали: до 14,6 тыс. чел. (1,5%) в 1970 г., 13,3 тыс. (1,2%) в 1979 г., 12,9 тыс. (1,0%) в 1989 г. Одним из неожиданных результатов стал рост как доли, так и численности азербайджанцев, число которых почти сравнялось с чувашами. Около 3,9% населения республики приходилось на представителей других национальностей (табл. 5).

Таблица 5

Распределение населения Республики Коми по национальности в 1926–2010 гг., % (по материалам переписей)

Национальность	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	100	100	100	100	100	100	100	100
Коми	86,9	72,5	30,1	28,6	25,3	23,3	25,2	23,7
Русские	12,6	22,0	48,6	53,1	56,7	57,7	59,6	65,1
Украинцы	–	1,9	10,9	8,6	8,5	8,3	6,1	4,2
Белорусы	–	1,1	2,8	2,6	2,2	2,2	1,5	1,0
Немцы	0,4	0,8	2,4	1,5	1,2	1,0	0,9	0,6
Татары	–	0,2	1,0	1,2	1,6	2,1	1,5	1,3
Чуваши	–	–	0,4	0,7	0,2	0,9	0,7	0,6
Азербайджанцы	–	–	0,2	0,1	0,2	0,4	0,6	0,6
Другой национальности	0,1	1,5	4,4	3,6	3,5	4,2	3,9	2,8

Многие исследователи предполагали, что эти тенденции сохранятся и в первом десятилетии нового тысячелетия. Но перепись 2010 г. показала, что не все установившиеся направления динамики численности по отдельным национальностям остались стабильными. С одной стороны, общая направленность миграционных потоков осталась прежней. Общая численность населения продолжает падать. Снижается и численность большинства этнических групп. В то же время снижение это неоднородно, что и находит выражение в изменении этнической структуры. Численность русских снижается меньшими темпами, чем общая численность населения, что отражается в росте доли русского населения до 65,1%. Численность украинцев и белорусов продолжала снижаться темпами, опережающими общее снижение численности. Это приводит к тому, что доля украинцев и белорусов возвращается к своим показателям середины XX в. **Продолжается исход немцев. Этому способствует и проводи-**

мая властями политика поддержки деятельности по ориентированию российских немцев на Германию, которую проводят совместно МВД ФРГ и немецкие национально-культурные организации России. Доля немцев в Коми в настоящее время стала меньше довоенной.

Интересный результат в переписи 2010 г. показали коми. Доля коми, несмотря на мощное влияние внешних миграционных потоков (в которых участвуют в первую очередь представители некоренного населения), уменьшается (23,7%) и возвращается почти на уровень 1989 г. Этот факт совместно с ростом доли русского населения и уменьшением доли подавляющего большинства других этнических групп приводит этническую структуру населения к ситуации начала 30-х гг. XX в., когда около 90% населения составляли коми и русские. По переписи 2010 г. 88,8% населения снова составляют эти две этнические группы, но их объемная доля сменилась на противоположную. В отличие от 1930-х гг., когда русские составляли 22%, в 2010 г. коми находятся в меньшинстве по отношению к русским и имеют долю в 23,7%.

Представляет практический интерес и анализ тенденций, имеющих среди этнических групп, большинство представителей которых традиционно исповедует ислам. Общее сальдо миграции в 1980–1990-х гг. представителей основных этнических групп мусульманской уммы Республики Коми характеризуется следующими показателями. Для татар характерно превышение числа въехавших над прибывшими до 1990 г., затем вплоть до настоящего времени сальдо учтенной миграции отрицательное (–7946 за период с 1990 до 2002 г.). Это третий результат после русских и украинцев. Число татар с 27 тыс. (1989 г.) уменьшилось до 15 тыс. чел. (2002 г.) [6]. Перепись 2010 г. показала, что эта тенденция сохраняется, число татар составило 10,8 тыс. чел.

Иная картина с азербайджанцами. Если численность татар в Республике Коми с 1950-х гг. росла вплоть до 1990 г., то количество азербайджанцев менялось скачкообразно. По переписи 1970 г. их число уменьшилось по отношению к 1959 г. в полтора раза и составило 905 чел. Затем наблюдался практически непрерывный рост, и к переписи 2002 г. азербайджанцев в Коми стало 6066 чел. Если в 1970 г. татар в Коми было в 10 раз больше, чем азербайджанцев, то в 2002 г. татар больше только в 2,5 раза. По данным переписи 2010 г., количество учтенных как лиц азербайджанской национальности, снова уменьшилось и составило 4858 чел. Но доля азербайджанцев по отношению к татарам продолжила увеличиваться. Теперь число татар превышает число азербайджанцев всего в 2,2 раза [7].

По другим относительно крупным мусульманским этносам с 2002 по 2010 г. наблюдается снижение на 26% башкир (с 3149 до 2333), 35% казахов (с 553 до 357), 24% чеченцев (с 410 до 311). Относительно стабильна численность киргиз (с 767 до 731) и таджиков (с 378 до 393). Только количество узбеков выросло на 32% (с 709 до 939) [8].

Подводя итог краткому обзору этнодемографической динамики, можно утверждать, что в начале XXI в. этнический состав в Республике Коми гомогенизируется, увеличивается доля русского населения. Национальную ситуацию в Коми обуславливают, прежде всего, две этнические группы – русские и коми, совместная доля которых приближается к 90%. Именно взаимоотношения этих двух этнических групп являются определяющими. В то же время необходимо учитывать изменения, происходящие в структуре мусульманской общины, которую составляют этнические группы, большинство представителей которых традиционно исповедует ислам. Локально эта группа составляет существенную долю населения (например, в Усинске) [9], оказывая заметное влияние на общую картину межнациональных отношений, обычно – повышая степень напряженности.

Источники и литература

1. Сквозников В.Я., Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Безносова Н.П. Население Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее (о чем рассказывают переписи). Сыктывкар, 2001. С. 112.
2. Население Республики Коми за 100 лет: Сборник / Госкомстат РК. Сыктывкар, 1998. С. 16.
3. Всероссийская перепись населения 2010 года (окончательные итоги). Статистический бюллетень № 48-66-60/04. Сыктывкар, 2011. С. 11.
4. Фаузер В.В. Влияние миграции на численность и состав населения Республики Коми. Сыктывкар, 1992. С. 11–13. (Сер. препринтов «Научные доклады» / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 293).
5. Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001. С. 17.
6. Рожкин Е.Н., Шабает Ю.П. Мониторинг ситуации в сфере межнациональных отношений в Республике Коми за 2011 год. Сыктывкар, 2012. С. 11–12.
7. Национальный состав населения и межнациональные отношения в Республике Коми. Сыктывкар, 2005. С. 39–40.
8. Всероссийская перепись населения 2010 года (окончательные итоги). Сыктывкар, 2012. С. 11.
9. Жеребцов И.Л. Где ты живешь. Населенные пункты Республики Коми: историко-демографический справочник. Сыктывкар, 2000. С. 312.

Региональные и этнические особенности рождаемости и смертности в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. (к постановке проблемы)**

Рождаемость и смертность, как основа естественного воспроизводства, в Республике Коми в XX в. претерпели ряд изменений. Периоды высокой рождаемости и высокой смертности сменялись этапами высокой рождаемости и снижения смертности. Затем наблюдалось снижение рождаемости, а в конце века выросла смертность. Рождаемость падала неравномерно, в том числе можно отметить влияние этнических причин. В изменениях смертности также наличествует влияние этнических факторов.

1. Рождаемость. В силу ряда причин, среди которых наиболее весомы высокий уровень миграционного оборота и относительно невысокий средний возраст жителей республики, в анализе процессов естественного воспроизводства велико значение рождаемости [1]. Первое общее представление об уровне и динамике рождаемости дают абсолютные числа родившихся (табл. 1).

Таблица 1
Динамика числа родившихся в Республике Коми в 1985–2010 гг., чел. [2]

Годы	Все население	Городское	Сельское
1985	23303	12608	4322
1990	16930	8110	2683
1995	9680	7216	2464
2000	9906	7547	2359
2005	10975	8300	2675
2010	11648	8536	3112

Пик абсолютного числа рождений в Республике Коми за исследуемый период был отмечен в 1985 г., когда общее число родившихся составило 23303 чел. Тогда же было отмечено максимальное число рождений в городской и сельской местностях республики. В последующие годы число рождений не достигало этого уровня. В последующие десять лет (вплоть до конца XX в.) началось «обвальное» сокращение числа рождений, а в следующем столетии, в 2000-е гг., наметилось его плавное повышение.

Дальнейшее рассмотрение рождаемости продолжим на примере изменений общего коэффициента рождаемости (ОКР), рассчитываемого как соотношение числа родившихся к среднегодовой численности населения. Необходимо лишь делать поправку на то, что общий коэффициент рождаемости рассчитывается к среднегодовой численности всего населения, в силу чего имеет ряд условностей и допущений. Например, на величину ОКР сильное влияние оказывает половозрастная структура: чем выше в населении доля молодых возрастов и женщин, тем выше будет значение ОКР, и, наоборот, если в населении будут доминировать мужчины и старшие возраста, то на данной территории величина ОКР будет значительно ниже. На его величину оказывают влияние также этнический состав и брачная структура населения [3]. Если обратиться к данным табл. 2, то можно отметить, что в исследуемый период ОКР у городского населения в 2000–2005 гг. впервые превысил ОКР сельского населения. Это явление заслуживает в будущем дальнейшего исследования. Однако к 2010 г. ОКР сельского населения снова вернулся к традиционно более высокому, чем у городского населения, показателю, даже превысив показатель 1990 г. (последнего дореформенного).

Таблица 2
Динамика общего коэффициента рождаемости (ОКР) населения Республики Коми в 1985–2010 гг., на 1000 чел. [4]

Годы	Все население	Городское	Сельское
1985	19,2	18,6	20,9
1990	13,6	13,4	14,4
1995	9,7	9,5	10,4
2000	9,4	9,5	9,2
2005	11,1	11,1	11,0
2010	12,9	12,3	14,9

При анализе данных рождаемости в городской и сельской местностях следует помнить, что большинство коми населения проживало на селе. В городах же большую часть населения составляли русские. Поэтому разницу в рождаемости с известной долей оговорок можно интерпретировать как разницу в рождаемости русского и коми населения.

Подводя итог рассуждениям о рождаемости, укажем, что на селе в годы реформ она упала глубже и значительнее, чем в городе, и даже до более

низких величин, чем у городского населения. Однако к 2005 г. рождаемость на селе и в городе практически сравнялась, а к 2010 г. село традиционно вырвалось по этому показателю вперед.

* Рожкин Евгений Николаевич (Сыктывкар) – кандидат экономических наук, ученый секретарь Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; Жеребцов Игорь Любомирович (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

2. Смертность. Смертность является второй составляющей режима воспроизводства. Она, как и любое социально-биологическое событие, может быть естественна и произойти в отведенное природой время, а может быть и преждевременной. Обычно смерть ассоциируется со старостью и желанием человека дожить до 70–100 лет.

В демографической науке под смертностью понимается процесс вымирания поколений, один из главных подпроцессов воспроизводства населения. Обычно смертность измеряют общими и возрастными коэффициентами.

Демографический кризис, который стал реальностью в XX в. в Коми регионе и России в целом, был обусловлен наряду со снижением рождаемости резким ростом смертности в 1990-х гг. [5]. Изучая динамику смертности населения, необходимо учитывать ее специфические особенности в районах Севера. Это обусловлено образом жизни в этих районах, отраслевой структурой производства, формированием и этническим составом населения и рядом других обстоятельств. Для более глубокого понимания процессов, происходящих в смертности населения, рассмотрим ее динамику в конце XX – начале XXI в.

С середины 1980-х гг. в республике и России в целом произошли изменения в уровне смертности населения в связи с большими социальными преобразованиями, резким началом реформ и их ходом во всех сферах жизни.

В динамике смертности населения с 1985 по 2000 г. можно выделить несколько этапов: снижение в 1985–1987 гг., повышение в 1988–1994 гг. и вновь снижение с 1995 г. (одной из ведущих причин снижения смертности в 1985–1987 гг. многие специалисты считают антиалкогольную кампанию). С 1988 г. смертность вновь стала расти по мере свертывания антиалкогольных мероприятий, началом реформ в 1992 г. и достигла своего максимума в 1994 г. Уровень смертности в республике в 1994 г. превысил уровень 1987 г. в 1,9 раза. С 1995 г. ситуация начала немного улучшаться, но с 1999 г. вновь наметилось повышение. Такая динамика уровня смертности наглядно подтверждает ее социально-экономическую зависимость.

Особенно высок уровень смертности в сельской местности республики, здесь он по-прежнему значительно выше по сравнению со смертностью в городской местности (табл. 3). В 2000 г. уровень смертности сельского населения был таким же, как в середине 1950-х гг. В результате проводимых в 1990-е гг. социально-экономических реформ село Республики Коми оказалось отброшенным почти на 50 лет назад. Именно высокий уровень смертности определяет депопуляцию (систематическое уменьшение абсолютной численности населения как следствие суженного воспроизводства) сельского населения, наблюдающуюся с 1993 г. В 2000 г. число смертей в сельской местности республики в 1,7 раза превышало число рождений [6].

Динамика общих коэффициентов смертности населения Республики Коми в 1985–2010 гг., на 1000 чел. [7, 8]

Годы	Все население	Городское	Сельское
1985	7,7	6,5	11,2
1990	7,4	6,7	9,4
1995	12,6	12,0	15,7
1996	11,6	10,6	14,6
1997	10,5	9,5	13,3
1998	10,0	9,1	12,6
1999	10,7	9,8	13,3
2000	12,9	11,4	15,9
2005	15,2	13,7	20,0
2010	13,1	11,5	18,4

В то же время у городского населения наблюдается относительная стабилизация смертности в 2000-х гг., тогда как у сельского населения в эти годы она продолжала расти до 2005 г., а затем несколько уменьшилась (на 8%), оставаясь на высоком уровне, характерном для первой половины XX в. Смертность на селе стабильно превышала смертность среди городского населения, достигнув 160% по отношению к показателю горожан. Впрочем, в 1985 г. эта величина была равна 72,3%. И только в 1990 г. наблюдалось превышение в 40%. Видимо, на селе влияние антиалкогольной кампании было заметнее, соответственно и вклад смертей, связанных с употреблением алкогольных напитков, выше.

Анализируя общий коэффициент смертности и абсолютные числа умерших, следует отметить существенную особенность села. Во все годы удельный вес умерших жителей села в общей численности умерших в республике был выше удельного веса сельского населения. Это убедительно свидетельствует о недопустимо высокой смертности на селе и имеющем место существенном различии в уровне смертности сельского и городского населения.

При изучении смертности необходимо рассмотреть динамику средней продолжительности жизни. Она выступает не только измерителем собственно уровня смертности, но и в соответствии с рекомендациями Всемирной Организации Здравоохранения является характеристикой уровня и качества жизни населения [9], состояния его здоровья (табл. 4).

К середине 1990-х гг. разрыв в ожидаемой продолжительности жизни между полами значительно увеличился. У городского населения в 1996–1999 гг. наблюдалось некоторое снижение разницы между мужчинами и женщинами (в первую очередь, из-за небольшого опережения по темпам роста этого показателя у мужчин), а затем снова разница вернулась к показателям первой половины 1990-х гг. У сельского населения существенных уменьшений разрыва в средней продолжительности предстоящей жизни не наблюдалось (только в 1998–1999 гг. весьма скромное снижение разницы) и разрыв в исследуемые годы стабильно был выше, чем в городе.

**Динамика средней продолжительности предстоящей жизни для новорожденных
в Республике Коми в 1990–2009 гг., лет [10, 11]**

Население, пол	Годы									
	1990	1992	1994	1995	1996	1999	2000	2005	2007	2009
Все население										
Оба пола	68,5	66,0	61,1	61,7	63,8	65,9	63,5	62,3	65,8	66,5
Мужчины	63,4	60,4	55,2	55,7	58,2	60,6	57,8	56,0	59,8	60,6
Женщины	73,6	72,1	68,4	69,1	70,4	71,8	70,1	69,5	72,3	72,9
Разность	10,2	11,7	13,2	13,4	12,2	11,2	12,3	13,5	12,5	12,3
Городское население										
Оба пола	68,7	66,4	61,5	61,9	64,4	66,5	53,9	63,5	66,8	67,7
Мужчины	63,6	61,0	55,5	55,9	58,9	61,2	57,9	57,0	60,7	61,6
Женщины	73,6	72,2	68,8	69,2	70,7	72,1	70,4	70,5	72,9	73,6
Разность	10,0	11,2	13,3	13,3	11,8	10,9	12,5	13,5	12,2	12,0
Сельское население										
Оба пола	67,9	64,4	59,5	60,8	61,7	63,9	62,4	58,6	62,7	63,0
Мужчины	62,0	58,7	54,0	55,1	55,9	58,7	57,2	53,0	57,0	57,4
Женщины	73,4	71,5	67,0	68,5	69,4	70,8	68,8	66,3	70,0	70,1
Разность	11,4	12,8	13,0	13,4	13,5	12,1	11,6	13,3	13,0	12,7

Известно, что обусловленная биологическими факторами разница между женской и мужской продолжительностью жизни составляет лишь 2-3 года [12]. Остальные 10 лет – это цена различий в образе жизни. Мы имеем в виду не только вредные привычки, но и весь комплекс социальных факторов: и то, что у мужчин в среднем более тяжелый характер труда, часто связанный с риском; и то, что для них характерно более пренебрежительное отношение к своему здоровью; и то, что значительная часть мужчин не имеет возможности создать семью из-за половых диспропорций в составе населения, и др. Надо заметить, что весь комплекс социально-экономических мероприятий, принятый в области демографической политики, до сих пор касался в основном женщин, хотя давно известно, что «женский организм по своей природе является более жизнеспособным, и поэтому женщины должны рассматриваться как сильный пол, а отнюдь не как слабый» [13]. На наш взгляд, создание приоритетных условий жизнедеятельности должно относиться к мужчинам в не меньшей степени, чем к женщинам.

Средняя продолжительность жизни сельских мужчин и женщин традиционно ниже, чем городских. Причем в последние годы XX в. разрыв нарастал. И опять-таки эту разницу и ее увеличение можно объяснить различиями в образе жизни. В сельской местности всегда была хуже развита инфраструктура – водопровод, канализация, центральное отопление, торговля, здравоохранение и т.д. В последние годы ситуация еще более обостряется, особенно в области здравоохранения. Сельские больницы зачастую переводятся в разряд амбулаторий, аптеки – в разряд аптечных киосков, ранее существовавшие амбулатории и аптечные киоски закрываются; происходят соответствующие изменения в численности и структуре медицинского персонала, финансировании, снабжении медицинскими препаратами и т.д. Не случайно снижение уровня смертности в 2000-х гг. в сельской местности шло более медленными темпами, чем в городской.

Анализ уровня смертности и его различий с учетом особенностей расселения коми народа позволяет утверждать, что тенденции смертности коренного населения и сельского населения республики в целом идентичны. Выделим наиболее характерные черты смертности у всего и коренного населения.

В последние пятнадцать лет XX в. произошло не просто увеличение уровня смертности, а повышение ее интенсивности во всех возрастных группах, увеличился разрыв в уровне смертности между полами. Общий коэффициент смертности увеличился с 7,7‰ в 1985 г. до 13,2‰ в 1994 г. и после некоторого снижения в 1995–1998 гг. вновь увеличился в 2000 г. до 12,0‰ и до 13,1‰ в 2010 г. Значительные различия в уровне смертности мужчин и женщин привели к тому, что средняя продолжительность жизни мужчин меньше таковой у женщин на 12,3 года, причем на селе эта разница заметно выше, чем в городе. Особенно высокий уровень смертности наблюдался в сельской местности республики, где в 2005 г. общий коэффициент смертности доходил до 20,0‰ (в городе – 13,7‰).

В заключение отметим, что наблюдавшиеся в Республике Коми в конце XX – начале XXI в. феномены в рождаемости и смертности стали новым явлением, требующим дальнейшего подробного и глубокого изучения и осмысления.

Источники и литература

1. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 27.
2. Статистический ежегодник Республики Коми. 2011: Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2011. С. 48.
3. Козлов В.И. Этническая демография. М., 1977. 240 с.
4. Статистический ежегодник Республики Коми. 2011: Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2011. С. 48.
5. Кваша А.Я. Воспроизводство населения России и его последствия // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия. М., 1994. С. 8–17.
6. Жеребцов И.Л., Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Вишнякова Д.В. Сельское население Коми в середине XIX – XX веке: расселение, состав, численность. Сыктывкар, 2005. С. 87.
7. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 51.
8. Статистический ежегодник Республики Коми. 2011: Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2011. С. 48.
9. Столяров Н.М. Смертность и продолжительность жизни населения Севера: этнорегиональные особенности // Социально-демографическое развитие Российского Севера. М., 1993. Вып. 9. С. 68–82.
10. Статистический ежегодник Республики Коми. 2011: Стат. сб. / Комистат. Сыктывкар, 2011. С. 54.
11. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова Г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. Сыктывкар, 2001. С. 57.
12. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение народонаселения. М., 1979. С. 151.
13. Урланис Б.Ц. Эволюция продолжительности жизни. М., 1978. С. 120.

А.Н. Волощук, А.В. Гончаренко, Ю.В. Завьялов (Ухта, Сыктывкар)*

Формирования трудового потенциала северных регионов России**

В научной литературе под трудовым потенциалом понимается развитая в данном обществе совокупность демографических, социальных и духовных характеристик и качеств трудоактивного населения, которые реализованы или могут быть реализованы в условиях достигнутого уровня развития производительных сил, научно-технического прогресса и системы отношений, связанных с участием в процессе труда и общественной деятельности. В понятие трудоактивного населения включается не только категория дееспособных лиц в трудоспособном возрасте, но и находящихся за его пределами, занятых как подготовкой к трудовой деятельности, так и ею в общественном производстве, а также индивидуальной трудовой деятельностью, предпринимательством.

Материальной основой трудового потенциала служит демографическое воспроизводство, обеспечивающее непрерывное возобновление поколений людей как физических носителей социальных качеств и отношений. Возникая первоначально как биологическая особь в рамках демографической системы, человек выступает в роли определенного потенциального ресурса, который в социально-экономической системе приобретает определенную способность к активной созидательной деятельности. В этом смысле он выступает субъектом производственных и социальных отношений.

Трудовой потенциал нефтегазодобывающих регионов Севера России складывается под влиянием технических, технологических, организационно-хозяйственных, социальных и демографических факторов.

Демографическая ситуация в северных нефтегазодобывающих регионах схожа с российской: идет сокращение численности населения при одновременном ухудшении всех демографических показателей. С 1990 по 2010 г. численность населения шести основных нефтегазодобывающих регионов уменьшилась с 4846 до 4634 тыс. чел., или на 212 тыс. чел. При этом если население России за этот период уменьшилось на 96,1%, то северных регионов НГС – на 95,6%. Среди шести регионов наибольшие потери в численности населения понесли Сахалинская область – 71,6%, Республика Коми – 76,1% и Ненецкий АО – 80,8%. В то же время в двух автономных округах (Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком) произошел рост численности населения на 121,5 и 111,9%, соответственно. Доля шести регионов НГС в общей численности населения России на крайние даты осталась практически неизменной – 3,3% (табл. 1).

Таблица 1

Численность населения по нефтегазодобывающим регионам Российской Федерации в 1990–2010 гг. на начало года, тыс. чел.

Регион	1990 г.	1995 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.
Российская Федерация	147665	148460	146890	143474	141915
Ханты-Мансийский АО	1267	1293	1360	1469	1539
Ямало-Ненецкий АО	489	478	496	523	547
Ненецкий АО	52	45	41	42	42
Сахалинская область	714	659	569	532	511
Республика Коми	1249	1157	1058	996	951
Томская область	1075	1072	1058	1037	1044

Общее представление о ресурсах труда экономики дает распределение населения по трем укрупненным возрастным группам: моложе трудоспособного, в трудоспособном и старше трудоспособного возраста. Практически по всем регионам произошло уменьшение доли детей. В Томской и Сахалинской областях доля детей близка к российскому уровню – такая же низкая, а в лучшую сторону выделяются Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, где каждый пятый житель – ребенок. Вначале 1990-х гг. доля населения в трудоспособном возрасте в северных регионах НГС была значительно выше, чем по стране в целом. Особенно характерно это было для Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского АО. В 2010 г. для большинства регионов доля населения в трудоспособном возрасте стала не так сильно отличаться от общероссийской. Исключение составляют Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Республика Коми.

* **Волощук А.Н.** (Ухта) – аспирант кафедры экономики Ухтинского государственного технического университета; **Гончаренко А.В.** (Сыктывкар) – инженер лаборатории демографии и социального управления ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН; **Завьялов Ю.В.** (Ухта) – аспирант кафедры экономики Ухтинского государственного технического университета.

** Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Согласование интересов государства, регионов и корпоративного менеджмента по формированию и использованию трудового потенциала северных территорий» (2012–2014, проект № 12-03-00287).

Разная направленность демографической динамики отдельных возрастных групп привела к общему положительному результату – уменьшению общей демографической нагрузки. В 2010 г. в целом по стране на 1000 человек трудоспособного возраста приходилось 606 лиц нетрудоспособного возраста по сравнению с 759 в 1990 г. (-153 чел.), по нефтегазовым регионам соответственно 618 и 484 чел. (-134 чел.). Снижение демографической нагрузки было повсеместно, но значительнее всего она составила в Томской области – 175 чел. и Ханты-Мансийском АО – 154. Незначительно она снизилась в Сахалинской области – 43 и в Ненецком АО – 55 чел.

Одной из важнейших характеристик воспроизводства трудового потенциала региона является средняя продолжительность предстоящей жизни. Это демографическое направление оценки трудового потенциала исходит из того факта, что показатель средней продолжительности жизни признан многими специалистами в области здравоохранения, страхования жизни, демографии, экологии ценным инструментом анализа выживаемости человека как в условиях воздействия окружающей среды, так и в процессе его онтогенеза. Необходимо также подчеркнуть, что в соответствии с Программой действий, принятой на Международной Каирской конференции 1994 г., все страны должны стремиться к тому, чтобы в 2005 г. ожидаемая продолжительность жизни для обоих полов превысила 70 лет.

Сегодня уже стало очевидным, что в 2005 г. Россия и большинство нефтегазодобывающих регионов были далеки от намеченной планки. В 2005 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни по России для обоих полов составил 65,3 года. Ближе всего к намеченному уровню были Ямало-Ненецкий АО – 68,2 и Ханты-Мансийский АО – 67,9 лет, худшие показатели имели Сахалинская область – 60,6 и Республика Коми – 62,3 лет. В 2009 г. два автономных округа достигли рекомендованной величины ожидаемой продолжительности жизни: Ямало-Ненецкий АО – 71,3 и Ханты-Мансийский АО – 70,5 лет. Другим регионам удалось достичь того уровня, который рекомендуется для стран с самой высокой смертностью – им рекомендовано достичь ожидаемой продолжительности жизни для обоих полов, превышающей 65 лет. В Томской области – 68,1 лет, в Сахалинской – 64,8 лет (худший показатель). Ненецкий АО, расположенный на Европейском Севере, имеет один из худших показателей в европейской части – 65,2 лет. Возможно, причины кроются в том, что в Ханты-Мансийском АО и Ямало-Ненецком АО доля манси и ханты составляет 1,9 и 7,1%, а в Ненецком АО доля коми и ненцев – 30,0%.

Анализ причин смерти трудоспособного населения нефтегазодобывающих регионов показывает, что с 1990 по 2005 г. по всему классу причин произошло их увеличение. После 2005 г. наметилась позитивная тенденция – снижение уровня смертности, исключение составляют отдельные причины и регионы. Например, в 2005–2009 гг. смертность увеличилась от паразитарных и инфекционных болезней, от новообразований, от болезней органов дыхания и от болезней органов пищеварения в Ханты-Мансийском АО. По трем причинам был отмечен рост смертности в Ямало-Ненецком АО: от паразитарных и инфекционных болезней, от болезней органов дыхания и от болезней органов пищеварения. В трех регионах: Ненецком АО, Республике Коми и Сахалинской области почти по всему классу причин уровень смертности выше общероссийского уровня.

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКИ И МЕТОДИКА ИХ АНАЛИЗА

О.А. Сухова (Муром)*

Синодики как источники по исторической демографии (на примере муромских рукописных синодигов конца XVII – начала XVIII в.)

В рукописных собраниях российских архивов, библиотек и музеев хранится корпус интересных и специфических источников – синодики русских монастырей, храмов, отдельных родов и лиц. Некоторые из них опубликованы еще в дореволюционный период, в том числе и муромского происхождения; другие – за три последние десятилетия [1]. «Синодиком» традиционно принято называть текст Чина поминовения усопших – службы, составленной в 843 году по случаю торжества православия над иконоборцами. Фактически же на русской почве под этим наименованием бытовали три совершенно разных письменных памятника: Синодик Вселенский; Синодик с литературными предисловиями; Синодик-Помянник. В рамках данной статьи в первую очередь рассматривается последний из перечисленных типов. Вопрос о видах такого синодика затрагивался Н.К. Никольским, Е.Е. Голубинским, С.Б. Веселовским, И.В. Дергачевой и др. Однако он был «далек от разрешения», – по замечанию С.В. Сазонова в статье «О видах синодика-помянника» (1993) [2]. Несмотря на исследовательский «прорыв» в этой области 1990-х – начала 2000-х гг., остается еще немало проблем в изучении русских синодигов. Связано это, в первую очередь, с тем, что большинство из них не введено в научный оборот и только ждет публикации.

Документы эти, прежде всего, являются источниками по истории поминальной практики в Русской Православной Церкви. Однако содержание данных текстов далеко не исчерпывается только этим аспектом. Они являются важными, но сложными, до сих пор недостаточно изученными историческими источниками. С.Б. Веселовский назвал Синодик-Помянник «очень трудным с точки зрения исследования, но ценным источником, требующим большой осторожности и критики». Подчеркнув историческую достоверность синодика, он указал на его особое значение «как очень ценного пополнения и корректива для родословного материала» [3]. В 1985 г. В.Б. Павлов-Сильванский, опубликовав синодик Московского Новодевичьего монастыря 1705 г., отметил, что такие важные источники «до сих пор изучены недостаточно, в том числе в источниковедческом плане» [4]. Исследователи, например, И. Дергачева, объясняют трудность использования данных синодика, в частности, тем, что при переписке материал приводился в систему, часто нарушающую хронологию [5]. Сведения помянников могут быть неоспоримыми только в случае подтверждения или дополнения фактами, содержащимися в других документах. При выработке определенных методик работы с синодиками, станет возможным извлекать из них данные не только по истории родов, но и сведения социально-экономического, географического, этнографического и демографического характера, которые заключены в них, но требуют специального подхода.

Целью настоящей работы не является разработка особых методик по работе с таким источником как синодик-помянник; а дать лишь представление об этом любопытном типе письменных памятников как документах, хранящих информацию, в том числе, и по исторической демографии – на примере трех конкретных рукописных синодигов из собрания Муромского музея. Два являются монастырскими, составленными в муромском мужском Благовещенском монастыре, и точно датированы 1695 и 1713 гг.; один принадлежал муромскому городскому собору Рождества Богородицы, первоначальный корпус записей которого, очевидно, относится ко времени царствования Федора Алексеевича (1676–1682), в целом он может быть датирован началом XVIII в. (с приписками и пометами XIX в.). Источники эти не опубликованы и не описаны в литературе; о них встречаются лишь краткие сведения [6]. При этом материал муромских рукописных синодигов используется некоторыми исследователями; в основном авторы ссылаются на отдельные записи с именами лиц, интересующих их в контексте определенной темы [7].

Первый из синодигов Благовещенского монастыря 1695 г. представляет собой фолиант (164 л.) размером «в лист»; в кожаном тисненном переплете со следами металлических застежек; записи исполнены полууставом; в орнаменте присутствуют трехцветные заставки и инициалы (в основном же – киноварные). На титульном листе имеется поздняя запись: «Господи благослови! 1903 года. Синодик сей рукописанъ 1695 года 17-го века. Благодетели сего монастыря были Князь Иоанн Петрович Болховской, а князя Михаила Иоанновича Лыкова 1-й родъ

---

* Сухова Ольга Аскольдовна (Муром) – главный научный сотрудник Муромского историко-художественного музея.

в семь Синодикъ; а Роды Князь Воротынского и Болховского зри въ Синодикъ за 1713 год стр. 19-20 на обороте...». На листах со второго по четвертый содержится краткое предисловие, начинающееся словами: «Помяни Господи души усопших раб своих прежде почивших века сего...». На следующих листах (4 об.–6 об.) вписаны для поминовения имена нескольких родов, в том числе «Род Благовещенского игумена Ферапонта» (6 об.).

Наконец, только на седьмом листе (по первоначальной буквенной пагинации – первом) обнаруживаем начальные записи собственно помянника. Здесь имеется дата, исполненная киноварью в правом верхнем углу: «7203 год», с поздней припиской черными чернилами: «от сотворенія міра» и «от рождества христова 1695?» – в левом верхнем углу. Как и указано в поздней приписке на титуле, на этом листе действительно вписаны имена рода благодетеля Благовещенской обители «боярина, князя» Михаила Ивановича Лыкова; на обороте – рода «послуживца его Самсона Васильева сына Алешковского». М.И. Лыков (1640–1701) – стольник и воевода, затем окольничий боярин; последний в этом угасшем роду. Он был единственным сыном сподвижника Петра I, князя И.Ф. Лыкова, от брака с княжной Е.Д. Пожарской. Род самого «боярина князя Димитрия Михайловича Пожарского», в 1639 г. приложившего в муромский Благовещенский монастырь водосвятную чашу (ныне в Муромском музее), также вписан в этот монастырский синодик (л. 26).

Для настоящего исследования интересны не столько личности этих и других знатных лиц и исторических деятелей, роды которых вписаны в синодик, за сделанные ими вклады в монастырь, сколько указания и приписки, встречающиеся при перечислении ряда имен каждого из известных, так и безвестных семейных кланов. Пояснения эти разного характера; среди них имеются пометы о социальном статусе, роде занятий, месте проживания, возрастной категории; характере смерти мужчин и женщин, младенческой смертности в каждом вписанном в синодик роду от знатных вельмож до простолюдинов. Реже встречаются и особые приписки, характеризующие какие-то неординарные черты человека. Кроме того, запись мужских и женских имен позволяет посчитать и сопоставить гендерные соотношения в каждом роду.

Например, в записях «Рода Бориса Цветнова» (л. 10-11), муромского купца, известного в городе ктитора храмов и монастырей, перечислено всего 121 имя, из которых мужских – 71 и женских – 50. Имена (в родительном падеже) мужчин и женщин хотя и вписаны вперемешку, тем не менее заметно, что в начало статьи переписчики все же старались поместить преимущественно мужские имена с определенными пояснениями: «инока схим»; «сщенноинока»; «сщеннодиакона» (инока схимника; священноинока; священнодиакона). При подсчете подобных помет выясняется, что в роду купцов Цветновых было 18 монахов и два дьякона. Среди монашествующих указан и «кинок схимник Тихон», под которым исследователи подразумевают сына Бориса Семеновича Цветного – в миру Тарасия, по прозвищу Богдан. Он был причислен к купцам московской гостиной сотни; известен как основатель муромского Троицкого женского монастыря (1643 г.); вкладчик ряда драгоценных богослужебных предметов, а также как герой древнерусской «Повести о чудесах Виленского креста» последней четверти XVII в. Считается, что Тарасий Борисович постригся в монахи муромского Благовещенского монастыря, что косвенно подтверждается не только упоминанием его монашеского имени в рассматриваемых синодиках этой обители, но и вкладной надписью с именем вкладчика – «старца Тихона» на серебряном паникадиле 1667 года, происходящем из того же монастыря (ныне – в Русском музее). Соответствующие пояснения после женских имен: «иноки схим» (иноки схимонахини) показывают, что в этом семенном клане из 50 женщин 10 посвятили себя монашеству. Не исключено, что и Троицкий монастырь обустроивался Тарасием Цветным ради покойной старости близких родственниц.

Можно также сосчитать по припискам: «млад» (младенца), что в роду Цветновых всего из 121 представителя в младенчестве умерло 16 человек обоих полов. Причем большая часть из них в количестве 10 – мужского пола. Кроме того, имеются также пометы: «двцы» (девицы) – соответственно только рядом с женскими именами, одновременно говорящие как о другой возрастной категории, так и о семейном положении. Девицами, т.е. либо юными девушками, либо «старыми девами» в этом роду умерли семеро. Что касается видов насильственной или случайной трагической гибели, то на сей счет встречаются в данной родовой статье следующие пояснения: «уб.» (убиенного) – самое распространенное и типичное указание в русских синодиках XVII в.; «сожженнаго» и «оутопшаго», что встречается реже первого, но также характерно для синодичных записей. По замечанию А.И. Алексеева, «распространение такого рода поминаний стало характерной чертой синодиков-помянников в XVII веке» [8]. Всего в роду Цветновых указано на гибель девяти человек, причем среди «убиенных» есть даже женщина, что встречается редко; как правило, такого рода пояснения относятся к мужчинам. Безусловно, конкретные замечания о причине кончины того или иного лица коррелируют с текстами синодичных предисловий, где перечисляются различные виды смерти, в том числе насильственной. В описываемом синодике муромского Благовещенского монастыря 1695 г., фактически являющемся именно помянником, все же имеется краткое предисловие, возможно добавленное к нему позднее, о чем косвенно говорит и первоначальная буквенная пагинация, и датирующая надпись на седьмом листе фолианта – первом листе, где начинаются собственно поминальные записи родов вкладчиков монастыря.

Второй синодик Благовещенского монастыря 1713 г. представляет собой, как и первый – фолиант, но еще более внушительный (титл. л. 234 л.) размером «в лист» (листы немного обрезаны); в кожаном переплете со следами металлического крепления застежек; записи исполнены полууставом; в орнаменте присутствуют многоцветные заставки и инициалы. На листе синей бумаги, вставленном перед титульным листом, имеется поздняя надпись, очевидно, начала XX в.: «*Въчный Синодикъ: для кн: Болховскаго*»; на обороте того же листа приписка: «*NB Вероятно, что по приказу Князя Болховскаго написан сей Синодик оч. искусным писцом*»; на титульном листе запись: «*Видно, что Синодик сей рукописан Князем Иоанном Петровичем Болховым 1713 года. NB. А род его на 11 листе на обороте*». На обороте титульного листа внутри многоцветной орнаментальной рамки, с цветочными элементами и птицами, размещена вкладная надпись с датой, исполненная золотом: «*Сія книга города мурома синадикъ Благовѣ(ще)нскаго мон(а)стыря построил сию книгу по обѣщанію столникъ князь Іоан Петровичъ Болховѣской писан в ѣта 713 Год*». На следующем за титулом первом листе (по буквенной пагинации) имеются заставка и начало краткого синодичного предисловия (л. 2–4 по новой пагинации), исполненные вязью киноварью: «*ПОМЯНИ ГОСПОДИ ДУШИ УСОПШИХ РАБЪ СВОИХЪ ПРЕЖДЕ ПОЧИВИШИХ ВЕКА СЕГО...*». Далее следуют обязательные рубрики поминовения князей и царей, митрополитов. Вслед за родовой рубрикой царя Бориса Годунова помещена статья с именами рода его известнейшего противника и активного деятеля Смуты – «князя Иоанна Михайловича Воротынского» (л.10/11 об.) (XVI век – 1627). Боярин и воевода, сын последнего удельного воротынского князя; один из членов «Семибоярщины»; после смерти отца (1573) служил воеводой в Муроме.

Под богатой орнаментальной заставкой и с многоцветной буквицей размещена родовая статья самого вкладчика этой дорогой и красивой поминальной книги – «стольника князя Иоанна Петровича Болховского» (л.11/12 об. – 13/14). Он был представителем одной из самых древнейших фамилий Руси и потомок удельных князей. Как и Воротынские, князья Болховские возводили свои роды к святому князю Михаилу Черниговскому. Сам же вкладчик муромского синодика по «боярским спискам» XVIII века с 1703 г. числился как отставной стольник. Синодик Благовещенского монастыря 1713 г., как и предыдущий 1695 г., рубрики которого целиком были в него переписаны и дополнены новыми родами и именами, является «вечным синодиком» (это определение фиксирует и надпись на его начальном листе). Синодики-Помянники делятся на два основных типа: «вечные» и «вседневники». В «вечные» синодики записывали имена крупных вкладчиков на «веки», без намерения когда-либо выскоблить запись. Во «вседневных» по истечении срока оставляли только имена более-менее значительных вкладчиков, других вымарывали [9].

Из местных известных купеческих родов и значительных вкладчиков XVII – начала XVIII в. были купцы Черкасовы, ктиторы Муромского женского Воскресенского монастыря. Как и другие богатые люди, они давали вклады и в другие обители города. Поэтому естественно, что в синодике Благовещенского монастыря 1713 г. вписан «Род Симеона Черкасова» (известен как купец Московской гостиной сотни) (л. 24/25-24/25 об.). Также, как и в синодике 1695 г., при упоминании имен встречаем схожие указания и приписки. Всего в статье значится 53 имени (26 муж., 27 жен.). Из них имеют пометы: «*млнца*» (младенца) – 13 имен (7 муж., 6 жен.); «*двцы*» (девицы) – 4 имени; «*оутопшаго*» (утопшего) – одно имя; «*оубьеннаго*» (убиенного) – одно имя. Девять представителей рода купцов Черкасовых обозначены монашествующими: «*инока схимника*» (5), «*иноки схимницы*» (4); один священником: «*сценно иерея*».

Некоторые выходцы из Мурома купеческого сословия уже вписаны в синодик 1713 года как жители столицы. Например, «Родъ вкладчика москвитина Афанасия Тарасова с(ы)на Соколова» (л. 58 об.). Купец этот, причисленный к Московской гостиной сотне, известен по богатым вкладам в Муромский Благовещенский монастырь (Икона «Богоматерь Владимирская» письма А. Рязанцева 1692 г.; Евангелие 1698 г. в грандиозном серебряном окладе 1729 г.; ныне в Муромском музее). Отец его – Тарасий Соколов, в другом синодике (соборном) назван «муромцем», «посацким человеком» (л. 145 об.). В синодике Благовещенского монастыря 1713 г. встречаются и другие указания на место жительства вкладчиков, социальный статус или характер деятельности: «Родъ астраханскаго посацкаго ч(е)л(ове)ка Леонтия Никонова сына Ростовца» (л. 104); «Родъ пустынныхъ жителей... иже есть на Унже старца Феодосия, Иосифа, Иоанна муромцевъ» (л. 94–94 об.); «Родъ стародубца Панкрата Андреева с(ы)на Неронова» (л. 88 об.); «Родъ старца Мисаила серебряника», «Родъ старца Иосифа, оученика Григория Неронова» (известного поборника старообрядчества – О.С.), «Родъ старицы Марии Стригинской попадьи» (л. 60–62 об.); «Родъ старца Иосифа калашника» (л. 67). Два датированных синодика муромского Благовещенского монастыря 1695 и 1713 гг., безусловно, являются ценнейшими источниками, к тому же есть возможность сравнивать аналогичные рубрики в них и фиксировать изменения в каждом роду и братии монастыря, произошедшие за конкретный срок – 18 лет.

Наиболее интересным для исследуемой темы все же является третий из представляемых синодиком, который принадлежал главному собору города (Муромскому Рождества Богородицы). В отличие от монастырских в нем гораздо шире и «демократичнее» подход, формирующий огромный круг вкладчиков самого разного со-

циального статуса: от знатных лиц до городских нищих. На книге нет помет, фиксирующих, что это «вечный синодик», однако нет и «вымаранных» мест. Наоборот, на листах много поздних приписок с именами, очевидно, новых вкладчиков; вероятно, имя вписывалось «на веки» за любой посильный вклад. Формирование первоначального корпуса поминальных записей этого синодика, как было замечено в начале статьи, видимо, относится к последней трети XVII в., но все же он может быть в целом датирован несколько более поздним временем – началом XVIII в. (с приписками, пометами и последними листами – XIX в.). Как и два монастырских синодика, соборный синодик является рукописной книгой «в лист» (188 л.), заполненной полууставными записями. Она имеет кожаный переплет; на нижней крышке сохранились ажурные латунные средник и угольники XVII–XVIII вв. Рукописные листы богато орнаментированы: рамки, инициалы, заставки старопечатного стиля, с золотом. Роскошное оформление книги также свидетельствует о том, что синодик главного собора Муром создавался как «вечный».

Главнейшим отличием соборного синодика от монастырских муромских помянников с очень краткими предисловиями является наличие в нем обширной литературной части (л. 1–40 об.) По типу синодик муромского собора следует отнести к Синодику – Литературному сборнику, или Синодику с литературным предисловием. Однако любое деление на виды достаточно условно, и наличие литературного текста не отменяет объемной документальной части книги с родовыми рубриками, которая является собственно синодиком-помянником, являющимся объектом исследования в настоящей работе. Предисловие специально не рассматривается в рамках заданной темы. Приведем из него лишь несколько заключительных строк, созвучных по содержанию с некоторыми пометами о насильственной смерти или внезапной гибели рядом с именами поминаемых лиц в документальной части синодика: «Помяни Господи на пути, и на море утопающих; и в темницах заключенных умирающих; и от насилия от царей нечестивых... Помяни Господи сирот убогих их же некому помянути...» (л. 40 об.).

Всего в синодик-помянник Муромского собора Рождества Богородицы вписано около 550 «родов»: помимо царей, князей, митрополитов, епископов, многочисленных знатных фамилий множество безвестных лиц, записанных по большей части вперемешку с именитыми людьми. Среди известных семей: Голицыны, Трубецкие, Годуновы, Тургеневы, Хитрово, Волконские, Чертковы, Палицыны, Осорьины, Чаадаевы, Мусины-Пушкины, Столыпина. Родовые рубрики их соседствуют с такими записями, как «Род сельца Нова крестьянина Софрона»; «Род соборного попа Савы Иванова»; «села Клина род вдовы Евдокии Борисовой жены»; «Род Федора нищего с горки»; «Род прихожих людей безыменных».

В соборном синодике многие лица обозначены по профессиям: «харчевник», «портной мастер», «сыромятник», «холщевник», «торговка», «книжный переплетчик», «иконник», «солдат», «мельник», «рыбный прасол», «сусленник», «масленник», «плотник» и др. В тексте источника имеются указания на происхождение или место жительства вкладчиков: «из Меленок» (ныне г. Владимирской обл.); «Ардатова» (ныне г. Нижегородской обл.); «москвитин» (из Москвы); «торопчанин» (из Торопца – ныне г. Тверской обл.); «галечанин» (из Галича – ныне г. Костромской обл.); «из Стародуба» (видимо, из несохранившегося г. Стародуба Воцкого – ныне Нижегородской обл.); «кошерянин» (из Коширы – ныне г. Московской обл.); «мещеряи» (жители Мещеры – территории по среднему течению Оки – ныне Московской, Рязанской, Владимирской обл.); «Хамтеевой слободы» (?), «с Клина» (ныне г. Московской обл.); «ржевитин» (из Ржева – ныне г. Тверской обл.); «Владимирского у.», «с Павлова Острога» (ныне г. Павлово на Оке Нижегородской обл.); «из Суждаля» (из Суздаля – ныне г. Владимирской обл.); «из Глядячей слободы» (ныне Дмитриевская слобода Муромского о. Владимирской обл.).

Как и в монастырских синодиках 1695 и 1713 гг., в помяннике собора Рождества Богородицы конца XVII – начала XVIII в. прослеживается подобная им система помет с характеристикой причины смерти или возрастной категории умершего; сходно и обозначение монашествующих и священнослужителей. Помимо рассмотренных выше (на примере отдельных рубрик в монастырских синодиках) указаний возрастных категорий, в помяннике собора встречается еще помета: «*отрока*». Отроком в Древней Руси считался ребенок мужского пола от 7 до 14 лет. Такая помета, очевидно, соответствует по возрастной категории приписке «*девицы*», часто встречающейся во всех трех рассматриваемых синодиках, относясь к девочке (девушке) тех же лет, что и «отрок» (совр. «подросток», «тинейджер»).

Чрезвычайно необычная помета к женскому имени содержится в соборном синодике в родовой рубрике некоего «Луки Гнета Мошнина» (очевидно, местного жителя; Мошнины и в настоящее время проживают в Муроме) (л. 106–106 об.). Всего в семейной записи 107 чел. (64 муж., в том числе «убиенных» – три; 43 жен.); из них трое монашествующих (один мужчина, две женщины). Кроме того, еще одна из женщин выделена следующей редкой припиской к имени: «*Ирины оуродивья*» (юродивой). Известно, что в Древней Руси и Позднем Русском Средневековье юродивые считались блаженными и «божиими людьми», что в то же время не исключало насмешек над ними и даже надругательств. В ряде русских городов, например, Ростове Великом, почитается несколько святых юродивых. Стоит отметить, что данный «чин» святости считается самым высшим. Заметим здесь, что Муром не отмечен прославлением подобных святых. Местные жители избегали крайностей и тяготели к другому подвигу –

«в миру», почитая своих «семейных» святых: супругов князей Петра и Февронию; князя Константина с двумя сыновьями и супругой; праведную «добрую женщину» Ульянию, с мужем и дочерью [10]. Тем больше вызывает интерес это обнаруженное примечание к женскому имени одной из горожанок. Ирину Мошнину, судя по внесенной заметке, даже в своей семье относили к данному статусу – «юродивой». Правда, трудно утверждать что-либо по поводу того, относились ли к ней больше как к «блаженной», или же скорее как к «дурочке».

Статьи родов в синодике собора, как и в помянниках монастыря, сильно разнятся по количеству вписанных в них для поминовения имен, что связано с различным статусом семейств. Родовые рубрики ряда знатных родов насчитывают по несколько сотен упоминаний, тогда как встречаются записи вкладчиков, например, из крестьян, всего из двух-трех имен. Данный контраст в соборном синодике проявляется ярче, так как в нем шире представлены все слои населения Руси Позднего Средневековья и на рубеже Нового времени. Так, родовая статья «дьяка Захария, по прозванию Богдана Силина», насчитывает всего 674 имени (л. 52–56 об.), причем мужских (495) из них почти в три раза больше, чем женских (179). В младенчестве умерло 20 чел. (12 – муж., 8 – жен.), девицами – 14, монашествующими и священнослужителями – 88 (65 – муж., 23 – жен.). Внезапно погибшими числятся всего восемь человек (7 – муж., 1 – жен.). Причем это не только «убиенные», но и двое мужчин «сожженных». Можно подсчитать, что из всего огромного рода трагически погибла все же лишь одна восьмидесятая часть, тогда как в других семействах доля «убиенных» часто очень высока.

Например, в «роду Андрея Палицына» (л. 69) указано всего 27 чел. обою пола (16 муж., 11 жен.); количество «убиенных» мужчин – семь, т.е. больше половины упомянутых погибли, плюс еще один умер младенцем; трое мужчин умерли в монашестве. Из 11 женщин рода скончались в младенческом и девичьем возрасте – двое, столько же – в монашестве. Вероятно, значительная доля погибших в этой семье связана с характером их деятельности и службы. Андрей Федорович Палицын со своим «родом» вписан в синодик главного собора города Мурома как очень значительный вкладчик. В 1618 г. он «поставил» в иконостас собора великолепную икону «Петр и Феврония Муромские в житии» (Муромский музей). За год до этого он был в Муроме назначен воеводой; до него только один Палицын, его отец, Федор Сысоевич, удостоился «по царской милости» воеводства (в Белоозере в 1609 г.). Упоминания А.Ф. Палицына встречаются в Писцовых книгах Мурома 1623, 1636 гг. В 1629 г. Палицын был назначен вторым воеводой в Сибирь, в Мангазею. Скончался он в начале 1640-х гг. А.Ф. Палицын был яркой разносторонней и противоречивой личностью. С.В. Бахрушин назвал его «русским интеллигентом XVII столетия». Он же писал о нем: «Городовой дворянин Деревской пятины, слуга одного из Годуновых, тушинец, стряпчий Сигизмунда, партизан и казацкий воевода, наконец, столичный дворянин и администратор царя Михаила» [11]. В «роду Иоанна Мертваго» из 52 имен (35 – муж., 17 – жен.) также обозначена значительная доля погибших мужчин – 11 из 35, один умерший младенцем (л. 77–77 об.).

В «роду Осорьных» (роду святой праведной Юлиании Лазаревской/ Муромской, ум. 1604 г.) из 81 имени (55 – муж., 26 – жен.) (79–79 об.) только у четырех мужских имен имеются пометы, говорящие о гибели; один из них – инок, а не воин или служилый человек: «*инока Евсевия оубиеннаго*». Еще один из указанных погибших мужчин в этой семье также был убит не на поле битвы, а от «брани в детех и рабех», что привело к убийству старшего сына праведной Юлиании слугами. Об этом рассказывает другой ее сын Каллистрат (Дружина), составивший жизнеописание собственной матери. «Житие Юлиании Лазаревской или «Повесть о Ульянии Муромской», была написана им вскоре после 1615 г. В рассматриваемой статье соборного синодика естественно также значится имя Каллистрата Осорьина (л. 79 об.) – муромского дворянина, губного старосты города 1610–1640 гг. и первого русского писателя, рискнувшего написать не житие, а, по сути, биографическую повесть.

По сравнению с этими примерами записей известных семей информация по безвестным родам скудна, но при этом является более массовой и типовой даже в пространстве одного синодичного текста: «Род вдовы Татьяна» с упоминанием всего восьми имен (2 – муж., 6 – жен.), из которых значится один монах и «*Екатерина девица оутопшая*» (л. 112); «Села Клина род вдовы Евдокии Борисовской жены» – с упоминанием всего пяти имен (4 – муж., 1 – жен.) и без каких-либо пояснений (л. 71); «Род Иоанна Онисина из Окулова» – с упоминанием только трех имен (2 – муж., 1 – жен.) и без каких-либо дополнительных помет (л. 112 об.); «Род муромца посацкого человека Василия Клементьева сына Шабердня» с упоминанием имен девяти человек (3 – муж., 6 – жен.), с одной пометой – «*дев*» (девицы) (л. 72 об.); «Род Евдокима иконника» с упоминанием всего трех имен (1 – муж., 2 – жен. – обе схимницы) (л. 114 об.). Последнего ныне вряд ли стоит называть безвестным, так как имя этого иконописца уже внесено в «Словарь русских иконописцев XI–XVII веков» [12]. Это самый первый из известных иконописцев Мурома родился до 1636 г., и, очевидно, сформировался как мастер еще в конце XVI столетия. В настоящее время идут исследования реставраторами ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря, которые выявляют ряд икон из собрания Муромского музея, принадлежащих руке одного местного мастера, возможно, Евдокиму «иконнику» [13].

Рассмотренные в статье муромские рукописные синодики-помянники конца XVII – начала XVIII в. являются ценными и пока почти неизвестными источниками, содержащими как эксклюзивные сведения, так и характерные для этого рода источников типовые указания на причины смерти; определения рода занятий и место-

жительств множества лиц, а также дает возможность выявлять гендерные соотношения как в кругу одной семьи на протяжении нескольких поколений, так и в целом всех родов, упомянутых как в трех представленных помяниках, так и с привлечением других сохранившихся синодиков и иных документов региона. Безусловно, муромские синодики необходимо подготовить к публикации и издать для возможности работы с их текстами не только историкам и специалистам по древнерусской литературе, но и исследователям в области демографии.

Источники и литература

1. Лицевой синодик XVII в. муромского Спасо-Преображенского монастыря (ГИМ. Шук.139): См.: *Добрынкин Н.Г.* Памятники древней письменности Спасского монастыря, в городе Муроме. Лицевой Синодик и Вкладная Книга. Владимир, 1892; *Титов А.А.* Синодик Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле. М., 1895; *Он же.* Синодики XVII века Переславского Горицкого монастыря. М., 1902; *Он же.* Синодики XVII–XVIII веков Ростовского Успенского собора. М., 1903; Синодик 1705 года Московского Новодевичьего монастыря // *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.* М., 1985. С. 211–302; *Сазонов С.В.* Синодики надвратных церквей Ростовского Архиерейского Дома // *Сообщения Ростовского музея Ш. Ростов, 1992. С. 131–162.* Вступит. ст. и публикация синодиков 1780–1790-х гг. (церквей Воскресения и Иоанна Богослова) из собрания Ярославского музея-заповедника; Синодик Иосифо-Волоколамского монастыря (1479–1510-е годы). Подготовка текста и исследование Т.И. Шабловой. СПб., 2004; *Алексеев А.И.* Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // *Вестник церковной истории.* 2007. № 4(8). С. 5–41. Вступ. ст. и публикация; *Маиуфаров А.В.* Синодик Благовещенского собора Московского Кремля // *Вестник церковной истории.* 2009. № 1–2 (13–14). С. 10–25 (Вступ. ст. и публикация).
2. *Сазонов С.В.* О видах синодика-помяника // *История и культура Ростовской земли* 1992. Ростов, 1993. С. 110.
3. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых земледельцев. М., 1969. С. 27. Цит. по кн.: *Дергачева И.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII веков (на материале синодика). München: Verlag Otto Sagner, 1990. С. 9–10.
4. *Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.* / Подготовка текстов и вступ. ст. В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1985. С. 29.
5. *Дергачева И.* Становление повествовательных начал в древнерусской литературе XV–XVII веков (на материале синодика). München: Verlag Otto Sagner, 1990. С. 9–10.
6. Синодики Муромского Благовещенского монастыря 1695 г., 1713 г. МИХМ. Инв. № М – 2230/16; 2233/19. 31x 20 x 4,5 см; 30x20x7 см. Синодик Муромского собора Рождества Богородицы XVII–XVIII вв. МИХМ. Инв. № М-2232/18. 32x20x4,5 см. См.: *Богатов И.П.* Древнерусские рукописи и старопечатные книги Муромского краеведческого музея Владимирской области // *ТОДРЛ. IX. М; Л., 1953. С. 465.*
7. *Чернышев В.Я.* Муромские иконописцы XVII–XVIII вв. // *Уваровские чтения–III.* Муром, 2001. С. 200, 201, 204. Сн. 10, 20; *Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Ред.-сост. И.А. Кочетков. М., 2003. С. 204; Сиротинская А.А.* Сидор Лопатин – устроитель Георгиевской церкви в Муроме // *Уваровские чтения–VI.* Муром, 2006 (2009). С. 222; *Мосунова Т.М.* Иконы св. Николая Чудотворца из Муромы // *Там же.* С. 221. См. также статьи автора данной публикации: *Сухова О.А.* Покров муромских князей // *Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1990. М., 1992; Она же.* Группа серебряных вкладных вещей из собрания Муромского историко-художественного музея // *Сборник Калужского художественного музея. Вып. 1, ч. 1.* Калуга, 1993; *Она же.* Древности Муромского Троицкого монастыря // *Уваровские чтения–II.* М., 1994. С. 142. Сн. 6; *Она же.* Коллекция лицевого шитья в Муроме // *Древнерусское художественное шитье. ГИКМЗ «Московский Кремль». Материалы и исследования. X.* М., 1995; *Она же.* Кресты-мошевики в собрании Муромского музея // *Ставрографический сборник. М., 2004. Кн. 3; Она же.* Придел Леонтия Ростовского в храме Николы Зарядского в Муроме // *История и культура Ростовской земли–2006.* Ростов, 2007; *Храм Николы Можайского в Муроме. История и древности // «Христианская символика». Материалы XVI Всероссийской научной конференции памяти святителя Макария. Вып. XVI. Можайск, 2009; Она же.* Придел Макария Желтоводского в храме Спаса Нерукотворного в Муроме // *Макариевские чтения в Нижнем Новгороде в музее-заповеднике (2010).* Нижний Новгород, 2011. С. 69.
8. *Алексеев А.И.* Древнейший синодик Макариева Унженского Троицкого монастыря // *Вестник церковной истории.* 2007. № 4 (8). С. 7.
9. См.: *Никольский Н.* Кирилл-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII века. СПб., 1910. Т. I., вып. 2. С. 146–147, 151–153; *Дергачева И.* Указ. соч. С. 11.
10. См.: *Сухова О.А.* «Святые семейства». Особенности почитания муромских святых // *Уваровские чтения–VII.* Муром, 2011.
11. *Бахрушин С.* Андрей Палицын – русский интеллигент XVII столетия // *Века. Исторический сборник.* Пг., 1924. С. 109–110.
12. «Словарь русских иконописцев XI–XVII веков / Авт.-сост. И.А. Кочетков. М., 2003. С. 204.
13. *Мосунова Т.М.* Иконы святого Николая Чудотворца из Муромы // *Уваровские чтения–VI.* Муром, 2006. С. 220–221; *Она же.* История реставрации муромской иконы XVI века «Святой Иоанн Креститель» // *Уваровские чтения–VIII (в печ.).*

Фото 1. Синодик рукописный Муромского Благовещенского монастыря. 1695 г. Муромский музей. Инв. № М-2230/16.

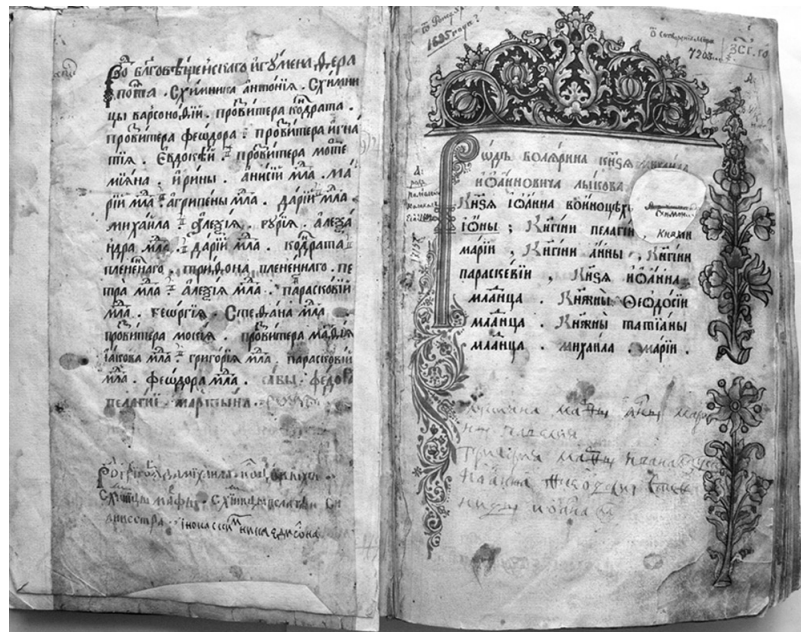

Фото 2. Синодик рукописный Муромского Благовещенского монастыря. 1695 г. Муромский музей. Инв. № М-2230/16. Лист с датой и записями рода князей Лыковых.

Фото 3. Синодик рукописный Муромского Благовещенского монастыря. 1713 г. Муромский музей. Инв. № М-2233/19. Титульный лист с датой и начало краткого предисловия.

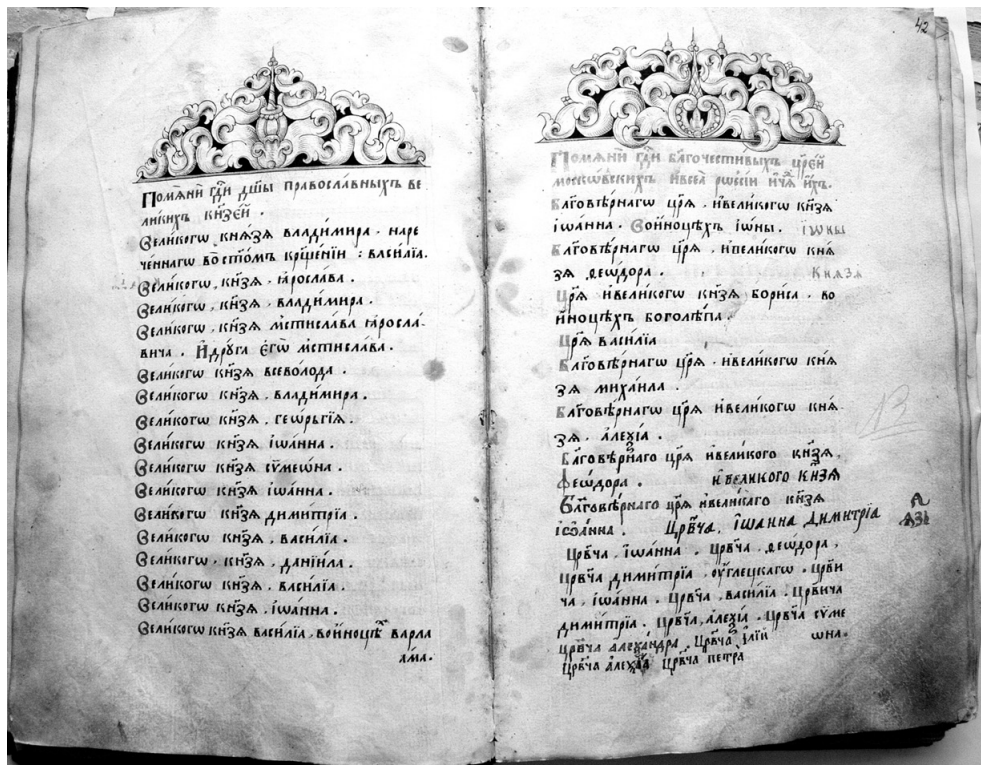

Фото 4. Синодик рукописный Муромского Благовещенского монастыря. 1713 г. Муромский музей. Инв. № М-2232/18. Лист с поминанием князей и царей.

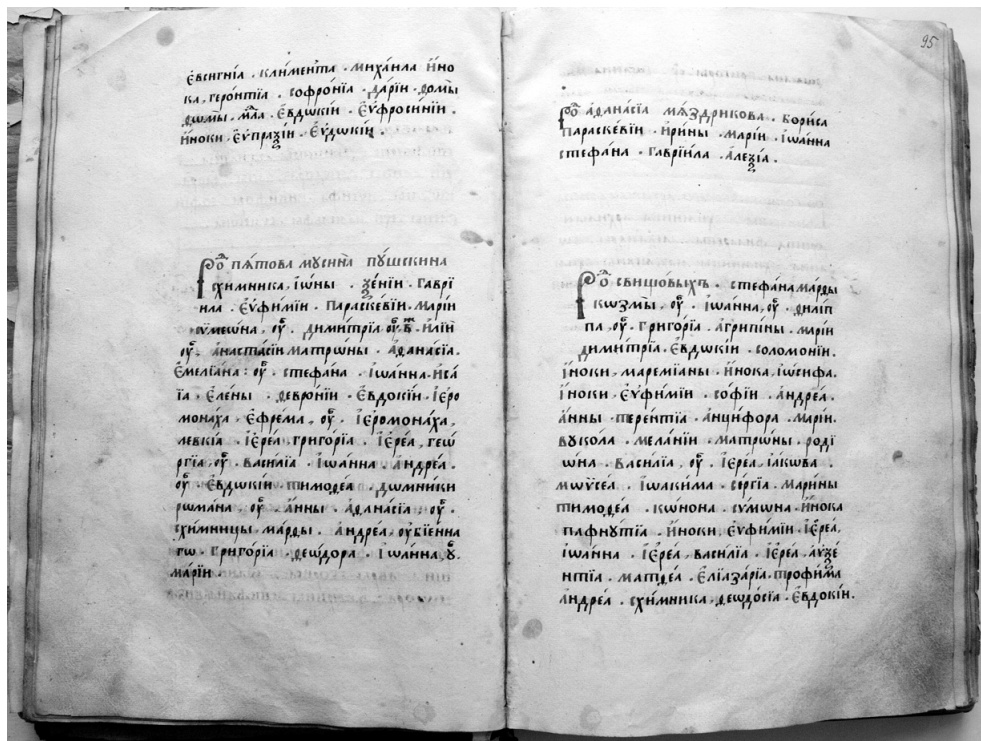

Фото 5. Синодик рукописный Муромского Благовещенского монастыря. 1713 г. Муромский музей. Инв. № М-2232/18. Лист с поминанием рода Мусиных-Пушкиных.

К.Б. Уль (Лейпциг, Германия), В.И. Меньковский (Минск, Белоруссия)*

Основные тенденции изучения советской истории в англоязычной историографии второй половины XX в.

Что такое сталинизм? Этот вопрос ставился бесчисленным количеством историков, политологов, социологов и культурологов на протяжении десятилетий, и остается объектом их внимания поныне. Современная наука демонстрирует наличие множества возможных ответов, подходов и методов изучения. Многие ученые стремились дать «окончательный ответ» на этот вопрос, но почти каждое исследование добавляет новые аспекты в идущую дискуссию и ставит под сомнение предыдущие результаты. Конечно, такая тенденция характерна для любой научной сферы. В академическом мире каждое поколение стремится найти общие для себя подходы, но новые поколения всегда бросают вызов устоявшемуся комплексу идей. Академический мир представляет собой «поле битвы» поколений, арену непрекращающихся дискуссий «отцов (матерей) и сыновей (дочерей)». Единственной постоянной величиной академических исследований остаются непрекращающаяся смена и трансформация методов, теорий, вопросов и ответов на них. Постоянный вызов «принятому и признанному» обеспечивает возможность инноваций и изменений.

Анализ феномена сталинизма, который находился в центре внимания нашей книги, является примером, характерным не только для исторической дисциплины, но и для комплекса социальных и гуманитарных наук в целом. Как писал историк С. Дмитриев, такая сложнейшая категория, как «социальные изменения», вполне возможно, является для обществоведения таким же вечным объектом познания, как для естествознания «природа». Познавать эту категорию людям, обществу доступно, возможно, но посильно ли достигнуть полного ее познания? До сих пор опыт всемирной истории показал только, что людям все время кажется, что они познали эту сложную категорию [1]. Сфера исследования истории сталинизма сегодня сопоставима с изучением кардинальных социальных и гуманитарных проблем, без понимания которых нельзя дать ответ на внешне достаточно простые вопросы советской истории. Именно готовность и умение академического сообщества ставить все более сложные вопросы и искать на них адекватные сегодняшнему уровню науки ответы составляет основу процесса познания прошлого. Многие вопросы, на которые выходили и выходят историки сталинизма, относятся к категории «вечных вопросов». Ответом на них может быть только постоянно углубляющийся, «вечный» процесс познания.

Однозначный и бесспорный ответ на вопрос о сущности и природе сталинизма невозможен. Вместе с тем анализ этого вопроса дал достаточно глубокое понимание проблемы и способствовал детальной характеристике социальной, политической, экономической, культурной, лингвистической и многих других составляющих сталинизма. Мы стремились показать и классифицировать различные подходы к изучению сталинского периода, предлагаемые англоязычными исследователями после Второй мировой войны. Каждая работа и историографическая школа, анализируемая нами, относится к научной историографии. Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходили, были научно обоснованными, хотя могли не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы были «правильными», а другие «ошибочными». Разница во взглядах и оценках связана, прежде всего, с меняющейся теоретической базой исторической науки и, соответственно, новыми возможностями постановки и ответов на вопросы.

Разница в оценках была связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так и с личностью исследователя, спецификой его теоретической и методологической подготовки. Наша книга показывает, как в определенных условиях возникали и развивались историографические школы, как они сменялись при выработке новых теоретических подходов. Мы стремились также отметить значимость субъективного фактора, подчеркнуть, что при самом тщательном научном подходе выводы исследователей зависят от их академической и политической позиции. Какой бы «объективной» ни стремилась быть историография, она всегда «субъективна».

Анализируемая нами историография была результатом как меняющейся политической культуры взаимоотношений Востока и Запада, так и внутреннего развития социальных и гуманитарных наук во второй половине XX в. Долговременная динамика изменений в англоязычной историографии была связана с тремя важнейшими факторами: меняющейся внутренней ситуацией в англо-американском мире, прежде всего в США, и соответствующими изменениями отношения американского общества к СССР; преобразованиями в Советском Союзе и их восприятием на Западе; уровнем развития общественных и гуманитарных наук. Выделять какой-либо один фактор в качестве основного представляется нам непродуктивным. Именно комплексное взаимодействие названных причин

---

* Уль Катарина Барбара (Лейпциг, Германия) – доктор философии, Университет Оксфорда; Меньковский Вячеслав Иванович (Минск, Белоруссия) – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета.

определяло тенденции развития историографии сталинизма как феномена научной и политической жизни Запада второй половины XX в.

Характеризуя политическую культуру Соединенных Штатов в первые десятилетия после окончания Второй мировой войны, мы должны отметить господство тоталитарной парадигмы. Официальный дискурс американских властей оставался враждебным по отношению к советским оппонентам. Соответственно в историографии доминировала идея «угнетаемой властями советской личности», а ключевым вопросом в изучении истории сталинской системы был механизм террора и страха. Первой научной моделью, нашедшей широкое применение в советологических исследованиях, стала тоталитарная парадигма, занимавшая господствующие позиции до середины 1960-х гг. «Классическая» тоталитарная модель рассматривала сталинский Советский Союз как уникальное мировое явление, сравнимое лишь с нацистской Германией и фашистской Италией.

Господство тоталитарного подхода в первые послевоенные десятилетия во многом было связано и с ограниченной источниковой базой, доступной западным исследователям. Ученые имели возможность работать только материалами центральной советской печати, официальными документами центральных государственных и партийных органов, данными Гарвардского проекта. Во многом именно из-за ограниченности источников, исследования ограничивались сферой политической истории, фокусировались на роли политических лидеров и функционировании политической системы, особенно механизма террора. Такой подход в основном соответствовал господствующей в то время тенденции социальной и политологической науки.

В идеологической сфере тоталитаристы придавали особое значение государственному контролю над образованием, средствами массовой информации и пропаганды. Учитывая низкий образовательный уровень населения и отсутствие альтернативных источников информации, идеологическая обработка была эффективна в 1930-е гг. Люди боялись открыто выражать несогласие с официальной позицией, хотя зачастую делали это в кругу близких. Большинство граждан жило в двух мирах – официальном, советском и частном, реальном – и использовало соответствующий язык в каждой конкретной ситуации. Режим в конечном итоге проиграл из-за отсутствия диалога с населением. Социальные историки считали, что идеологическая обработка населения может интерпретироваться как часть необходимого процесса обучения и повышения уровня культуры общества, подготовки новой элиты и модернизации отсталой страны.

Тоталитаристы отмечали общее в ленинизме и сталинизме, прежде всего, признание роли сильного государства, монолитной коммунистической партии и необходимости трансформации общества в соответствии с идеологическими и политическими планами руководства. Как ленинизм, так и сталинизм оценивались негативно. Социальные историки также отмечали взаимосвязь, но не давали однозначно негативной оценки ленинизму и сталинизму, положительно относясь ко многим их составляющим.

В середине 1960-х гг. академическое сообщество высказало неудовлетворенность статичностью и политизированностью тоталитарной модели. Начался процесс ее «ревизии», заметное место в котором занимали историки. К этому времени относится возрастание значения социальной истории, которая давала представление о движении общества вместе со свойственными ему институтами: организацией производства, жизнедеятельности, власти, управления и т.д. Властные структуры рассматривались как результат социальных сдвигов и потрясений. В центре внимания находился человек не сам по себе, а как «элементарная клеточка живого и развивающегося общественного организма».

Англоязычные «российские и советские исследования» обогатились методологией западных социальных и гуманитарных наук, вышли из первоначальной изоляции в академическом мире и начали применять при изучении СССР методику, характерную для изучения других регионов мира. На позицию ученых оказало серьезное влияние и изменение мирового политического климата, начало процесса разрядки в отношениях США и СССР. Значимым фактором для некоторых западных исследователей оказалась и открывшаяся возможность работы в советских архивах и научных учреждениях. В результате всех этих изменений в научном мире усилились позиции «новой когорты» социальных историков, которые поставили в центр внимания исследователей сталинского периода историю общества, а не властных структур. Особое внимание они уделяли социальной мобильности как решающему фактору функционирования сталинской системы, в том числе в работах, исследующих региональные аспекты советской истории.

Суммируя выводы сторонников тоталитарного подхода и социальных историков, мы можем отметить основные различия в оценке сталинизма обеими школами. Во взаимоотношениях общества и государства тоталитаристы подчеркивали силу государства и преднамеренную терроризацию общества. Государство сокрушило все социальные группы, стоявшие на его пути. Его цель заключалась в атомизации общества. Тем не менее некоторые сферы автономии сохранились. К ним относились семья, религиозная вера, национально-этническое самосознание. Социальные историки идентифицировали социальную базу сталинского государства, т.е. те социальные группы, которые поддерживали режим и получили привилегированное положение. Прежде всего, это партийно-государственная бюрократия, военнослужащие и работники силовых структур, работники так назы-

ваемых «общественных организаций». Государство не смогло установить эффективный контроль над бюрократией, хотя привилегированный слой был достаточно узким. Вместе с тем принадлежность к нему не гарантировала личной безопасности.

Поступательное движение англоязычной историографии в конце 1960-х – начале 1980-х гг. сдерживалось сохраняющимися ограничениями доступа к источниковой базе. Региональные архивы оставались практически недоступными для западных исследователей. Только в годы перестройки мечта ученых о неограниченном доступе к архивным материалам стала реальностью. Стало возможным использовать материалы регионального и местного уровня, документы устной и визуальной истории и благодаря этому находить ответы на вопросы, которые в течение десятилетий волновали специалистов.

Открытием для западного научного мира стали материалы российского краеведения. Как отмечала С. Смит-Петер, описывая отношения современной западной историографии и постсоветского краеведения, «мы на Западе имели теоретическую базу без местных материалов, а российские исследователи имели данные с мест, без их теоретического обоснования... Материалы с мест являются настоящим окном в Россию, они позволяют понять как жило большинство россиян, а не только столичные жители» [2].

Доступ к местным материалам стал крайне важным фактором развития англоязычной историографии после 1991 г. Хотя объем архивных документов представлялся неисчерпаемым, историки постсоветского периода, также как и их предшественники, стремились не ограничивать себя официальными документами и в качестве альтернативы прибегли к поиску собственных источников, интервьюируя современников исследуемого периода. Методология устной истории, которую использовали англоязычные историки сталинизма, в основном была разработана в 1980-е гг. немецким историком, профессором Геттингенского университета А. Людтке. Но, как мы уже неоднократно указывали в книге, академический мир стал глобальным, и продуктивная идея, даже рожденная в провинциальном немецком городке, быстро распространилась по миру.

Некоторым исследователям удалось подготовить книги, полностью основанные на интервьюировании современников описываемых событий. В контексте истории сталинизма необходимо, прежде всего, вспомнить работу О. Фиджеса о повседневной жизни в годы террора: «Шепчущие: Личная жизнь в сталинской России». Книга стала результатом совместного проекта британских и российских историков, работавших с личными документами и свидетельствами людей, переживших период сталинского террора.

Предубежденность в отношении официальных советских документов стала характерной тенденцией англоязычной историографии постсоветского периода. Ирония ситуации заключалась в том, что когда архивы наконец-то стали доступны для западных исследователей, многие из них перестали нуждаться в архивных материалах. В результате влияния «лингвистического поворота» гуманитарных наук многие исследователи советского периода переключили внимание с социальной истории на культурологические аспекты, и изучали скорее дискурсы, чем социальную реальность. Для последователей постмодернистского направления открытие архивов не имело принципиального значения, поскольку они использовали широкий спектр личных документов, таких, как дневники, письма, автобиографии. И, оценивая ситуацию, мы вновь можем говорить об «иронии истории». Ученые, которые стремились пересмотреть теоретическую основу предшественников, приходят к выводам, характерным именно для ранних этапов англоязычной историографии сталинизма. Как показано в главе «Постмодернистский анализ советской субъективности», подходы, которых придерживались историки-постмодернисты, при разработке концепции советской личности сталинского периода, в значительной степени напоминали взгляды исследователей, работавших в рамках тоталитарной парадигмы.

Хотя постмодернистские подходы представляются наиболее инновационными в западной историографии сталинизма, они являются далеко не единственными применяемыми методами. В современной англоязычной историографии каждый исследователь занимает собственную позицию, базирующуюся на различных методах социальной и культурной истории. Кроме «громких» постмодернистских работ Й. Хелльбека и И. Халфина был представлен ряд исследований социальных составляющих сталинизма. Так, М. Эделе писал об истории Советского Союза как о «динамичной социальной истории». М. Рольф анализировал праздники в российской провинции 1930-х гг. В книге В. Голдман «Террор и демократия в сталинское время. Социальная динамика репрессий» показаны социальные практики членов различных страт советского общества в годы террора. Дж. Эллей аргументировал необходимость использования комбинированного подхода, сочетающего методы социальной и культурной истории, а К. Гества добавлял еще и интеграцию с методами политической истории. Ш. Фитцпатрик в недавних работах «Повседневный сталинизм» и «Сорвать маски!» проливает свет как на социальные, так и на дискурсивные аспекты сталинизма.

Но если книги Ш. Фитцпатрика широко известны в академическом мире, то работы немецких историков К. Гества и М. Рольфа, опубликованные только на немецком языке, остались практически незамеченными за пределами германоязычного мира. По нашему мнению, чрезвычайно жаль, что только их некоторые работы о строительстве и праздниках сталинского периода изданы на английском языке. Безусловно, труды названных ав-

торов значительно обогащают как социальные и гуманитарные науки в целом, так и историографию сталинизма в частности. Оба исследователя должны были подготовить статьи, которые отражали методологию и отдельные составляющие их книг на английском языке. Эти примеры подтверждают, что, несмотря на глобализацию современного академического мира и растущее сотрудничество специалистов в области российской и восточнославянской истории, языковой барьер все-таки остается серьезной преградой. Большинство международных проектов по российской истории реализуется на английском или русском языках, и исследователи из других стран, если хотят быть услышанными, вынуждены готовить статьи и книги на чужом для них языке.

В мировой исторической науке существуют не только англо- и русскоязычные историографии сталинизма. Авторы представляемой монографии понимают, что рассматриваемая ими англоязычная историография представляет только незначительную часть имеющихся в мире исследований проблемы. Но даже если кто-то попытался бы дать «полную картину» историографии сталинизма (а мы считаем, что никто не может претендовать на анализ «полной историографии»), вопрос все равно оставался бы – на каком языке публиковать результаты. Мы сделали выбор в пользу анализа англоязычной литературы, поскольку именно на этом языке были опубликованы классические работы по истории сталинизма, ставшие базовыми для исследователей всех стран. Для нас также был важен тот факт, что английский язык после Второй мировой войны доминировал (и продолжает доминировать) во всем комплексе западных социальных и гуманитарных наук. Таким образом, через осмысление историографии сталинизма, можно было представить обзор основных тенденций развития гуманитарной научной мысли Запада.

Публикация результатов исследования на русском языке делает этот анализ доступным для большинства заинтересованных читателей тех государств, для которых история сталинизма является частью национальной истории. Авторы надеются, что они хотя бы в какой-то степени способствовали разрушению языкового барьера, остающегося все еще одним из основных препятствий для успешного международного академического сотрудничества. Во всяком случае, мы приобрели важнейший опыт совместной работы и нахождения общего языка и предложили академическому сообществу и всем читателям, интересующимся советской историей и историей исторической мысли, результат нашего совместного труда.

Источники и литература

1. Из дневников С. С. Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 142–153.
2. *Smith-Peter Susan*. How to Write a Region. Local and Regional Historiography // *Kritika* 5(2004). No. 3. P. 527–542, цит.: p. 541 и p. 541–2.

И.Г. Бурцев (Тула)*

Тула и «татарские места» великокняжеских договоров XIV–XVI вв.: На пути под руку Москвы

Междуречье Оки и Дона, входящее ныне в состав Тульской области, на протяжении различных периодов истории России было ареной напряженной борьбы. Так, например, в IX–X вв. здесь соперничали Киев и Итиль, в XII–XIII вв. эта территория стала ареной борьбы Чернигова, Рязани и Владимира, а в XIV–XVI вв. Тула стала разменной монетой внешней политики Москвы, Литвы и Рязани. В чем же секрет подобной «популярности»? Может быть, в том, что здесь располагались стратегически важные дороги из степи в лес и важные торговые пути по Дону и Оке [1]? Очевидно, что в стратегическом значении Тулы и округа и следует искать разгадку напряженной борьбы трех государств в XIV–XVI вв. В конце концов, верх одержала Москва, однако история вхождения Тулы и тульских мест под ее руку не проста и запутанна.

После завоевания Руси ордынские цари начали выдавать русским князьям ярлыки на княжения. Наряду с этим запустевшие или спорные русские земли, примыкавшие к степи, непосредственно вошли в состав Орды. Спорные рязано-черниговские и рязано-владимирские земли на водоразделе Оки и Дона также оказались под юрисдикцией монголов, и на окраинах русских княжеств образовались некие буферные зоны – территории, неподвластные княжеской администрации и управляемые баскаками или даругами. Самыми северными из таких земель были, вероятно, Коломна, «лопастьские места», а также территории, расположенные в так называемом «Тульском степном коридоре» [2].

В 60–70-е гг. XIV в. Московская Русь испытывала некоторый подъем в политическом отношении. По мнению В.Л. Егорова, после убийства царицы Тайдулы в 1361 г. [3] произошло ослабление власти ордынских чиновников над Тулой и прилегающими землями [4]. Вероятно, в период, когда власть на западе ордынских земель узурпировал Мамай (60–70-е гг. XIV в.), Москва и Рязань провели определенную территориальную экспансию на земли Орды, что стало, по всей видимости, одной из причин усилившегося противостояния Мамаевой Орды и Руси в 70-е гг. [5]. Тогда-то, вероятно, и попали под власть русских князей «татарские места» и Тула, упомянутые в dokonчании Дмитрия Московского и Владимира Серпуховского с Олегом Рязанским от 2 августа 1381 г.: «А что место князя великого Дмитрия Ивановича на Рязанской стороне, Тула, как было при царице при Таидуле, и коли ее баскаки ведали, в то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрию... А что Татарская места отоимал князь великий Дмитриий Иванович за себя от татар до сего нашего dokonчания, та места князю великому Дмитрию. А что князь великий Олег отоимал Татарская от татар дотоле же, а то князю великому Олгу та места» [6]. А.В. Шеков, анализируя формуляр договорной грамоты и многочисленные ошибки переписчика, отмеченные В.А. Кучкиным [7], предположил, что в данном фрагменте текста содержится ошибка переписчика и его следует читать: «то князю великому Дмитрию» [8]. Подобное прочтение текста независимо предложил и А.А. Горский: «и [то] князю великому Дмитрию» [9]. Однако можно не усложнять ситуацию, если вспомнить, что слово «и» имеет множество значений – «а, однако; даже; именно; с тех пор как»; для выражения «и то»; вместо предлога «в»; в качестве местоимения «он», «она», «оно» и др. [10]. Если принять в данном контексте «и» как местоимение «он/она/оно», то однозначно Тула принадлежит Москве. В то время Тула располагалась в 17–20 км к северо-востоку от современного города [11].

Если с определением местоположения Тулы все обстоит благополучно, то с локализацией «татарских мест» имеются трудности. В.А. Кучкин, А.А. Горский считают, что «татарские места» этого договора располагались на восточной окраине Рязанского княжества, вблизи Мещеры, и связаны с «мордовскими местами», также отнятыми у Орды и упоминаемыми впервые в 1402 г. [12]. Однако аргументация их не очевидна. Во-первых, объединять территориально «татарские места» (начало упоминания – 1381 г.) с «мордовскими местами» (начало упоминания – 1402 г.) не совсем корректно. Можно лишь констатировать, что захват «татарских мест» произошел до 1381 г., а захват «мордовских мест» – после 1381 г. Упоминание этих «мест» рядом может говорить об их сходном

---

* **Бурцев Игорь Геннадьевич** (Тула) – научный сотрудник Государственного военно-исторического и природного музея-заповедника «Куликово поле», bur@kulpole.tula.net.

статусе, о способе приобретения земель, а не обязательно о территориальном соседстве (в докончании 1402 г. они упоминаются как «Татарские места и Мордовские места» [13], то есть они разделяются между собой, слово «мордовские» не может являться пояснением слова «татарские» (по А.А. Горскому – «места татарские (те, что мордовские)» [14]), поскольку тогда должны существовать и какие-либо иные, так сказать, «немордовские» татарские места. Их нет. Возможно, что «отоимал» «мордовские места» великий князь суздальско-нижегородский Дмитрий Константинович, и они достались его внуку, великому князю московскому Василию Дмитриевичу, вместе с Нижним Новгородом [15].

Во-вторых, и сам А.А. Горский признает: «Территории собственно татарских кочевий начинались только к югу и востоку от мордовских земель. Довольно сомнительно, чтобы анклав московских владений заходили так далеко на юго-восток» [16]. Действительно, в случае захвата татарских территорий юго-восточнее мордовских земель возникают проблемы управления захваченными землями, осуществления с ними торговых и иных связей, защиты и, в конечном счете, удержания их. В ином случае – зачем вообще подобная акция? Если Рязань еще могла предпринять захваты в этом районе, примыкающем с юго-востока к Рязанскому княжеству, то от Москвы эти территории («татарские места») отделены Рязанью, Нижним Новгородом, Муромом, Мещерой и мордовскими землями. Если же признать, что «татарские места» расположены несколько южнее Тулы, то, учитывая, что Тула в 70–80-е гг. также принадлежит Москве, контролировать этот регион гораздо проще, так как он находится в пределах 200–300 км от Москвы и примыкает к землям «метрополии», а не является анклавом. Считать же территорию мордвы «татарской землей» в силу того, что она принадлежит Орде, на наш взгляд, то же, что считать «татарскими местами» территорию Московского княжества. Наконец, «тульская версия» объясняет: 1) зачем Дмитрию Ивановичу «татарские места» (снижается угроза Москве с юга, так как граница передвигается от Оки на сотни километров); 2) почему в 1380 г. Дмитрий Иванович не встал на берегу Оки или Вожи, а повел войска на край «дикого поля» и оказался более чем в 300 км к югу от столицы – вдали от баз снабжения, от возможных резервов. На наш взгляд, великий князь Дмитрий шел на Куликово поле именно затем, чтобы в сражении доказать свое право на владение землями между Окой и Доном – т.е. «татарскими местами» и Тулой. А на его пути могли лежать базы, расположенные в окрестностях Тулы и находящиеся под влиянием Москвы – «почен Лопастна, уезд Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты...» [17], некоторые из них уверенно локализируются именно в Тульской области [18]. Сместем предположить, что «татарские земли» должны были располагаться в районе сакм Муравского шляха, разветвлявшегося в пределах нынешней Тульской области в трех направлениях: собственно тульское, через р. Упа и р. Шат мимо Деилова и Тулы на Серпухов или т.н. «Сенкин брод» между Серпуховом и Каширой (т.н. «царев ход»); восточное каширское, на северо-восток мимо Волова озера, Иван-Озера через Веневу («большая дорога, которою дорогою царевичи приходили»); западное соловское, мимо Крапивны (ныне д. Старая Крапивна), города «на Плове и Солове» (?), через р. Упа, мимо с. Супрут на Калугу или Алексин.

Каков же мог быть механизм «отоимания» «татарских мест»? Отчуждение земель можно произвести путем вооруженного захвата, договора или покупки. Вооруженный путь вряд ли был возможен: 1) захват земель Орды и отражение возмездия за это требовали подготовки мощной вооруженной силы; 2) у русских было мало шансов на успех в сражениях с ордынцами в лесостепной зоне; 3) для удержания территории необходимы укрепленные пункты с гарнизонами; 4) сопротивление местных баскаков при поддержке ордынских войск, в конечном счете, свело бы на нет все усилия. Договорный путь также был нереален – договор с ханом исключался (хан мог выдать ярлык на эти земли), договор с местной администрацией был бы ничтожен в силу своей неправомерности (баскак, наместник или даже беглербег не имел права распоряжения владениями чингизидов). Покупка ордынских земель тоже была невозможна – хотя бы просто в силу нелепости, с точки зрения ханской ставки, претензий улусников.

Все выше сказанное верно по отношению к центральной ордынской власти. Но в 60-е гг. XIV в., с началом «великой замятни», в Орде усилились центробежные силы. Наряду с представителями знати, старавшимися поставить в Сарае своих ставленников, наряду с бежавшими на восток и на юг вельможами, были знатные ордынцы, осевшие на северных ордынских землях – т.е. вблизи Русского улуса. Так, например, в 1361 г. «Булат Темир, князь Ординский», захватил Болгар и все Поволжье, чеканил монету и пытался стать самостоятельным правителем [19]. В том же году некий «Секиз Бии (– ИБ) Запиание все пограбил и, обрывся рвом, ту седе» [20]. М.Г. Сафаргалиев предположил, что Секиз-бей летописных источников – это, возможно, наместник Таны в 1349 г. *Sikhi biy* венецианских документов; захват Мамаем Таны в 1361 г., очевидно, вынудил Секиз-бея уйти на север, на р. Пьяну [21]. Вскоре его отсюда изгнал «князь Ординский именем Тогай, иже от Бездежа, той убо Наручады и всю ту страну взял, и тамо о себе пребываше; а инии князи Ординстии о себе пребываху» [20]. И если Тагай жил в мордовских землях не менее 4 лет (в 1365 г. Тагай захватил Переяславль Рязанский, но был разбит коалицией Олега Рязанского, Владимира Пронского и Тита Козельского) [22], то Секиз-бей, очевидно, вынужден был уйти дальше на запад. М.Г. Сафаргалиев предположил, что царевич Серкиз, в 60–70-е гг. XIV в. выехавший из Орды

к великому князю московскому Дмитрию Ивановичу, и мог быть Секиз-беом [21]. Известно, что Андрей Серкиз (Серкизов), сын царевича Серкиза (Черкиза; в крещении, вероятно, Ивана; в «Ономастиконе» С.Б. Веселовского самому Серкизу приписывается имя Андрей, однако «Родословная книга» крестильного имени царевича не дает и называет Андреем его сына), был одним из ближних бояр Дмитрия Московского и пал в Куликовской битве, командуя одним из полков [23]. Можно предположить, что высокого положения этот род достиг в результате определенного деяния на пользу Москвы. Таким деянием могла быть передача ей подконтрольных Серкизу земель – «татарских мест». В конечном счете, не столь важно, кто конкретно осуществил передачу земель. Это мог быть и известный участник Куликовской битвы Семен Мелик. Хотя в «Родословной книге» сказано, что «Семен Мелик да Василей; оба из Немец пришли» [24], его прозвище и известные нам обстоятельства (пусть и немногие) его службы Дмитрию Ивановичу говорят о другом. Мелик/Малик (араб. *مَلِك* – melik/malik) – арабский титул, означающий «король, монарх» [25]. В период войны с Мамаем вряд ли московский князь, ввиду особенностей боевых действий против степняков, назначил бы выходца «из немец» начальником своей разведки. По крайней мере, Мелик возглавляет оперативно-тактическую разведку: во-первых, он во главе т.н. «третьей сторожи» идет в Поле непосредственно впереди русской рати; во-вторых, он командует сторожевым полком – простой разведчик до командования полком не был бы допущен; в-третьих, Дмитрий Донской называет Мелика «крепкий мои страж», летописец называет Мелика «избранным боярином» и «крепким воеводой» [26]. От него произошел род Меликовых, позднее русифицировавшийся в Милюковых, некоторые из потомков которого, видимо, по традиции, носили имена тюркского происхождения: Болта, Мурза, Сабур, Ферзик [27]. Прозвище «Мелик» явно должно указывать на происхождение из царского рода, так же как и возвышение рода Дмитрием Ивановичем – боярский род Меликовых появился в Москве в 60-е гг. XIV в., но после гибели Мелика никто из его потомков не становился боярином [28]. Вполне вероятно, что Семен Мелик был сыном или родственником Урду-Мелика (Ардамелика, Орду-Шейха) – хана, не то месяц, не то год правившего в Сарае и убитого (?) в 1361 г. [29].

Заметим, что именно в те же годы (возможно, в 1371 г. или позже) в Рязани появляется выезджий царевич Салахмирь Мирославич (Салах-эмир ибн Эмир-Арслан). Вполне вероятно, что и он, будучи управителем или узурпатором определенной ордынской территории, передал ее под власть Олега Рязанского, за что получил земли и ближнее боярство, женился на сестре Олега Ивановича Анастасии [30]. Так могли появиться «татарские места» Рязанского княжества.

Подобная ситуация могла сложиться, пожалуй, лишь в период полного хаоса, когда, казалось, Орда забыла про свой русский улус, погрязнув в кровопролитной междоусобице. Когда же Мамай худо-бедно установил порядок, он обратился к Руси. После чего, видимо, и началась многолетняя распря между ним и московским и рязанским князьями. Скорее всего, это началось с 1374 г., под которым летописи помещают начало «розмирья» Дмитрия Ивановича с Мамаем [31].

Итак, в результате всех этих действий сложилась патовая ситуация: с одной стороны, захваченные территории фактически принадлежат Москве и Рязани, с другой – они не имеют юридических прав на них, поскольку это ордынские территории, а ярлык на них князья получить не могли. А вот великие князья литовские, не только могли, но и получали ярлыки на земли Юго-Восточной Руси, в том числе на Тулу и ряд прилегающих местностей.

Историкам давно известны ярлыки крымских ханов великим князьям литовским: ярлык Хаджи-Гирея королю польскому и великому князю литовскому Казимиру IV (выдан, в пересчете даты по хиджре, в 1463 г.), ярлыки Менгли-Гирея королям польским и великим князьям литовским Казимиру IV (выдан, в пересчете даты, в 1473 г.) и Сигизмунду I (выдан в 1507 г.); ярлык Сахиб-Гирея Сигизмунду I (выдан, очевидно, в 1539 г.) [32]. К сожалению, тексты именно этих ярлыков сохранились лишь в книгах «Литовской метрики», зачастую испорчены при переписке. Украинские исследователи, изучавшие ярлыки более подробно, полагают, что по формуляру и иным особенностям они восходят ко времени Тохтамыша. Считается, что первый ярлык подобного рода был выдан великому князю литовскому Витовту в 1397–1398 гг. во время пребывания Тохтамыша в Литве [33], что основано на тексте послания хана Менгли-Гирея литовским панам Рады, записанном в книге VIII Литовской Метрики: «Царь Тохтамыш дал великому князю Витовту Киев и Смольнеск и иньшыя города. И предок наш цар Токтамыш на все то дал ярлыки свои» [34]. Кроме того, подтверждение есть и в ярлыке Менгли-Гирея 1473 г., в котором говорится, что еще Тохтамыш выдавал ярлык(и) великим литовским князьям.

Существует, однако, предположение о том, что первый ярлык получил еще великий князь литовский Ольгерд во времена Мамаея, скорее всего, после битвы при Синих Водах в 1362 г. Ф.М. Шабундо, исследуя различные ярлыки и послания крымских ханов, пришел к выводу, что Крым специально умалчивал о Мамае как инициаторе выдачи ярлыка, поскольку нелегитимное правление беглербега подрывало авторитет наследников Орды [35], каковыми себя считали крымские властители. Гипотеза о выдаче Мамаем (точнее, одним из марионеточных ханов) ярлыка великому князю Ольгерду позволяет по-новому взглянуть на клубок противоречий 60–70-х гг. XIV в. В этом случае продвижение Москвы на запад вызывает резкую ответную реакцию Литвы, вылившуюся в несколько лет военных действий. После перехода Тулы и окрестных земель к Москве вновь обостряются ее

отношения с Литвой, имеющей на эти земли ярлык и в результате в 1380 г. готовой участвовать в совместном с Мамаем военном походе против Москвы.

Выдаваемые на протяжении более 100 лет ярлыки, сначала ордынские, затем крымские, давали право Литве претендовать на ряд русских земель, которые со временем присоединила Москва. Так, например, посольства в Москву польских королей и великих князей литовских Казимира IV, Александра Казимировича Ягеллончика, Сигизмунда I Казимировича в 1489 г., 1494 г., 1517 г., 1563–1564 гг. предьявляли от имени своих государей права на Великие Луки, Ржеву, Новгород, Псков, Вязьму, Дорогобуж, Мценск, Серпейск, Киев, Северские земли и т.п., называя их литовскими вотчинами [36], что вызывало неприятие со стороны Москвы и вызывает недоумение исследователей до сих пор.

В такой обстановке о судьбе Тулы и окрестных земель в течение двух десятилетий после московско-рязанского докончания 1381 г. утверждать практически ничего нельзя. Тула отсутствует в духовной грамоте великого князя московского Дмитрия Ивановича 1389 г. [37], отсутствует и в «Списке русских городов дальних и ближних» (последняя четверть XIV – начало XV в.) [38] – она не упомянута ни среди залесских городов, ни среди рязанских, ни среди литовских. Объяснить это можно двояко:

- города на «месте Тула» не существует, это номинальная территория;
- «место Тула» принадлежит четвертому государству, то есть Орде.

Первая версия противоречит археологическим материалам XIV–XV вв., обнаруженным на городище у д. Торхово и окрестных поселениях [39]. В докончаниях же Москвы и Рязани, Рязани и Литвы 1-й четверти XV в. Туле посвящена отдельная позиция, уже без упоминания «места». Видимо, к началу XV в. Москва потеряла Тулу, которая, похоже, перешла под влияние Рязани. Это могло произойти в 1382 г., после похода Тохтамыша на Москву. Ряд исследователей полагает, что перемена «владения» произошла в 1385 г., после ожесточенной борьбы за Коломну и замирения Москвы и Рязани. Но, возможно, что это случилось и после смерти Дмитрия Ивановича Донского [40]. В докончании великого князя московского Василия Дмитриевича с великим князем рязанским Федором Ольговичем от 25 ноября 1402 г. есть пункт: «А в Тулци и в Берести не вступатися мне, князю великому Василью Дмитреевичю, и моеи братье, князю Володимеру Андреевичю, князю Юрю Дмитреевичю, и меншеи нашей братье не вступатися», предшествующий обязательству Москвы «в землю в Рязанскую и во князи в рязанские не вступатися» [41], что дает возможность предполагать о принадлежности в это время Тулы великому рязанскому князю. Однако прямого указания на то, что Тула принадлежит Рязани, в докончании нет. Это может быть связано с ее «ордынским» статусом и претензиями Литвы – Москва и Рязань знают, что Тула находится во владении великого рязанского князя, но обозначить этот момент не могут в связи с нелегитимностью данной власти.

Что же касается «татарских мест», то пункт договора 1402 г. звучит следующим образом: «А что будет отец наш, князь велики Дмитриеи Иванович, оттаимал Татарская места и Мордовска места, а ци переменит бог татар, и та места мне, князю великому Василью Дмитреевичю. А что будет отнял отец твой, князь велики Олег Иванович, Татарския места и Мордовския, а та тебе и есть» [42]. Здесь можно согласиться с А.А. Горским, который считает, что Москва потеряла «татарские места» (и «мордовские»), а Рязань по-прежнему может управлять захваченными ею землями [43]. Вполне вероятно, что оставление «татарских мест» за Рязанью было платой Олегу Ивановичу за помощь Тохтамышу в осуществлении набега на Москву в 1382 г., а Москва таковых лишилась. Возможно, что это связано с татарскими царевичами – к 1382 г. Серкиза и Мелика нет в живых, их земли «выморочные», а Солохмир жив и номинально остается владельцем «татарских мест». На протяжении почти всего XV в. эта ситуация сохранялась. Лишь в докончании великого князя московского Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем от 9 июня 1483 г. вновь, видимо, в связи с падением власти Орды «татарские» и «мордовские» места упоминаются как принадлежащие Москве: «А что прадед наш, князь велики Дмитриеи Иванович, поотоимал места Татарские и Мордовские, и та места нам, великим князем... А что будет отнял прадед твой, князь велики Олег Иванович, Татарские места и Мордовские, ино то твое и есть» [44].

Итак, по всей видимости, в 1-й четверти XV в. Тула находится под властью Рязани. В 1427 г. [45] произошло изменение – Тула и соседние с ней территории переходят к Литве по докончанию великого князя рязанского Ивана Федоровича с великим князем литовским Витовтом: «А великому князю Витовту в вотчину мою не вступатися, Ивана Федоровича, ... вынемши Тулоу, Берестей, Ретань с Паши (*следует читать: Ретань, Спаш(и) – ИБ*), Дорожен, Заколотен Гордеевской (*возможно чтение: Заколотен, Гордеевской – ИБ*)» [46]. Из всех топонимов сегодня, помимо Тулы, в Тульской области локализуются: Ретань (на р. Ретинке в Щекинском районе), Спаш (с. Павшино Дубенского района?), Дорожень (на р. Дорогонке в Одоевском районе?) [47]. Попытки локализовать Берестей пока неудовлетворительны. Можно лишь сказать, что это место постоянно сопутствует Туле в договорах и должно, видимо, находиться вблизи нее. Заколотен Гордеевской исследователи однозначно помещают в район р. Колодни (правый приток р. Упы). А.В. Лаврентьев считает, что названные в литовско-рязанском до-

говоре 1427 г. «с Паши», «Заколотен Гордеевской» – это владения князей Волконских Павшино, Колодня и Гордеев, так как два последних были названы вместе с Волконой в завещании Ивана III 1503 г. [48].

Характерно, что три из шести территорий упоминаются в ярлыках крымских ханов – Tula (Тула город), Biresta (Берестей), Ratznisko (Патно, Ратун) [49]. Эти же названия – «Tula Castrum, Rereste, Rethun» – и «Dorczen» упомянуты в таком загадочном документе, как перечень «Infra scripta castra et terrae sunt serenissimi ducis Switirgall Magni ducis Lithuaniae, Russiae etc.» [50] («ниже написаны крепости и земли, которые находятся (в зависимости) у яснейшего князя Свидригайлы, Великого князя Литовского, Русского и проч.»). Историки относят его то к 1402 г., когда князь Болеслав (Свидригайло) был наследником Литовским и магнатом Подолии, то к 1432 г., когда он уже был великим князем. В этом перечне большое количество совпадений населенных пунктов, подвластных Литве, с указанными в ярлыках крымских ханов. Вполне вероятно, что перед нами если и не ранний вариант ярлыка, то документ, в большой степени использовавший этот ярлык.

К 1434 г. Тула, вероятно, вновь попадает в сферу влияния Рязани – об этом сообщает dokonчание великого князя московского Юрия Дмитриевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем [51]. В 1447 г. Тула еще подчинена Рязани, о чем говорит dokonчание великого князя московского Василия Васильевича с великим князем рязанским Иваном Федоровичем от 20 июля [52]. Как и в 1402 г., в обоих этих документах московские князья обязуются «не вступатися» в пределы Тулы.

Под власть Москвы Тула и округа, по мнению ряда исследователей, перешли в 50-е – нач. 60-х гг. XV в. Обычно это связывают с упоминанием в dokonчании великого князя московского Ивана Васильевича с великим князем рязанским Иваном Васильевичем от 9 июня 1483 г.: «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рекою за Окою, Тешилов, и Венев, и Растовець, и иная места...» [53]. В dokonчании описана восточная граница этой купли. Из текста видно, что под московской рукой оказываются рязанские земли по правому берегу Оки – находившийся напротив Серпухова Тешилов, находившийся, очевидно, недалеко от Каширы Растовец и самый южный из указанных пунктов Венев в верховьях Осетра, примыкавший к Туле с северо-востока. Духовная Ивана III дополняет эти земли Мстиславлем [54], который находился между Тешиловом и Тулой и по dokonчанию Москвы и Рязани 1381 г. попал под власть Рязани. От Венева граница земель шла по левому берегу Дона от его верховьев до рек Сухая и Мокрая Таболы. Возможно, что в куплю вошли земли и по правому берегу Дона, исключая «Романцево с уездом» (городище у д. Колодези Богородицкого района). Однако о том, какие земли вошли в состав Московского великого княжества западнее Дона, мы не имеем представления, поскольку в dokonчании указана лишь восточная граница Москвы и Рязани. Возможно, что в состав этой купли вошли «татарские места», находившиеся под управлением Рязани – может быть, именно поэтому они фигурируют здесь как «иная места».

Казалось бы, в конце XV–XVI в. Московская Русь стала самостоятельной и весьма влиятельной державой, может объявить эти земли своими. Однако, находясь в окружении осколков Орды, Москва, будучи и сама бывшим улусом Орды и принимавшая долгое время ордынские установления, вынуждена идти в фарватере прежних ордынских отношений. Так, Русь платила выход касимовским царевичам, Казани, Астрахани, Крыму, что фиксируется в dokonчании великого князя рязанского Ивана Васильевича с его братом князем рязанским Федором Васильевичем от 19 августа 1496 г., в духовной великого князя московского Ивана Васильевича от 1504 г., в dokonчании великого князя московского Василия Ивановича с его братом князем Юрием Ивановичем от 16 июня 1504 г. [55]. Последнее упоминание о выходе в Касимов относится к 12 марта 1553 г. [56]. Мало того, некоторые институты и обычаи Джучиева улуса Москва целенаправленно заимствовала для своего обихода. На наш взгляд, именно заимствование ряда военных, политических, административных и иных институтов Ордынского государства помогло Московскому княжеству объединить русские земли и стать Московской Русью, Великой Русью.

Признав ордынского хана «царем», русские князья тем самым легитимировали ордынскую власть над русскими землями. Со временем развитие земель северо-восточной Руси пошло разными путями. Юго-восточные княжества, расположенные на границе леса и степи, соседствовали с ордынскими территориями и все больше ввязывались в ордынские дела, все более тесно сближались с ордынской культурой и ордынской знатью. Северо-запад же, находясь как бы в тылу, был больше подвержен западному, литовскому и немецкому, влиянию. Московские, рязанские и нижегородские князья чаще всех испытывали вторжения ордынских отрядов в свои пределы, чаще других были свидетелями внутригосударственной ордынской жизни. Неудивительно, что именно здесь развернулась основная борьба за главенство среди русских княжеств. «Русские полностью овладели политическими концепциями и идеологией монголов, – пишет Ч. Гальперин. – Они запросто пользовались такими монгольскими терминами, как орда и улус (люди–государство)». Они понимали и принимали принцип, лежавший в основе существования Орды, – «легитимность рода Чингисхана, базирующуюся на происхождении». Русские книжники нередко использовали этот принцип для обоснования отношения русских к Орде. И, очевидно, свою династическую концепцию Москва разработала по образцу чингизидской [57].

Успешное (в определенный период) применение административных и социально-политических институтов, успешный политический механизм Орды и монголов в целом могли вызвать (и, наверняка, вызвали) желание перенять наиболее удачные государственные институты. Московская Русь заимствовала у Орды вооружение, снаряжение, тактику боя и стратегию военных кампаний, структуру воинских формирований, включая пятиполковое деление войска, предпосылки удельно-вотчинной системы, некоторые черты административного аппарата, ямскую почтовую систему, налогообложение, дипломатический этикет (отражал монгольскую традицию до XVI в.), такие явления, как «челобитье», «порука», местничество, верховная собственность на землю у правителя и т.п. [58]. При этом отмечают исследователи, адаптация Московской Русью ордынских институтов «показывает прагматизм московских правителей, которые оказались способны перенимать и модифицировать институты и обычаи в соответствии с необходимостью и таким образом восторжествовать над своими соперниками в Северо-Восточной Руси» [59]; «русские выказали достойную похвалы проницательность в копировании тех институтов в области военного дела и управления, которые позволили монголам создать и контролировать империю... Русские не заимствовали институтов, которые не подходили им»; «татарские символы верховной власти, следы Орды в памятниках бытовой культуры, Чингисиды в составе русской знати, обилие тюркизмов в русском языке, – во всем этом отчетливо проглядывает “стиль Степи”» [60].

Изначальный импульс адаптации ордынских институтов был пролонгирован переходом на московскую службу многочисленных чингизидов и иных татарских контингентов уже начиная с середины XIV в., а с середины XVI в. и включением большого количества мусульманского населения завоеванных ордынских земель в состав государства. По мнению Ч. Гальперина, лишь в XVII в. ослабли связи России со степью и «потребность в степи» снизилась, и только при Петре I Россия избавилась «от своих монгольских институтов» [61] (добавим, что Смута сыграла значительную роль в ослаблении зависимости от Степи – легитимная «по рождению» ветвь пресеклась, ставшие возможными выборы царя явили новую почти легитимную ветвь, изменился статус государства и государя – теперь государство принадлежало не государю из Калитичей, а «земле», управлялось выборным царем из Романовых). Пожалуй, следует согласиться с исследователями, считающими Московское государство участником «спора за право стать политическим преемником золотоордынского могущества», «победоносным участником борьбы за геополитическое наследие Золотой Орды» [62]. Да и иные силы, участвовавшие в политических играх на пространствах бывшей Орды, воспринимали Московию как правомерного наследника Орды. Ногайская знать, например, пыталась легитимировать власть московского царя, причислив его к потомкам Чингиса; султан Баязет обращался к великому князю московскому Ивану Васильевичу: «А ты Божиим велением Русской и Восточной и Дешской стороны колка городов государь еси, великий князь Иван» [63]. В этих словах под названием «Дешских» И.В. Зайцев справедливо усматривает «часть владений Золотой Орды», или Дешт-икипчака [64]. Мы можем предположить, что это Тула, «татарские места» и «мордовские места».

В середине XVI в. Москва вступила в отношения сюзеренитета над приволжскими и сибирскими бывшими владениями Орды. Но более-менее благоприятное в вопросах генеалогии положение существовало лишь в отношениях с восточными «юртами»: Казань и Астрахань, где были свои цари, завоеваны Москвой, а ногаи и Сибирь имели во главе лишь улугбеков. Один Крым не признавал притязаний Москвы на бывшие ордынские владения. Даже чингизидское по матери происхождение Ивана IV [65] не спасало положения. Как бы то ни было, Москва должна была соблюдать принятый на постордынском пространстве порядок.

Хотя Тула и окрестности вошли в состав Московского государства, «шлейф» «татарских земель» и претензии на них со стороны Крыма и Литвы сохранялись (об этом говорят ярлыки 1507 и 1539 гг.). Эта двойственность, связанная с фактическим обладанием и невозможностью легитимного юридического владения землями Орды в Окско-Донском водоразделе (Тула и «татарские места» Окско-Донского междуречья не ограничивают круг земель, которые хотели бы легитимировать московские государи в последующем. Территории, связанные с Тулой, мы рассматриваем как наиболее яркий пример «незаконного» обладания московскими князьями. С другой стороны, легитимировав каким-либо образом права на Тулу и окрестности, они могли бы создать прецедент для легитимации и более южных земель), продолжалась на протяжении всего XVI в. Тула и иные окрестные земли отсутствуют в духовной Ивана III. В статье 30 «Указ о езде» Судебника 1497 г., в статье 46 Судебника 1550 г. [66] среди перечисленных городов Русского государства, за проезд до которых платили из казны прогонные недельщикам (судебным приставам), нет Тулы – видимо, все по той же причине отсутствия юридических прав на нее. Ведь в 1509 г. Москва, видимо, в ответ на крымскую опасность и в качестве противовеса Литве на вновь приобретенных землях (возможно, и как ответ на ярлык 1507 г. Менгли-Гирея Сигизмунду I) строит «на Туле» новую крепость (с 1509 г. деревянную, с 1514 г. – второй после московского каменный кремль, созданный в России, возможно, итальянцами). Крепость постепенно стала центром обороны Москвы на южном направлении. Тула упоминалась С. Герберштейном как город, который «даже во время Василия имел собственного государя» [67]! Что имел в виду барон – неизвестно. Остается лишь предполагать, что «государем» этим был наместник с широкими полномочиями. Но, например, в разрядных книгах, где, казалось бы, отражался каждый шаг государства,

по крайней мере, на южном направлении, о таком важном событии нет ни слова, хотя, например, строительство каменной крепости в Коломне или нового монастыря упомянуто [68]. Справедливости ради нужно сказать, что о строительстве крепости «на Туле» под 1521 г. сообщают некоторые летописи [69]. Один из кратких «Кирилло-Белозерских летописчиков» 30-х гг. XVI в. сообщает: «Лета 7015 поставлен город каменной на Туле» [70]. Но все эти записи появились, видимо, позже. В 1552 г., в самом начале казанского похода Ивана IV, **на Тулу напал крымский царь Девлет-Гирей** [71]. Считается, что царь шел на Москву. Но, возможно, что это не так, и Девлет-Гирей хотел «повоевать» принадлежавшие ему по закону земли, пока основные силы Москвы заняты под Казанью. Иначе зачем ему было осаждать и штурмовать яростно оборонявшуюся каменную крепость?

В 1554 г. к югу от Тулы был возведен г. Дедилов. В 1567 г. вблизи восточного ответвления Муравского шляха основана Епифань. Вероятно, к концу десятилетия на р. Крапивенка возводится г. Крапивна (по крайней мере, под 1569 г. в ходе большого полка упоминается воевода с «Кропивны» Б.П. Засекин, а в 1570 г. воеводой «на Кропивне» был Д.Ф. Ивашкин) [72]. И Тулу, и Дедилов, и Крапивну, и Епифань ждала одна участь – стать неизвестными, но существующими городами. Хотя они упоминаются в Разрядных книгах, документах частного владения, о них нет ни слова в духовной грамоте Ивана Грозного, составленной около 1572 г. (А.Л. Юрганов утверждает, что духовная Ивана Васильевича составлена в 1579 г. [73], однако он не учел изменений, произошедших к 1579 г. в удельно-вотчинной системе Московии: к этому времени уже три года одним из крупнейших землевладельцев был Симеон Бекбулатович великий князь Тверской). А вот «город на Плаве и Солове», построенный в 1-й половине 60-х гг. XVI в. (в Разрядных книгах под 1564–1565 гг. среди воевод «украинным городом» уже упоминается воевода «на Солове и на Полове» [74]), обозначает в духовной южные рубежи Московского государства [75]. Но «город на Плове и Солове» – не самый южный в этом направлении! Хотя между ним и Крапивной не более 10 верст, похоже, земли, на которых располагались эти города, имели разный статус. «Город на Плове и Солове», вероятно, лежал на землях бывшего Тарусского дома. Остальные же, очевидно, находились на бывшей ордынской территории – на «татарских местах».

Возможно, что попытка каким-либо образом легитимировать права на присоединенные еще Дмитрием Донским «украинные» земли была сделана в 50–60-е гг. XVI в. Осенью 1556 г. на московскую службу «из Литвы» перешел известный деятель того времени князь Дмитрий Иванович Вишневецкий. После бурной военной деятельности на юге в течение года он в ноябре 1557 г. приехал в Московию и получил от Ивана IV Васильевича «отчину город Белев со всеми волостми и селы, да в ыных городех села подклетные государь ему подавал и великими жалованьи устроил» [76]. Среди сел «в ыных городех» были, очевидно, и земли в Дедиловском уезде – это видно из переписной книги «Дедилову и уезду» 1589 г., где зафиксированы «деревни козацьи придаточные, что им придано за озовскую и за черкасскую службу», «придаточные земли, что им дано за озовскую и черкасскую послугу» (придачи эти связаны с Азовским и Черкасским походами князя Д.И. Вишневецкого в 1559–1560 гг.) [77]. Население построенной в 1567 г. Епифани и ее окрестностей (будущего Епифанского уезда) состояло из нескольких десятков людей князя И.Ф. Мстиславского – владельца (либо наместника) данной территории, крестьян и «прибранных» Мстиславским стрельцов и казаков [78]. Что характерно, оба вотчинника были представителями знатнейших родов Литвы, восходящих к Гедимину. Возможно, именно это обстоятельство, по мнению Москвы, в условиях выдачи ярлыков крымскими ханами на «украинные» земли польско-литовским государям, могло им обеспечить определенную легитимность владения этими землями.

Тем не менее московские государи за долгое время не смогли легитимировать свои права на «украинные» и польские земли. Поэтому в октябре 1575 г. Иван Грозный объявил себя удельным князем Московским, а крещеного бывшего касимовского царя Симеона Бекбулатовича (Саин-Булата) посадил на великокняжеский стол. Затея эта кажется безумной, под стать другим «безумным» поступкам Ивана Грозного. Однако современникам она таковой, очевидно, не казалась. Иначе чем, например, можно объяснить попытку Романовых в 1598 г. поставить царем именно Симеона Бекбулатовича (пункт подкрестной записи на верность службы Борису Годунову: «Царя Семиона Бегбулатова и его детей, и иного никого, на Московское государство не хотети видети, ни думати, ни мыслити, ни семятись, ни дружитись, ни сылаться с Царем Семионом, ни грамотами, ни словом не приказывати, на всякое лихо, ни которыми делы, ни которою хитростию, по сему крестному целованию» [79]) и, возможно, именно после этого ужесточившийся режим ссылки опального великого князя Тверского?

Симеон Бекбулатович возведен на московский престол для противодействия Крыму, он – великий князь всея Руси, то есть Великороссии. Земли, которые юридически считаются подвластными Орде (в XVI в. – Крыму), лежат на польской «украине». Таким образом, в пределах великорусских (московских, владимирских, рязанских, тверских и т. п.) «улусных» земель, по ордынским понятиям узурпированных московскими князьями, Иван Васильевич складывает с себя полномочия царя и отдает их царю ордынскому – Симеону. В тех же пределах, которые Иван Грозный завоевал лично (Казань и Астрахань), будучи к тому же царем, он остается царем. Смысл титулатуры «великий князь всея Руси» (а не «царь и великий князь») состоит в том, что царем Симеон Бекбулатович уже был, то есть касимовским царем, – неважно, что подконтрольным Москве и до своего крещения. К тому же

после его крещения трон Касимова долгое время пустовал. Да и вообще, в постордынском мире к тому времени оставалось всего два царя – касимовский и крымский, «свой» и «чужой». Скорее всего, прочтение и осмысление нового титула подразумевалось следующим образом: <царь ордынский и> великий князь всея Руси – то есть наследник джучидов, возглавивший русский «улус» (возможно, если верно наше предположение о передаче «татарских мест» Дмитрию Донскому и Олегу Рязанскому, Иван Васильевич был вдохновлен их примером). Чингизид из Алеев, занявший московский стол, – это очень серьезное препятствие для Крыма. Одно дело – терзать «улусника» и требовать от него земли и «выходы», другое – нападать на законного наследника ордынской власти, пусть и из другого, враждебного рода. Здесь могла проявиться и хитрость Ивана Васильевича, его предусмотрительность – опасаясь за свой трон, опасаясь того, что он может «ускользнуть» от него навсегда (все-таки отдает он его природному царю), он официально провозглашает Симеона лишь великим князем Руси, как бы «недоцарем» – верховным правителем, но не вполне. И во всех документах строго соблюдается титулование Симеона Бекбулатовича «лишь» великим князем.

Мы не можем сказать определенно, удалась ли затея Ивана Васильевича. Никакой документации по этому вопросу не сохранилось. Можно было бы говорить об успехе поставления Симеона Бекбулатовича лишь в случае наличия удостоверяющих документов, например, духовной грамоты Федора Ивановича. Но у нас нет таких источников. Поэтому имеет право на жизнь предположение, что Иван Грозный прекратил свой «опыт», не добившись легитимации своей власти над «польской Украиной».

Можно предположить, что спорные земли были все-таки официально переданы Симеоном Ивану Васильевичу. Факты говорят о том, что южнорусские «польские» земли в конце XVI в. постепенно входят в состав Русского государства и, видимо, уже не с «ордынским» статусом. По крайней мере, в разрядных книгах и иных документах мало-помалу начинают упоминаться эти территории, здесь возводятся крепости, а впоследствии – и новые оборонительные рубежи. В конце XVI–XVII вв. русские полки начинают базироваться южнее, чем это было при Иване Грозном и его сыне Федоре. Так, полки Большого разряда стоят в городах Тульской «Украины», а не на берегу Оки. После Смуты южнорусские уезды, разоренные более чем десятилетними военными действиями, начали восстанавливаться. И теперь уже ни у кого не возникало сомнений, кому принадлежат «украинные» и «польские» города.

Источники и литература

1. Григорьев А.В. Торговый путь по реке Дон в IX веке // *Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза*. М., 2011. С. 67–71.
2. Насонов А.Н. Монголы и Русь // *Русский разлив (Арабские истории. Вып. 3–4)*. М., [1996]. Т. 1. С. 85–92; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. М., 1985. С. 39–43. Карта 1, 2; *Он же*. О времени возникновения Тулы // *Тула историческая: прошлое и настоящее*. Тула, 1997. С. 32; *Он же*. Формирование и изменение границ Золотой Орды в XIII–XV вв. // *Историческая география России: новые подходы*. М., 2004. С. 61–62; Шебанин Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XV в. // *Великое княжество Рязанское: историко-археологические исследования и материалы*. М., 2005. С. 465–466, 470–471; Любавский М.К. Историческая география России в связи с колонизацией. СПб., 2000. С. 117–118; Хорошкевич А.Л. О месте Куликовской битвы // *История СССР*. 1980. № 4. С. 96–97, 105; Шебанин Г.А. О владениях рязанских князей на правобережье Верхнего Дона в конце XIV – начале XVI в. // *Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси*. Тула, 2001. С. 164; Иванов Н.В., Шебанин Г.А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV–XV вв. // *Верхнее Подонье: Природа. Археология. История*. Тула, 2004. Т. 2; Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. // *Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси*. Рязань, 2004. С. 152–153.
3. ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 100 (Репринт: М., 2007).
4. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды. С. 42.
5. Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV–XV вв. // *Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси*. Рязань, 2004. С. 147.
6. Духовные и договорные грамоты князей великих и удельных (далее – ДДГ). М., 1950. № 10. С. 29.
7. Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 226–227.
8. Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы... С. 146–147.
9. Горский А.А. Московские «примыслы» конца XIII–XV вв. вне Северо-Восточной Руси // *Средневековая Русь*. Вып. 5. М., 2004. С. 164–165.
10. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893 (репринт: М., 1958). Т. I. Стб. 1016–1018.
11. Гриценко В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы // *Тула историческая: прошлое и настоящее*. Тула, 1997. С. 12–15; Гриценко В.П. Торховское городище и его округа // *Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого*. Материалы. Тула, 1997. Вып. 1. С. 20–22; Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула... С. 8–9.
12. Кучкин В.А. Договорные грамоты... С. 260–261; Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 166–169.
13. ДДГ. № 19. С. 54.
14. Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 168.

15. ДДГ. № 16. С. 44.
16. Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 167.
17. ДДГ. № 10. С. 29.
18. Кучкин В.А. Указ. соч. С. 254–256; Иванов Н.В., Шебанин Г.А. Политическая принадлежность... С. 74; Шебанин Г.А. Историческая география... С. 465–466, 470–471.
19. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // Ученые записки Мордовского университета. Саранск, 1960. Вып. XI. С. 119.
20. ПСРЛ. Т. XV. Стб. 101.
21. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 119.
22. ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897 (Репринт: М., 2000). С. 5–6.
23. Родословная книга // Временник МОИДР. Кн. X. М., 1851. С. 123; Древняя российская вивлиофика. Ч. VI. М., 1788. С. 451; Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 397; Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 285.
24. Родословная книга. С. 114.
25. Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М., 1979. С. 30.
26. Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 184; ПСРЛ. Т. XI. С. 55.
27. Родословная книга. С. 114; Веселовский С.Б. Ономастикон. С. 45, 196, 208, 276, 335.
28. Коллман. С. 179, 196 прим. 45.
29. Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 114–115.
30. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской Империи. СПб., 1797–1842. Ч. I–X; СПб., 1798. Ч. II. № 45, 46.
31. ПСРЛ. Т. XI. С. 21.
32. Gołębiowski Ł. Dziej Polski za panowania Kazimiera, Jana Olbrachta I Alexandra (Dzieje Polski za panowania Jagiellonow. Т. III). Warszawa, 1848. S. 230–233. Prim. 587, 588; Акты Западной России (далее – АЗР). СПб., 1848. Т. 2. № 6. С. 4–5. № 200. С. 363; Сборник князя Оболенского. № 1. М., 1838. С. 87–89; Kucziński S.M. Zemie Czernihowsko-Siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 78; Загоровский В.П. История вхождения Центрально-Черноземной области в состав Русского государства. Воронеж, 1991. С. 49–50.
33. Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907 (Репринт: Київ, 1993). Т. IV. С. 85–87, 457–462; Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі (До питання про татарську Україну) // «Східний світ». Харків, 1928. С. 170–187 (Репринт: «Східний світ». Київ, 1993. Т. 2. С. 133–143); Он же. Східна межа Великого князівства Литовського в 30-х роках XV сторіччя // Ювілейний збірник на пошану академіка М.С. Грушевського (Збірник Історично-філологічного відділу УАН. № 76). К., 1928. Ч. I. С. 165; Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001. С. 134, 135.
34. Малиновский И. Сборник материалов, относящихся к истории панов – рады Великого Княжества Литовского. Томск, 1901. Ч. II. № XXIII. С. 133.
35. Шабуньдо Ф.М. Чи існував ярлик Мамаєва на українській землі? (до постановки проблеми) // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. К., 2005. С. 100–122.
36. СИРИО. Т. 35. С. 38, 115, 125, 509, 517; СИРИО. Т. 71. С. 188, 189, 260, 267.
37. ДДГ. С. 33–37.
38. НПЛ. М.; Л., 1950. С. 475–477; Тихомиров М.Н. Список русских городов дальних и ближних // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 214–259; Наумов Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних // Летописи и хроники. 1973. М., 1984. С. 150–163.
39. Гриценко В.П. К вопросу... С. 13–14; Гриценко В.П. Торховское городище... С. 20–22; Гриценко В.П., Наумов А.Н. Древняя Тула... С. 8–9; Заидов О.Н. Грунтовые могильники Старотулицкого городища // Тула историческая: прошлое и настоящее. Тула, 1997. С. 21–23.
40. Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 168; Кузьмин А.Г. Рязанское летописание. М., 1965. С. 231–232; Мазуров А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в. М., 2001. С. 104–105; Шебанин Г.А., Шеков А.В. О политической принадлежности Тулы... С. 148; Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 165–166; Шебанин Г.А. Историческая география... С. 472; Пресняков А.Е. Образование Великорусского государства. М., 1918. С. 243. Прим. 2.
41. ДДГ. № 19. С. 53.
42. ДДГ. № 19. С. 54.
43. Горский А.А. Московские «примыслы»... С. 166.
44. ДДГ. № 76. С. 285–286, 289.
45. Барбашев А. Витовт. Последние двадцать лет княжения. 1410–1430 (Очерки литовско-русской истории XV в.). СПб., 1891. С. 196–198; Беспалов Р.А. Источники о поездке Витовта в область Новосильского и Рязанского княжеств в 1427 г. // Верхнее Подонье: Археология. История. Тула, 2008. Вып. 3. С. 256–259.
46. ДДГ. № 25. С. 68.
47. Иванов Н.В., Шебанин Г.А. Политическая принадлежность... С. 71–72; Петрунь Ф. Східна межа... С. 167–168.
48. «Тула» великокняжеских договоров... С. 218–219; ДДГ. С. 360.
49. Gołębiowski Ł. Dziej Polski... S. 231. Prim. 587. S. 232. Prim. 588; АЗР. № 6. С. 4-5; Сборник князя Оболенского. С. 87–89; АЗР. № 200. С. 363.
50. Коцебу А. Свитригайло, великий князь Литовский или Дополнение к историям Литовской, Российской, Польской и Прусской. СПб., 1835. Прибавления. С. 10–12; Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatów papieżkich, cesarskich, krolewskich, ksią-

żących; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów. T.1. Wilno, 1860. № 746. S. 330–331.

51. ДДГ. № 33. С. 84.
52. ДДГ. № 47. С. 143.
53. ДДГ. № 76. С. 285.
54. ДДГ. № 89. С. 354.
55. ДДГ. № 84. С. 333, 338; № 89. С. 362; № 90. С. 365.
56. *Похлебкин В.В.* Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII–XVI вв. 1238–1598 гг. М., 2000. С. 83.
57. *Гальперин Ч.* Идеология молчания: предвзятость и прагматизм на средневековой религиозной границе // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001. С. 87, 88.
58. *Островски Д.* Монгольские корни русских государственных учреждений // Американская русистика: веки историографии последних лет. Период Киевской и Московской Руси. Самара, 2001. С. 148–152; *Гальперин Ч.* Идеология молчания... С. 86; *Юрганов А.Л.* Категории средневековой культуры. М., 1999. С. 155–172; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 110–111; *Эскин Ю.М.* Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М., 2009. С. 390.
59. *Островски Д.* Монгольские корни... С. 158.
60. *Гальперин Ч.* Идеология молчания... С. 86; *Гальперин Ч.* Вымышленное родство // Родина. М., 2003. № 12. С. 69.
61. *Гальперин Ч.* Идеология молчания... С. 89.
62. *Ермолаев И.П.* Роль золотоордынского фактора в становлении Российского самодержавия // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Тезисы. М., 2005. С. 192; *Трепавлов В.В.* Белый падишах // Родина. 2003. № 12. С. 75.
63. *Трепавлов В.В.* Белый падишах. С. 73; СИРИО. СПб., 1884. Т. 41. С. 289.
64. *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (нач. XV – пер. пол. XVI в.). М., 2004. С. 94, 183.
65. *Бычкова М.Е.* Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина. М., 1977. Вып. 38. С. 122; *Трепавлов В.В.* Белый падишах. С. 73.
66. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 2. С. 57–58, 104–105.
67. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 137.
68. Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 191.
69. ПСРЛ. Т. VI. СПб., 1836. С. 250; ПСРЛ. Т. VIII. СПб., 1859. С. 250; ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 12; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 383, 401; ПСРЛ. Т. XXVI. М., 1959. С. 301.
70. *Зимин А.А.* Краткие летописцы XV–XVI вв. // Исторический архив. Т. V. М.; Л., 1950. № 5. С. 37.
71. ПСРЛ. Т. XIII. С. 188–190; ПСРЛ. Т. XXXIV. М., 1978. С. 186; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. СПб., 1910. С. 503–505; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 136.
72. Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 145; Писцовыя книги Московскаго государства / Под ред. Н.В. Калачова. СПб., 1877. Ч. 1. Писцовыя книги XVI века. Отделение II. С. 1588; *Бурцев И.Г.* Город на польской Украине: население и «государева служба» // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 2. С. 84–85; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. II. Ч. 2. М., 1982. С. 247, 253.
73. *Юрганов А.Л.* О дате написания завещания Ивана Грозного // Отечественная история. 1993. № 6. С. 135–138.
74. Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 221; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1981. Т. II. Ч. 1. С. 154.
75. ДДГ. № 104. С. 435; Юрганов А.Л. Категории средневековой культуры. С. 121.
76. ПСРЛ. Т. XIII. С. 275, 276, 286; ПСРЛ. Т. XX. Ч. 1. С. 576–577, 578, 582, 586–587; *Кузнецов О.Ю.* Князь Д.И. Вишневецкий и оборона русских земель в районе Куликова поля в середине XVI столетия // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула, 2000. С. 305, 306.
77. Дедилов. Документы и исследования. М., 2005. Ч. 1–2. С. 24–27; Слава предков – потомкам пример / Сост. А.Н. Лепехин. М., 1997. С. 193, 225; *Бурцев И.Г.* Город на польской Украине в середине XVI–XVII в.: население и «государева служба» // Позднесредневековый город: археология и история. Тула, 2007. Ч. 2. С. 83.
78. Писцовыя книги Московскаго государства. С. 1582–1595.
79. ААЭ. Т. II. № 10. С. 59.

К истории формирования северо-восточной границы Украины

Начало формирования северо-восточной границы украинского государства уходит в седую древность, в эпоху Киевской Руси. В это время в северной и восточной частях современной Черниговской области, на севере Полтавской и Сумской областей, а также на территории западной части Курской, Белгородской и в юго-западном регионе Брянской областей России, в нижнем и среднем течении Десны, Сейма, в среднем и верхнем течении Сулы, Псла и Ворсклы проживала группа восточно-славянских племен под названием северяне (сивера). «Сивера, – говорил М.С. Грушевский, – здається – найбільше з українсько-російських племен» [1, с. 193].

Северными соседями северян были вятичи, о которых тот же М. Грушевский сказал, что они «принадлежат уже к великороссам». Б.А. Рыбаков считал, что в IX–XI вв. независимо от Киевской Руси существовал могущественный союз вятичей. Каждое племя, входившее в союз, возглавлял князь, а во главе союза стоял князь князей, которого восточные источники приравнивают к падишаху [6, с. 175].

На южных рубежах союза вятичей стояли их города: Корачев (ныне – Карачев Брянской области), Спасы (ныне – Звенигородское городище возле с. Спасское Орловской области), Кром (ныне – г. Кромы Орловской области), Мценск (ныне – г. Мценск Орловской области). На востоке земля вятичей доходила до современного Воронежа.

Порубежным городам вятичей противостояли северные города северян: Вщиж (ныне – с. Вщиж Брянской области), Трубецк (ныне – Трубчевск Брянской области), Стародуб (ныне – Брянской области), Радош (ныне – Погар Брянской области), Болдыш (ныне – Болдыш Орловской области). На востоке соседями северян были беспокойные жители Дикой степи, прежде всего, печенеги и половцы. На протяжении нескольких столетий они подвергали украинские земли грабительским набегам. Поэтому восточная граница Киевской Руси определялась линией городов-крепостей, которые стояли по берегам Сулы, Сейма и их притоков. Это Севск, Ольгов, Глухов, Рыльск, Путивль, Зартый, Вир, Вяхань, Попаш, Ромен и др. Крайним форпостом Руси в Степи был Курск. Все перечисленные города были разрушены ордами Батые, а некоторые из них (Зартый, Вяхань, Попаш) так и не были восстановлены.

Еще в конце XII в. усилился процесс политической раздробленности Сиверщины. Наряду с главными княжескими столицами (Чернигов и Новгород-Северск) появились новые: Брянск, Воргол, Глухов, Путивль, Рыльск, Курск, Стародуб, Трубецк и др. Деление на мелкие княжества сделало Чернигово-Сиверщину легкой добычей Литвы. Во второй половине XIV в. Великий князь Литовский Ольгерд (1341–1377) постепенно инкорпорировал Сиверскую землю и отдал крупнейшие ее города в руки своих сыновей или других родственников – вассалов.

В это же время на территории бывшего Владимиро-Суздальского княжества началось объединение русских земель вокруг Москвы, итогом которого стало появление Великого княжества Московского. Этот процесс усложнялся сопротивлением удельных князей, а также борьбой за великокняжеский престол между потомками Д.И. Донского. Победенные, как правило, искали убежища в Литве, а литовские великие князья, усматривая в Московском государстве соперника, благосклонно встречали их, щедро наделяя землями, преимущественно на территории Чернигово-Сиверщины.

После смерти в 1425 г. Великого князя Московского Василия Дмитриевича разгорелась борьба между его сыном Василием Васильевичем и братом Юрием Дмитриевичем. После смерти Юрия борьбу продолжили его сыновья – Василий и Дмитрий Шемяки. В 1446 г. Дмитрий Шемяка захватил Василия Васильевича, ослепил его и сел на московский стол. Узнав об этом, брат жены Василия Васильевича – Василий Ярославович – вместе с князем Семеном Оболенским сбежали в Литву. От Великого князя Литовского Казимира Василий Ярославович получил на территории Сиверщины Стародуб и Брянск, которые потом передал С. Оболенскому [7, с. 406]. После поражения и смерти (1453 г.) Дмитрия Шемяки в Литву прибыли его сын Иван и князь Иван Можайский. Первый получил Рыльск и Новгород-Северский, второй – Чернигов, Стародуб и Любеч [3, с.144]. В это время Василий Ярославович и Семен Оболенский, которым ранее были пожалованы эти города, очевидно, уже вернулись в Москву.

Утверждение на Сиверщине Шемяк и Можайских стало одной из причин, которые привели к разрушению северо-восточной границы Украины. Дело в том, что во второй половине XV в. в Литве усиливается наступление католической церкви на православную. Это вызывает тревогу у православных князей, и они решают перейти на службу к Великим князьям Московским. По законам того времени переход на службу к другому государю означал переход со всеми земельными владениями.

* **Корогод Галина Ивановна** (Сумы, Украина) – кандидат исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин, Сумской филиал Харьковского национального университета внутренних дел, das8839@yandex.ru.

В 1500 г. внук Шемяки князь Василий Иванович и сын И. Можайского – князь Семен Иванович, просили Великого князя Московского Ивана III взять их на службу с городами Чернигов, Стародуб, Любеч, Рыльск и Новгород-Северский. Их примеру последовали и другие чернигово-северские князья. Иван III известил Великого князя Литовского о том, что он принял на службу чернигово-северских князей и одновременно прислал грамоту об объявлении войны.

Война продолжалась до весны 1503 г. и закончилась подписанием 25 марта договора о перемирии сроком на шесть лет. Литва уступала Москве Чернигов, Стародуб, Путивль, Любеч, Рыльск и Новгород-Северский, Брянск, Почеп, Трубчевск, Радощ, Мосальск с волостями, городищами и селами.

В 1507–1508 гг. снова вспыхнула война между Москвой и Литвой, в результате которой Москве отошел Курск. Таким образом, восточная граница Украины была отодвинута далеко на запад. Чернигово-Сиверская земля была оторвана от основной украинской территории, которая оставалась в составе Речи Посполитой.

В начале XVII в. Московское царство переживало «Смутное время». Одним из регионов, сыгравшим в этом определенную роль, была Чернигово-Сиверщина. 13 октября 1604 г. первый самозванец (Лжедмитрий I), который выдавал себя за царевича Дмитрия Ивановича с войском, состоявшим из польской шляхты, запорожских казаков и всяких авантюристов, перешел польско-русскую границу и вступил на территорию Сиверщины. Первый порубежный город Моравск сдался без боя. После него самозванца признали Чернигов, Путивль и другие города. Новгород-Северский сделал попытку оказать сопротивление, но под его стенами московское войско потерпело поражение. В 1606 г. Лжедмитрий был убит, за ним появился Лжедмитрий II, который сделал попытку захватить Москву, но в 1608 г. погиб. «Смута» закончилась избранием на Московский престол Михаила Романова, но отношения между Москвой и Польшей, в том числе и вопросы границы, не были урегулированы. 1 декабря 1618 г. в подмосковном селе Деулино было подписано русско-польское соглашение о перемирии на 14,5 лет, по которому Москва уступала Речи Посполитой Чернигов, Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Трубчевск с «нарядом со всяким пушечным запасом, с посадскими людьми и с уездными пашенными крестьянами» [8, с. 117].

Польские послы требовали передать Польше «лучший северский город Брянск», но русская сторона с этим не согласилась и отдала за Брянск города Поповая Гора (недалеко от Стародуба), Серпейск и псковский пригород Красное. За Россией оставались также Путивль, Рыльск, Курск. Таким образом, граница в районе Чернигово-Сиверщины была отодвинута на север и восток. В 1620 г. польское правительство прислало на Сиверщину своих комиссаров «для ординації замков од Москви, а також і для ревізування прав од людей стану, яко і дворян, і синов боярських, як за чим хто всякі добра ойчистії держат» [2, с. 229]. Определялись границы усадеб, собственники получали королевские универсалы на право собственности. Свободные земли отдавали шляхте, которая приезжала сюда из польских и украинских земель. Так, Николай Абрамович получил целый Мелинский уезд, Александр Писочинский – почти всю Новгород-Сиверщину и Глуховщину [2, с. 230].

Пересмотр земельных владений и появление новых собственников определенным образом влияли на размежевание земель между Польшей и Россией, но эти границы часто нарушались обеими сторонами. Так, на Московском соборе в октябре 1621 г. отмечалось, что в Путивльском и Брянском уездах «литовские люди начали в государеву землю вступаться, остроги и слободы ставят, села и деревни, леса и воды осваивают, селитру в Путивльском уезде в семидесяти верстах варят, будники золу жгут, рыбу ловят и зверь всякий бьют, на пограничных дворян и детей боярских наезжают, грабят, с поместий сгоняют». То же самое делали и московские люди [8, с. 158].

В июне 1632 г. Московский собор принял решение о начале войны с Польшей за Смоленск. Начало войны было удачным для России. Войска заняли Новгород-Северский, Трубчевск, Почеп, Стародуб, Борзну, Мену, Батулин, Ромны, Миргород. Но вскоре военное счастье отвернулось от Москвы. Под Смоленском русские войска потерпели поражение, в марте 1634 г. начались переговоры о мире в с. Семлево на р. Поляновка (приток Днепра) и проходили очень бурно. Москва не желала возвращать занятые земли и за ряд городов предлагала денежную компенсацию. Польские послы требовали возврата земель. В июне 1634 г. был подписан Поляновский договор, по которому Чернигово-Сиверщина оставалась в составе Польши. Стороны договорились создать комиссию, которая решила бы вопрос размежевания земель. Размежевание проводилось медленно, сопровождалось спорами с обеих сторон при систематическом торможении дела поляками. В 1637 г. в Варшаву были направлены московские представители, которым поручалось уведомить польское правительство, что «межевое дело затягивается, что литовские судьи, которые съезжались с государевыми судьями, правды не учинили, путивльские земли не отметили, норovia своим польским и литовским комиссарам, которые путивльские земли заселяли» [5, с. 73].

Наконец, после длительных переговоров в 1638 г. восточная граница между Польшей (Украиной) и Россией была определена так: «От Кукольного Логу прямо вверх речки Сухого Ромна, оттуль до Дехановского городища, от которого рубеж 2 версты меж Недрыгайловским городищем, которое в польскую сторону належит и остаться иметь. Оттуль Терном речкою идти до речки Бобрыка» и т.д. [4, с. 308].

Известный украинский историк, уроженец с. Гирявка (ныне – с. Шевченково Конотопского района Сумской области) А.М. Лазаревский считал, что названное в описи урочище Кукольний Лог находилось в районе с. Гирявки. Там же протекала р. Сухой Ромен. Таким образом, ученый сделал вывод, что обозначенный рубеж делил Конотопский уезд на две части: большая оставалась в составе Польши, меньшая – в России.

Размежевание 1638 г. не решило пограничных недоразумений. В 1642 г. на Путивльское пограничье были посланы думные судьи: князь Ф. Волконский, наместник серпуховский Б. Болтин и дьяк М. Шиколин. С польской стороны прибыли бискуп киевский А. Смоленский и черниговский староста Я. Куницкий. Переговоры продолжались долго, но практических результатов не принесли. Об их ходе и результатах в документах говорится так: «А судьи на съезде месте стояли многое время, до зимнего пути, и съезды были многие, а земель ничего не размежевали, за упрямою литовских людей, киевского бискупа Александра Смоленского с товарищами, что они к доброму делу не приступали, норовя сенаторам своим, которые завладели путивльскою землею» [4, с. 331].

В 1645 г. в Польшу для обсуждения вопроса «о путивльских землях» были посланы окольный С. Проэстев и дьяк Г. Леонтъев. После длительных переговоров обе стороны пошли на уступки и в 1647 г., наконец, завершили размежевание земель. Польша отдала России ряд населенных пунктов, в том числе на левом берегу р. Клевень, которые были включены в Путивльский уезд. К России отошла Ахтырка, которая в то время принадлежала известному магнату И. Вишневецкому. Украинское население переселилось на польские территории, а на опустевших землях русское правительство расселяло своих стрельцов. Территорией России стал и город Недрыгайлов с окрестностями. В акте о его передаче говорилось: «Городище на р. Суле, старое городище на Путивльской стороне и новый острог и земляной вал за р. Сулою, и посад и слободы по обе стороны р. Сулы, да в уезде на той стороне, на которой острог стоит выше Недрыгайлова в 2-х верстах, деревню Кармышевку за деревню Цыбуленку выше Недрыгайлова в 5 верстах на р. Суле на путивльской стороне, и с землями, и с лесами, и с водами, и с мельницами и со всякими угодыми отдается царю». Украинское население оставило город, ушли на польские земли и жители с. Гупаловка и других населенных пунктов, переданных Москве.

Таким образом, накануне Освободительной войны под руководством Б. Хмельницкого, определилась северо-восточная граница Украины (как русско-польская граница). На севере она проходила севернее Поповой Горы и Стародуба, потом поворачивала на юг и тянулась западнее Трубчевска, далее – восточнее Полтавы. В составе Речи Посполитой на востоке оставалась Стародубщина (сейчас район Брянской области), Черниговщина, часть Сумской области (Серединобудский, Ямпольский, Шосткинский, Глуховский Конотопский, Роменский, Липоводолинский районы) и восточная часть Полтавщины.

Основными украинскими городами, расположенными близ северо-восточной границы, были Стародуб, Глухов, Кролевец, Конотоп, Ромны, Гадяч, Полтава и др. Контакты с российской стороной чаще всего осуществлялись через Ромны, Конотоп, городок Карабутово (ныне с.Шевченково Шосткинского района Сумской области). Древний город Ромны после Люблинской унии оказался в руках польских магнатов. В начале 40-х гг. XVII в. входил в состав владений маршалка А. Казановского. Но в мае 1644 г. город захватил И. Вишневецкий. В это время в городе был укрепленный замок с гарнизоном и артиллерией, действовали органы самоуправления: ратуша, сотенная канцелярия и уездный суд. Городу принадлежали пашенные земли, луга, окружающие леса. Мещане активно занимались ремеслом и торговлей. Вишневецким также принадлежала и соседняя Липовая Долина, городок Карабутово. 22–23 декабря 1653 г. здесь находилось так называемое «Великое посольство» из Москвы, которое направлялось в Переяслав.

В 1653 г. уроженец Правобережной Украины казак Подкова на берегу р. Езуч (приток Сейма) основал поселение под названием Новоселица. Через пять лет новгород-северский староста князь А. Писочинский поставил крепость, которая из-за болотистой местности стала называться Конотоп. Крепость имела форму четырехугольника и трое ворот: Роменские, Киевские и Путивльские. Через некоторое время Писочинский подарил Конотоп своему зятю – канцлеру Речи Посполитой Г. Оссолинскому, который владел городом до Освободительной войны.

Среди городов, оказавшихся под юрисдикцией России, основное место на русско-польском пограничье принадлежало Путивлю. Через него поддерживались дипломатические связи Московского государства с Польшей, Крымом, сам по себе город был мощной крепостью. Павел Алепский, который сопровождал Антиохийского патриарха Макария в Москву и дважды (в 1654 и 1656 гг.) побывал в Путивле, так писал о нем: «Крепость Путивля большая и великолепная, неодолима и крепка в высшей степени, высока и прочно устроена на высоком основании... Она расположена на отдельной круглой горе и заключает внутри водоем, в котором вода скрытно накапливается колесами из реки. внутри нее есть другая крепость, еще сильнее и неодолимее, с башнями, стенами, рвами, снабженными множеством пушек больших и малых, которые расположены одни над другими в несколько рядов» [5, с. 21].

В период Освободительной войны через Путивль прошли все посольства Б. Хмельницкого в Москву и московские – к Хмельницкому. В ноябре 1653 г. сюда прибыло «Великое посольство» В. Бутурлина и отсюда 20 декабря оно двинулось в Карабутово.

Установленная в 1647 г. граница существовала и во времена Гетьманщины. Во второй половине XVIII в. в результате ликвидации царизмом Гетьманщины и ряда территориально-административных реформ, она была упразднена. В мае–июне 1918 г. правительство П.П. Скоропадского вело переговоры с СНК России о размежевании украино-российской границы. Но переговоры закончились безрезультатно. В годы советской власти северо-восточная граница была установлена, но имела формальный характер.

Источники и литература

1. *Грушевський М.* Історія України-Руси. В одинадцяти томах, дванадцяти книгах. Київ, 1991. Т. 1. 648 с.
2. *Дорошенко Д.І.* Нарис історії України. Львів, 1991. 572 с.
3. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1903. Т. VI. 112 с.
4. *Лазаревский А.* Конотопская старина // Памятная книжка Черниговской губернии. Чернигов, 1862. 325 с.
5. *Нефедовский Е.Г.* Путивль. Историко-краеведческий очерк. Харьков, 1966. 118 с.
6. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества в XII–XIII вв. М., 1982. 588 с.
7. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. II. 781 с.
8. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. IV. 754 с.

Формирование административной границы Коми автономии в верховьях Печоры**

Вопросы истории административно-территориального деления стран и регионов имеют не только очевидное самостоятельное научное значение, но и чрезвычайно важны при изучении таких проблем, как движение населения, национально-государственное строительство, социально-экономическое развитие и т.д. При отсутствии достаточно четкого представления об административно-территориальном делении и происходивших в нем изменениях невозможно судить о сопоставимости сведений по тем или иным округам за различные периоды времени, а следовательно, нельзя рассмотреть исследуемые процессы в динамике. Неслучайно актуальность проблем административно-территориального деления страны в целом и отдельных регионов неоднократно подчеркивалась в историографии [1].

Вопросы истории административно-территориального устройства Республики Коми нашли достаточно широкое освещение в работах М.П. Дмитрикова, И.Л. Жеребцова, Ю.П. Зубова, А.И. Терюкова, В.В. Фаузера, С.И. Шубина и др. [2]. Однако процесс формирования границ, весьма сложный и продолжительный по времени, до настоящего времени специально не исследовался и рассматривался лишь в общем контексте. В предлагаемой работе на основании уже имеющихся исследований, документальных публикаций и вновь вводимых в научный оборот архивных документов из фондов Национального архива Республики Коми освещается процесс формирования административных границ Коми автономной области (АССР) в верховьях Печоры с 1920-х гг. до 1950 г.

Коми автономия была создана декретом ВЦИК от 22 августа 1921 г. «Об автономной области коми (зырян)». Административное деление Коми АО было определено Декретом ВЦИК 2 мая 1922 г. 27 мая того же года ВЦИК внес частичные изменения в границы области. Из Чердынского уезда Пермской губернии в состав Усть-Куломского уезда Коми АО были переданы Щугорская, Троицко-Печорская и Савиноборская волости, расположенные в верхнем течении Печоры и до середины 1918 г. входившие в Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии [3]. Волости, находившиеся в самых верховьях Печоры, которые ранее в Усть-Сысольский уезд не входили, но, по мнению руководства вновь образованной автономии, по путям сообщения и экономическим связям также тяготели к Коми, остались в подчинении Пермской губернии. Руководство Коми АО придерживалось мнения, что формирование территории Коми автономии не закончено, и настойчиво предъявляло претензии на часть территории Пермской губернии.

Вопрос о присоединении верховьев Печоры поднимался руководством Коми АО не раз. В середине 1920-х гг. в период районирования Уральской области Коми область добилась передачи ей северной части Ныробского района. Тогда в порядке добровольного согласия Уральского облисполкома Коми области были переданы пристань Якша на р. Печора и селение Усть-Пожег [4]. Однако для решения вопроса о перечислении всей территории верхней Печоры потребовалось длительное время.

В 1928 г. Усть-Уньинский и Курьинский сельсоветы Ныробского района Уральской области ходатайствовали о включении их территорий в Коми область. В 1929 г. Оргкомитет Северного края совместно с Коми облисполкомом поставили перед ВЦИКом вопрос о присоединении к Северному краю всего Ныробского района Верхнекамского округа Уральской области, обосновывая свои претензии необходимостью организации и расширения экспортных заготовок леса в верховьях Печоры. В случае присоединения верховьев реки заготовка леса и его сплав по Печоре и ее притокам полностью находились бы в ведении одной организации – государственного треста «Комилес». Северный край и Коми область предлагали установить новую границу следующим образом: от сопки «Болвано-из» на Уральском хребте под 62° сев. широты на юг по хребту до сопки «Оше-нэр», далее – на запад по водоразделу р. Унья (притока Печоры) и р. Вишера (притока Камы) до пересечения 61,5° сев. широты с 58° вост. долготы, затем – по 61,5 параллели вплоть до существовавшей южной границы Коми области в районе Устье-Еловки [5]. Целесообразность установления новой границы по водоразделу Камы и Печоры, по мнению инициаторов ходатайства, была очевидна, так как в этом случае административная граница совпала бы с экономической, что соответствовало принятым принципам экономического районирования.

* **Безносова Наталья Павловна** (Сыктывкар) – научный сотрудник группы исторической демографии и исторической географии отдела истории и этнографии Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН; **Жеребцов Игорь Любомирович** (Сыктывкар) – доктор исторических наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

** Публикация подготовлена при поддержке Программы фундаментальных исследований Уральского отделения РАН, проект № 12-С-6-1001.

Общая площадь территории, на которую претендовала Коми область, составляла примерно 964 тыс. га (по данным лесоэкономического исследования Наркомзема 1926 г.). Она захватывала целиком бассейны рек Верхняя Печора, Унья и Волосница. Здесь располагались два сельсовета Ныробского района – Курьинский и Усть-Уньинский. Курьинский сельсовет включал в себя три населенных пункта с числом жителей 352 чел. Усть-Уньинский объединял 12 поселений с населением 501 чел. Всего по состоянию на 1 января 1930 г. в двух сельсоветах насчитывалось 15 населенных пунктов, 289 хозяйств и 853 жителя, русских по национальности [6].

В начале 1930 г. Северный край и Коми область вышли во ВЦИК с предложением об удовлетворении ходатайства жителей Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов, поступившего еще в 1928 г., о включении их в состав Коми АО и об изменении границ между автономной областью Коми и Уральской областью в северной части Ныробского района, однако в то время Административная комиссия ВЦИК сочла, что для рассмотрения вопроса нет достаточных оснований [7].

Существовавший в течение ряда лет спор о границах между Уральской областью и АО Коми был разрешен постановлением Президиума ВЦИК от 10 апреля 1931 г. Этим документом в границы Коми области были внесены существенные изменения. Во-первых, в состав Уральской области из Коми АО перечислялась Веслянская лесная дача общей площадью 6491 кв. км (р. Весляна – правый приток Камы, ее истоки находятся на территории Коми, между верховьями рек Воч и Уюб). Во-вторых, из Уральской области во вновь созданный Троицко-Печорский район Коми АО (выделен из Усть-Куломского района постановлением ВЦИК от 10 февраля 1931 г.) подлежали передаче верховья р. Печора с сельсоветами Ныробского района: Курьинским и Усть-Уньинским с общей территорией 9450 кв. км [8].

Коми область со своей стороны незамедлительно выполнила решение ВЦИК. Уже 26 июля 1931 г. состоялось официальное подписание акта о передаче Веслянской лесной дачи из административного управления Коми АО в Коми-Пермяцкий округ Уральской области. Территория Веслянской дачи передавалась целиком, за исключением 18 лесных кварталов (№ 278–283, 312–318, 347–251), которые тяготели к Северо-Двинскому бассейну и потому были оставлены в Коми области. Границу Веслянской дачи стали считать в дальнейшем границей Коми с Уральской областью. Передача в Уральскую область имевшихся на территории Веслянской дачи поселков спецпереселенцев была осуществлена по особому акту органами НКВД. Также отдельными актами были переданы Уральской области: трестом «Комилес» – имущество и материалы, относящиеся к ведению лесного хозяйства и эксплуатации лесов; Облпотребсоюзом – кооперативное имущество и товаропродукты [9].

Что же касается второй части постановления ВЦИК от 10 апреля 1931 г., то взятые на себя обязательства Уральским облисполкомом выполнены не были. Приостановив передачу верховьев Печоры, Урал 30 сентября 1931 г. вышел с ходатайством во ВЦИК об изменении постановления, мотивируя это как экономическими соображениями, так и нежеланием населения переходить в состав Коми АО [10]. Вторично вопрос о верховьях Печоры рассматривался на заседании Секретариата Президиума ВЦИК 1 января 1932 г., который отклонил ходатайство Урала и предложил Уральскому облисполкому в декадный срок передать спорную территорию Коми области и доложить о выполнении [11].

Однако Уральский облисполком категорически возражал против передачи Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов и всячески затягивал выполнение постановлений ВЦИК: представители Урала не являлись на заседания созданной для разрешения конфликта согласительной комиссии ВЦИК; в 1932 г. представители Коми АО дважды (по месяцу и более) безрезультатно ожидали представителей Уральской области в Ныробском районе для подписания акта приема-передачи. Одновременно с этим Уральский облисполком предпринимает активные действия, чтобы переломить ситуацию в свою пользу. В марте 1932 г. он направляет телеграммы с просьбой об отмене постановления ВЦИК по верховьям Печоры в ЦК ВКП(б) и председателю ЦИК СССР М. Калинин. В апреле 1932 г. протест Урала рассматривался на заседании фракции ВКП(б) при Президиуме ВЦИК с вызовом в Москву представителей Урала, Коми и Северного края [12].

В июне 1932 г. Уральский облисполком вновь вышел во ВЦИК с предложением пересмотреть ранее принятые решения. Свою просьбу Урал мотивировал изменившимися условиями хозяйственного освоения спорной территории. Проектом третьего пятилетнего плана северо-западную часть Урала, куда входили верховья Печоры, предполагалось включить в проектируемый Камско-Печорский транспортный узел, который должен был соединить Урал через Каму и Волгу с Центром, а через Печору – с Севером. В качестве аргументов против передачи сельсоветов указывалось на их территориальную отдаленность от с. Троицко-Печорск (250–350 км), в то время как до с. Ныроб было 100–200 км, а также на нежелание населения указанных сельсоветов перейти в Коми АО [13].

Последнее утверждение не соответствовало истине. Опросы населения верховьев Печоры, проведенные в 1931 г., выявили их желание перейти в Коми АО, поскольку значительная часть населения работала в системе «Комилес». Еще один пример. Позднее, в 1934 г. дирекция Печоро-Илычского заповедника сообщала в Троицко-Печорский райисполком об участившихся фактах самостоятельного переселения граждан Ныробского района в Коми АО. Целые семьи с детьми приезжали на Илыч в лодках по Печоре, взяв с собой имущество, мелкий

скот, собак и даже постройки в разобранном виде. Вместе с тем дирекция заповедника выражала озабоченность в связи с появлением переселенцев с Урала – все они были охотниками-промысловиками, а это могло осложнить и без того тяжелую борьбу с браконьерством на территории заповедника [14].

Руководство Коми АО со своей стороны настаивало на выполнении принятых ВЦИКом постановлений. Так, 25 сентября 1932 г. представительство Коми АО при Президиуме ВЦИК направляет протест на действия уральских властей в ЦК ВКП(б) и просит высший партийный орган обеспечить передачу верховьев Печоры Коми области. Доводы Коми облисполкома: 1) территория расположена в верховьях р. Печора и составляет неотъемлемую часть с остальной Печорой; 2) производственные связи издавна шли не с жителями Камского бассейна, а с Печорским краем. Объединяет общность занятий и промыслов: охота, лесозаготовки, перевозка грузов по Печоре и т.д.; 3) население Усть-Уньинского и Курьинского сельсоветов преимущественно русское, но оно неоднократно высказывалось за переход в Коми АО. В частности, в марте 1932 г. в Ныробе без возражения со стороны районных властей был оформлен акт о передаче названных сельсоветов в Коми область, и только телеграмма из Свердловска приостановила эту процедуру. Кроме того, Троицко-Печорский район, в состав которого перечислялись сельсоветы, в основном был населен русскими. Отстаивая свои интересы, обе стороны – и Урал, и Коми – ссылались на строительство Камско-Печорского водного пути и невозможность разделения в административном отношении на две части проектируемого экономического комплекса. В споре двух субъектов Административная комиссия ВЦИК приняла сторону Урала и в июле 1933 г. подготовила заключение о нецелесообразности включения верховьев Печоры в состав Коми области [15].

В очередной раз вопрос о границах между Свердловской областью (в 1934 г. Уральская область была переименована в Свердловскую) и Коми АО на участке Курьинского и Усть-Уньинского сельсоветов был вынесен на рассмотрение Президиума ВЦИК 20 октября 1935 г. Принимая во внимание заключение своей Административной комиссии, а также ссылаясь на принятое в 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) решение о прекращении изменения границ и на то, что фактическая передача сельсоветов в течение четырех лет, истекших с 1931 г., не состоялась, ВЦИК во изменение своих прежних решений оставил Курьинский и Усть-Уньинский сельсоветы в составе Свердловской области. В подобном повороте событий была «недоработка» как со стороны Коми АО, так и Северного края. Представители Коми области при ВЦИК Минин (1931–1933), Айбабин (1934–1935), Лалакина (1935–1936) неоднократно обращались к руководству Коми области и Северного края о необходимости приезда в Москву для личного участия в решении вопроса, поскольку ВЦИК считал, что окончательно разрешить конфликт возможно только путем договоренности представителей двух облисполкомов – Свердловского и Коми. В то время как Свердловск активно действовал и предоставлял Центру основательные мотивы, Сыктывкар полностью возложил отстаивание интересов области на свое представительство в Москве [16].

Новое решение ВЦИК вызвало категорический протест Коми АО, поскольку с его принятием сложилась абсурдная ситуация. Территория верховьев Печоры де-юре числилась в составе Коми области, и юго-восточная граница Коми установлена в соответствии с постановлением ВЦИК от 10 апреля 1931 г. (об этом свидетельствуют карты административно-территориального деления тех лет), но населявшие ее жители остались в административном подчинении Уральской области. Поэтому руководство Коми продолжало настаивать на неукоснительном выполнении постановления ВЦИК от 10 апреля 1931 г. в полном объеме [17].

Фактическая передача территории верховьев Печоры с располагавшимися здесь сельсоветами в состав Коми АССР (в декабре 1936 г. Коми АО была преобразована в Коми АССР), в конечном итоге, все-таки состоялась, правда, для нормализации ситуации потребовалось еще более десяти лет. К тому времени верховья Печоры отошли к Молотовской области (в 1940–1957 гг. Пермская область именовалась Молотовской).

В 1947 г. в Президиум Верховного Совета Коми АССР поступили решения исполкомов Усть-Уньинского (от 13 июля 1947 г.) и Курьинского (от 16 июля 1947 г.) сельсоветов Ныробского района Молотовской области и протоколы общих собраний колхозников шести сельскохозяйственных артелей этих сельсоветов с ходатайствами о включении их в состав Троицко-Печорского района Коми АССР. Население обосновывало свое решение территориальной отдаленностью от центра Ныробского района и практическим отсутствием транспортного сообщения с ним, следствием чего было плохое снабжение товарами и грузами, особенно в зимний период. В обращениях колхозников отмечалось также, что выполнение колхозами ежегодных нарядов Ныробского райисполкома на лесозаготовки, которые производились на территории Ныробского района на расстоянии 200–300 км от сельсоветов, приносили колхозам большие убытки (падеж лошадей и истощение тягловой силы на лесоразработках приводили к срыву весенних посевных кампаний). В случае перехода в Коми АССР, считали колхозники, лесозаготовки можно будет производить на месте, в неразработанных лесных массивах верховьев Печоры, которыми ведала Коми АССР, а колхозы смогут получать доходы от работы в лесу [18].

17 мая 1949 г. Президиум Верховного Совета Коми АССР принял указ об удовлетворении ходатайства граждан Курьинского и Усть-Уньинского сельсоветов Ныробского района Молотовской области о перечислении этих сельсоветов в состав Троицко-Печорского района Коми АССР с соответствующим изменением границ Коми

АССР с Молотовской областью. Учитывая экономическое тяготение, транспортные условия и желание населения, Президиум Верховного Совета РСФСР 24 декабря 1949 г. утвердил решение исполкома Молотовского областного Совета депутатов трудящихся и представление Президиума Верховного Совета Коми АССР о перечислении Курьинского и Усть-Уньинского сельских Советов из Нырбского района Молотовской области в состав Троицко-Печорского района Коми АССР [19].

В январе 1950 г. по акту согласительной комиссии в состав Троицко-Печорского района была передана территория в 997306 га, или 9973 кв. км, в том числе Усть-Уньинского сельсовета – 6508 кв. км, Курьинского – 3465 кв. км. Граница между Молотовской областью и Коми АССР была установлена по границам Нырбского и Троицко-Печорского районов по водоразделу системы рек Печора, Унья и Колва, согласно прилагаемой карте и описанию границ.

К моменту передачи на перечисляемой территории проживало 639 чел., в том числе: в Курьинском сельсовете – 351, Усть-Уньинском – 288 чел. В Курьинский сельсовет входили населенные пункты: Курья (сельский центр), Волосница, Пачгино, Кусково с тремя колхозами – «Печора», «2-ая пятилетка» и «Путь к свету»; в Усть-Уньинский сельсовет – Усть-Унья, Светлый родник, Усть-Бердыш и Горевка с тремя колхозами: «Север», «Герой труда», «Промысловик».

В хозяйствах перечисляемых сельсоветов значились:

а) колхозов – шесть, с общей земельной площадью 7228 га, в том числе: пахотной – 369,37 га, сенокосной – 749,99 га, выгонов и пастбищ – 464,42 га, огородов – 22 га, под лесом – 4109,23 га, прочих угодий – 1532,86 га, всего хозяйств в колхозах – 126. поголовье скота по состоянию на 1 января 1950 г.: крупного рогатого скота – 386 голов (из них дойных коров – 151), свиней – 12, овец – 330, лошадей – 151. Кроме того, скота в индивидуальном пользовании колхозников-единоличников, рабочих и служащих: крупного рогатого скота 168 голов (дойных коров – 109), свиней – 2, овец – 143, коз – 105;

б) лесопокрытой площади – 988306 га, в том числе Верхне-Печорского лесхоза – 513200 га, Печорского лесхоза – 93547 га и территории Печоро-Илычского государственного заповедника – 381559 га;

в) земель государственного земельного фонда – 1371 га;

г) государственных гужевых дорог – 21 км, дорог местного значения – 14 км, телефонная связь – 59 км, проводов – 59 км;

д) Курьевское сельпо: розничных торговых точек – шесть, пекарней – одна;

е) начальных школ – шесть, в них учащихся – 105 чел., изб-читален – две. Жилищного и коммунального хозяйства нет;

ж) фельдшерских пунктов – два, в составе двух фельдшеров и одного санитаря, состоящих на сельском бюджете;

з) заготовительных организаций: агентских участка – два, маслосборочных пунктов – пять, рыбопунктов – два, зооветучастков – один.

Из Молотовской области передавался также бюджет двух сельских советов в сумме 98 тыс. руб. [20].

В докладной записке по итогам приема Усть-Уньинского и Курьинского сельсовета от 4 марта 1950 г. отмечается, что принятое хозяйство было очень слабым: колхозы преимущественно убыточные, урожайность зерновых и картофеля низкая, упитанность скота тоже низкая, сельскохозяйственная техника отсутствовала, коровники холодные, без оборудования. Общественные учреждения (школы, фельдшерский пункт, правления колхозов и сельсоветы, почта) располагались в приспособленных помещениях – крестьянских избах. Успеваемость учащихся школ низкая, пионерские организации не созданы. Телефонная связь практически отсутствовала. Ассортимент товаров в ларьках крайне бедный – нет соли, спичек, керосина, готовой обуви и одежды, лошадиных сбруй, хомутов, до навигации не хватает муки, сахара. В качестве первоочередных мер приемочная комиссия предлагала: 1) для приближения лесозаготовок к колхозам организовать лесопункты в с. Курья и с. Волосница; 2) организовать в Курье школу-семилетку и интернат; 3) завезти сельхозмашины, сельхозтехнику, упряжь для лошадей, стекло, лампы, посуду и др. товары; 4) восстановить телефонную связь Якша-Курья и провести связь до Усть-Уньи; 5) отремонтировать дорогу Якша-Курья; 6) приступить к строительству общественных зданий – школ, медпунктов, сельсоветов и др. Комиссия подчеркивала благожелательное отношение жителей сельсоветов к происходящим переменам. На общих собраниях граждан, проведенных во всех населенных пунктах, Указ о присоединении их к Троицко-Печорскому району был встречен с одобрением [21].

Таким образом, формирование административных границ Коми автономии на верхней Печоре явилось результатом не единовременного акта, а итогом довольно длительного процесса. Он протекал при активном участии центральных и местных органов власти и управления. Имевшие место изменения границ и территориальные споры с соседними субъектами федерации разрешались с учетом мнения сторон (в том числе и населения) в рамках существовавшего законодательства и выработанных в стране принципов административно-территориального устройства.

Источники и литература

1. *Шафир М.А.* Административно-территориальное устройство Советского государства. М., 1983. С. 46, и др.
2. *Дмитриков М.П.* Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного строительства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Сыктывкар, 1989. С. 30–42 (Труды Ин-та яз., лит. и истории. Вып. 44); *Он же.* Местный Комитет Севера при Коми облисполкоме // Первая Коми респ. науч.-практ. конф. по историческому краеведению. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1988. С. 93–95; *Он же.* Принципы образования и развития Коми автономии в 1920–1930-е годы // Национальные и демографические процессы в республиках и регионах Российской Федерации: история и современность. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994. С. 26–27; *Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф.* Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001; *Жеребцов И.Л.* Административно-территориальные и демографические изменения в Коми крае в 20–30-е гг. XX в. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 274–282; *Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П.* Коми автономная область в 1920-е гг. Административно-территориальное деление Коми автономной области в 1930-е годы // Атлас Республики Коми. М., 2001. С. 378–379, 390–391; *Жеребцов И.Л., Фаузер В.В.* Основные изменения в административно-территориальном делении и населении Коми АССР в 40–80-е гг. // История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2. С. 483–485, и др.
3. Национальный архив Республики Коми (НАРК). Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 889. Л. 59; Образование Коми Автономной области. Сб. документов. Сыктывкар, 1971.
4. НАРК. Ф. р. – 701. Оп. 1. Д. 37. Л. 86.
5. Там же. Л. 86об.
6. Там же.
7. Там же. Л. 85.
8. Там же. Л. 14.
9. Там же. Л. 57.
10. НАРК. Ф. р. – 701. Оп. 2. Д. 69, 14, 34–39, 59.
11. НАРК. Ф. р. – 701. Оп. 1. Д. 37. Л. 12–13.
12. Там же. Л. 60–62, 83.
13. Там же. Л. 33.
14. Там же. Л. 24, 52–53.
15. Там же. Л. 16, 30–33.
16. Там же. Л. 1, 3, 6, 9–10, 15–16, 41–42, 48, 50–52.
17. НАРК. Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 873. Л. 13об.
18. НАРК. Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 905. Л. 2–14.
19. НАРК. Ф. р. – 701. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.
20. НАРК. Ф. р.– 642. Оп. 1. Д. 905. Л. 36, 46–47об.
21. Там же. Л. 37–43.

Хронокартографический метод исследования

Принципы хронокартографического метода исследования. Картографический метод исследования является одним из ведущих при познании географической оболочки и ее функционировании в различных физико-географических условиях. До недавних пор его применение развивалось при картографировании объектов, имеющих региональный (пространственный) характер распространения – сплошной или с ареалами их отсутствия. Картографирование объектов, имеющих линейное или точечное распространение, сдерживалось из-за отсутствия необходимых методов, которые позволяли бы в масштабе карты показать весь комплекс явлений и процессов, находящихся на очень ограниченном по площади объекте. Районирование территорий по природным и антропогенным процессам, проявляющимся на том или ином географическом объекте, также было затруднено из-за отсутствия мелкомасштабных карт рек, речных русел и пойм [1].

На настоящий момент отсутствуют достаточно объективные, за длительный временной период наблюдения за состоянием экосистем. Для оценок изменений состояния экосистемы и скорости трансформации предлагаем использовать хронокартографический метод анализа динамики морфоструктуры для экосистем различного типа, основанный на анализе картографического материала разнообразного типа [2]. Используя картографический материал, можно оценить воздействие какого-нибудь внешнего фактора на экосистему за определенный период времени и получить представление о ее состоянии в определенный промежуток времени. Такой подход дает возможность оценить влияние на экосистему как природных воздействий, в том числе и катастроф, так и антропогенных.

Центральное место при разработке методологии хронокартографического метода в рамках рассматриваемой концепции занимает проблема выбора компонентов при попытке оценить устойчивость экосистемы как единого целого. Сложность прослеживания естественных (событийных) границ изменений между имеющимися моментами (картами) состоит в том, что различные компоненты геосистемы имеют различные скорости трансформации. Даже отдельные составляющие одной компоненты имеют различные индивидуальные скорости трансформации в зависимости от структурного уровня, пространственного масштаба. Очевидно, необходима синхронизация разноместных и разномасштабных событий, связанных как с экотонами (например: дельта, эстуарий), так и с генетическими разнородными системами (например: река и море) [4].

При воздействии внешнего фактора на экосистему в определенный временной отрезок одни составляющие достигнут квазиравновесного состояния на новом энергетическом уровне, другие – могут пройти несколько фаз преобразований, а третьи – сохранить свой гомеостаз. Получить представление о состоянии исследуемой базисной экосистемы в определенный временной интервал возможно путем совмещения шкал (хроноиндикаторов) как составляющих базисного спектра отдельных компонентов экосистемы. Таким образом, необходимо ввести временной шаг для построения картографического материала, полученного при хронокартографическом методе.

Практическая процедура основывается на определении фаз (циклов) разномасштабных событий (процессов) в одном пространственно-временном интервале события.

Возможность использования в качестве первоначальных мер разных видов шкал (хроноиндикаторов) предопределяет специфику методологических процессов. Будучи теоретической моделью, шкала отражает присущую брэнности процесса структурированность, которая, в свою очередь, выступает в качестве основы естественных первоначальных мер, т.е. интервалов, отвечающих определенным хроноиндикаторам брэнности базисной системы. Ключевыми, в рамках предполагаемой методологии, являются следующие процедуры:

- формирование дефиниций исходных понятий;
- выделение элементарных (микро) процессов;
- создание иерархически соподчиненной системы процессов, согласованных между собой (т.е. связанных с определенной математической зависимостью, обеспечивающей эквивалентность одноранговых процессов);
- выбор требований к картографическим материалам, сравнительный анализ карт разных временных периодов и их систематизация;
- пространственный анализ морфометрических характеристик по масштабу карты можно разделить на мелкомасштабные или региональные (масштаб 1:500000), среднемасштабные (масштаб 1:100000 – 1:50000) и крупномасштабные или детальные (масштаб 1:10000);
- в развитие рассматриваемой открытой системы можно выделить определенные этапы развития системы или ее компонентов: а) зарождение (становление); б) устойчивое (квазистабильное) состояние; в) гибель (трансформация).

* **Брызгалов Виктор Васильевич** (Архангельск) – старший научный сотрудник Архангельского научного центра УрО РАН, Lodia.arh@mail.ru.

В каждом этапе можно выделить фазы развития процесса (системы), в течение которой происходят определенные количественные изменения, не меняющие квазистабильное состояние. В фазе могут быть выделены стадии, как наименьший (элементарный) компонент развития процесса.

Основными задачами хронокартографического исследований являются:

- установить основные этапы развития побережья, русла и т. п. и определить характер многолетних изменений рельефа дна и берегов (путем сопоставления материалов космических снимков, аэрофотосъемки, топографических и морских карт, промерных планов разных лет);
- выделить участки размыва дна и накопления наносов, определить направление вдольбереговых потоков наносов;
- определить зоны антропогенного воздействия и оценить их масштаб и интенсивность;
- выбрать компоненты с учетом разномасштабности событий (процессов), скомпоновать их в одном пространственно-временном интервале события с помощью процедур хронокартографического метода и оценить устойчивость системы как единого целого;
- на основании разработанных процедур оценить подходы к решению реальных проблем на основе анализа разномасштабных карт и схем береговой зоны арктических аквасистем.

Настоящую методику можно использовать при решении задач, связанных с оценкой устойчивости экосистем к внешней нагрузке. При анализе необходимо использовать современные научные методы, а также компьютерные технологии. Развитие нового направления – создания географических информационных систем (ГИС) – позволяет достаточно точно оценить динамику изменения морфологических процессов путем совмещения карт за различные временные периоды.

Картографические материалы. Основой хронокартографического метода исследования являются карты как морского побережья, устьев рек, так и сухопутных территорий, прилегающих к аквасистемам. Если рассматривать устьевую область р. Северная Двина, то самые ранние картографические материалы – это голландские морские и английские морские карты. В 2000 г. голландские исследователи из Арктического центра Гронингского университета произвели в голландских архивах поиск исторических карт р. Северная Двина. Были выявлены 66 карт, которые датируются периодом с 1592 до 1728 г. Карты различаются между собой в деталях изображенного пространства и в точности. Многие из них являются копиями более ранних карт [3].

Информацией об английских морских картах автор не располагает. Однако можно предположить, что они имеются в английских архивах, так как английские торговые суда регулярно приходили на Русский Север с 1554 г.

Первая морская карта с надписями на русском языке датируется 1701 г. Это голландская морская карта конца XVII в., только надписи переведены на русский язык.

В 1727–1729 гг. подштурман Игнатий Казаков и штурманский ученик Василий Ковалев впервые осуществили промер и составили карты р. Северная Двина от Березового бара до Мосеева острова, вычертили планы Архангельского порта и Соловецких островов [4]. Это были первые картографические материалы, которые базировались на результатах натурных промеров в устьевой области р. Северная Двина. В 1740 г. штурманы Есипов и Чихачев произвели очередную картографическую съемку устья реки и вычертили карту судоходного фарватера от Двинского бара до деревни Уйма, а также вычертили очередной план Архангельского порта [5]. К сожалению, автору не удалось обнаружить ни в архивах, ни среди опубликованных источников картографических материалов 1727–1729 и 1740 гг.

Недоступными для исследования являются картографические материалы середины XVIII в. до 50-х гг. XX в. Все они являются или секретными, или находятся на ограниченном доступе. Кроме того, до появления современных копируемых средств скопировать карту практически было не возможно. Единственное, что можно было сделать, это получить разрешение на фотокопирование карты и иметь в своем архиве уменьшенную фотокопию картографического материала. К сожалению, и сегодня доступ к картографическим материалам затруднен все по тем же причинам.

Хронокартографический метод исследования. На настоящий момент отсутствуют достаточно объективные за длительный временной период наблюдения за состоянием параметров водных экосистем. Для оценок изменений состояния экосистемы и скорости трансформации был разработан и использован в ряде практических работ метод, названный хронокартографическим [6]. Метод основан на анализе картографического и научно-исторического материала различного формата и типа.

Используя картографический материал, можно оценить воздействие какого-то внешнего фактора на экосистему за определенный период времени и получить представление о ее состоянии и изменчивости за определенный промежуток времени. Такой подход дает возможность оценить влияние на экосистему как природных воздействий (в том числе и катастроф), так и антропогенных.

Сложность прослеживания естественных (событийных) границ изменений между имеющимися моментами (картами) в том, что разные компоненты водной экосистемы имеют разные скорости трансформации. Даже отдельные составляющие одной компоненты имеют разные индивидуальные скорости трансформации в зависимости от структурного уровня, пространственного масштаба. Очевидно, необходима синхронизация разноместных и разномасштабных событий, связанных как с экотонами, например, дельта и эстуарий, так и с генетическими разнородными системами, например, река и море. Ключевыми, в рамках предполагаемой методологии, являются процедура выбора требований к картографическим материалам, сравнительный анализ карт разных временных периодов и их систематизация. Исторический описательный материал используется для уточнения. При использовании хронокартографического метода основными задачами исследований являются:

- установить основные этапы развития побережья, русла и т. п., определить характер многолетних изменений рельефа дна и берегов (путем сопоставления материалов аэрофотосъемки, топографических морских карт и промерных планов разных лет);
- выделить участки размыва дна и накопления наносов, определить направление вдольбереговых потоков наносов;
- определить зоны антропогенного воздействия и оценить их масштаб и интенсивность.

Для анализа происходящих преобразований в географическом ландшафте устьевой области р. Северная Двина удалось проработать ее карты и планы за период с середины XVII в. до 90-х гг. XX в. Таким образом, исследователи на основе хронокартографического метода проследили изменения различного генезиса в устьевой области реки, которые охватывали или максимально прилегали к местам активной антропогенной деятельности. Результатом этой работы явилась коллективная монография «Исследования устьевой области реки Северной Двины хронокартографическим методом» [7].

Настоящий метод может быть использован применительно к задачам исторической географии, экологии, берегоукрепления, портостроительства, при строительстве газовых и нефтепромысловых гидротехнических сооружений [8] и других прибрежных объектов.

Источники и литература

1. Чалов Р. С., Чернов А. В. Карты русловых процессов: принципы составления, типизация, назначение // География и природные ресурсы. 1999. № 3. С. 18–28.
2. Брызгалов В. В., Скибинский Л. Э., Таптыгин Ю. М. Хронокартографический метод анализа динамики морфоструктуры при исследовании водных экосистем // Геодинамика и геоэкология. Материалы Международной конференции. Архангельск: ИЭПС УрО РАН, 1999. С. 43–45.
3. Хаккеборд Л. Археологические и картографические аспекты ранних русско-голландских торговых связей на Русском Севере // Нидерланды и Северная Россия. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2003. С. 8–9.
4. Брызгалов В. Картографы Архангельского порта // Календарь знаменательных дат на 1993 год. Архангельск, 1993. С. 51–52.
5. Там же. С. 52.
6. Брызгалов В. В., Таптыгин М. Ю. Морфологические процессы и историческая география дельты реки Северной Двины // III Международная конференция «Поморье в Баренц-регионе: экология, экономика, социальные проблемы, культура»: Тезисы докладов (24–29 июня 1997 г., г. Архангельск, Россия). Архангельск, 1997. С. 215; Они же. Антропогенное воздействие в дельте реки Северной Двины (на примере Соломбальских островов) // Антропогенное воздействие на природу севера и его экологические последствия. Всероссийское совещание и выездная научная сессия (Мурманская область, г. Апатиты, 22–25 июня 1998 г.): Тезисы докладов. Апатиты, 1998. С. 110–111; Они же. Морфологические процессы и последствия наводнения 1924 г. в дельте р. Северная Двина // Проблемы изучения, рационального использования и охраны природных ресурсов Белого моря. Материалы VII Международной конференции (Сентябрь 1998 г., г. Архангельск). СПб., 1998. С. 262–264; Брызгалов В. В., Скибинский Л. Э., Таптыгин М. Ю. Хронокартографический метод анализа динамики морфоструктуры при исследовании водных экосистем // Геодинамика и геоэкология. Материалы Международной конференции. Архангельск: ИЭПС УрО РАН, 1999. С. 43–45; Брызгалов В. В., Таптыгин М. Ю. Антропогенное воздействие в дельте реки Северной Двины (на примере Соломбальских островов) // Европейский Север России: прошлое, настоящее, будущее. Материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня учреждения Архангельского общества изучения Русского Севера (1908 г.). Архангельск, 1999. С. 96–102; Брызгалов В. В. Человек и природная среда: искусственные и естественные измерения // Географическая наука и образование, геополитика и история. Труды XI съезда РГО. СПб.: Изд-во РГО, 2000. Т. 4. С. 171–172; Брызгалов В. В., Таптыгин М. Ю. Морфологические процессы в устьевой области реки Северной Двины (на примере Холмогорского расширения) // Комплексные исследования устье рек Европейского Севера России. Архангельск, 2004. С. 3–31; Брызгалов В. В., Скибинский Л. Э. Хронокартографический метод в современных гидрологических исследованиях // Лодия. № 1 (4). Архангельск: Лодия, 2007. С. 231–274.
7. Брызгалов В. В., Скибинский Л. Э., Богоунов А. Ю. Исследование устьевой области реки Северной Двины хронокартографическим методом. Архангельск: Лодия, 2008. 143 с.
8. Скибинский Л. Э. Исследования процессов разрушения берегов в дельте реки Северной Двины // Материалы Международной научной конференции: Большие экосистемы России в эпоху глобальных изменений (климат, ресурсы, управление). Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. С. 264–270.

Карты как источник для историко-географических и историко-демографических исследований сельского хозяйства и крестьянства в пореформенный период (на примере Пермской губернии)

Как известно, картографические материалы являются ценнейшим источником для изучения природно-географических, экономических, социальных, демографических и других важных процессов истории страны в целом и отдельных ее регионов. Однако до сих пор они чрезвычайно слабо используются современными исследователями. В картографических отделах центральных библиотек, архивах имеется достаточно картографического материала по названным проблемам, но научных работ, в которых он был бы использован, в российской историографии немного.

Картографические материалы являются уникальным источником как для историко-демографических, так и историко-географических исследований. Карты допускают единовременный обзор территории в любых пределах, создавая пространственный образ отображаемых явлений, содержат их необходимые количественные и качественные характеристики. Они помогают выявить закономерности и особенности размещения крестьянского населения по разрядам и по этническому признаку, определить основные ареалы расселения, установить связь природно-географических особенностей края с демографическими факторами (плотностью населения и др.). Их достоинство – в наглядности, точности, подробности, значительном объеме информации.

История сельского хозяйства и крестьянства Пермской губернии также неразрывно связана с географическим пространством, природными условиями изучаемой территории. Характер размещения сельского хозяйства существенно отличается от характера размещения промышленности: крупная промышленность локализуется преимущественно в городах, тогда как сельскохозяйственное производство занимает значительные площади, четко дифференцируясь в отдельных регионах. Все это определяет насущную необходимость применения экономических, почвенных и специальных сельскохозяйственных карт в качестве исторических источников.

Богатейший и малоизученный материал по истории сельского хозяйства дают карты специального и генерального межеваний Пермской губернии. В них содержатся сведения о размещении лесов, составе почв, заболоченности и распаханности земель, административно-территориальном делении, промысловых занятиях крестьян. В межевом архиве хранится более 600 тыс. планов генерального и специального межеваний, губернских и уездных карт и атласов. Наряду с этими материалами особую группу составляют «Экономические примечания», представляющие собой полное описание дач уездов с их краткими статистическими и экономическими характеристиками.

Значительный интерес для исследователей представляют картографические материалы, отражающие характер землевладений и землепользования по отдельным уездам Пермской губернии. На данных картах отражены казенные, частные, удельные, посессионные, крестьянские надельные, горнозаводские, монастырские, башкирские и тептярские земли.

Особый интерес представляют карты и планы, обнаруженные нами в различных архивах и библиотеках страны: «Карта Европейской России с показанием земель удельного ведомства» (1896 г.) [1], «Карта Пермской губернии и смежных с ней частей Оренбургской, Уфимской, Вятской губерний с показанием горнозаводских дач и земель государственных крестьян» (1869–1873) [2], «Карта Пермской губернии с показанием земель и лесов бывших государственных крестьян с 1861 по 1890 г.» [3], «Карта земельных владений Пермской губернии» (1903) [4], «Карта владений Пермской губернии» (б/г) [5], «Карта на имения наследников господ баронов Строгановых в Пермской губернии» [6], планы дач различных деревень, показывающих владения государственных крестьян [7], карта Чердынского уезда с обозначением земель государственных крестьян (1874) [8] и др.

В «Трудах совещания при Пермской земской управе в 1898 году» нами обнаружена подробная карта, показывающая расселение различных категорий крестьян Пермской губернии: бывших государственных, бывших помещичьих и бывших удельных крестьян в конце XIX в. [9]. Сопоставив данные этой карты со статистическими источниками, мы пришли к выводу об их совпадении, т.е. о достоверности карты. Согласно данным карты, бывшие государственные крестьяне проживали во всех уездах Пермской губернии, но исключительно в Ирбитском и Шадринском. Бывшие помещичьи крестьяне группировались в основном в центральной и западной частях Соликамского уезда, центральной и юго-восточной частях Оханского, северо-восточной части Осинского,

* **Плотникова Галина Николаевна** (Пермь) – старший преподаватель кафедры древней и новой истории Пермского государственного университета; **Плотников Сергей Николаевич** (Пермь) – начальник кафедры Пермского филиала Нижегородской академии МВД РФ.

центральной, северной и южной частях Пермского, юго-восточной части Екатеринбургского, северо-восточной части Кунгурского, южной и восточной частях Красноуфимского уездов. В Шадринском, Камышловском уездах бывшие помещичьи крестьяне не отмечены. Бывшие удельные крестьяне проживали (согласно карте) лишь в двух уездах: Оханском (юго-западной части) и Осинском (северной части). В отличие от статистических источников на карте изображены незаселенные места.

Благодаря рукописной «Карте на имения наследников господ баронов Строгановых в Пермской губернии» [10], можно наглядно представить размещение бывших помещичьих крестьян, принадлежащих конкретным владельцам. Так, владения Голицыных располагались преимущественно в бассейне р. Вильва, к северо-востоку от завода Архангело-Пашийского, в районе сел Троицкого, Крылово и дер. Сташково (т.е. в западной части Осинского уезда). Земли княгини Бутеро находились севернее р. Усьва, вокруг завода Бисертский. Общие владения князей Голицыных и княгини Бутеро – в с. Кишертском с прилегающими землями, а также в районе сел Югокамского, Ильинского, Нижнее-Верхнемуллинского, завода Мотовилихинского, дер. Усть-Чусовской, сел Яйвинского (р. Яйва), Калининского, Калининского (по р. Чусовой), завода Кузьминского, дер. Утки, заводов Кыновского и Серебрянского. Владения графини Строгановой располагались в районе завода Билимбаевского, а графа Строганова – на восточном берегу р. Кама между Соликамском и Пермью. Земли господ Лазаревых находились вблизи с. Ростеского, Губахи и Кизела (Соликамский уезд), а также в районе завода Полазнинский (Пермский уезд). Дачи с крестьянами, принадлежавшие Всеволожским, находились в районе завода Александровского (Соликамский уезд). Земли общего владения разных владельцев занимали большую (юго-восточную) часть Соликамского уезда.

Карты являются незаменимым источником для изучения размещения крестьянских промыслов. Они дают важные сведения об основных районах их развития и специализации. Особый интерес представляют почвенные и лесные карты. Почвенные карты К. Веселовского, Вильсона, Чаславского, А. Фока, В.В. Докучаева и др. показывают поуездные границы преобладания чернозема в Европейской России, на Урале и в Пермской губернии, а также дают представление о степени плодородия почв по отдельным уездам.

Плодородные черноземные почвы преобладали на юге и на юго-востоке Пермской губернии: в Ирбитском, Красноуфимском, Осинском, Шадринском, Камышловском и частично Екатеринбургском уездах. Камышловский и Шадринский уезды называли «житницей края», так как хлеб здесь был в избытке и вывозился. Черноземная полоса представляла самую плодородную землю в губернии. Количество перегноя в черноземных почвах колебалось от 4 до 16%, благодаря чему они отличались более темным цветом. В Пермской губернии проходила самая северная граница черноземной полосы. На востоке Уральского хребта чернозем начинался тотчас же, как только горная область сменялась равниной. Современник писал: «Эти пашни с давних времен не знали ни отдыха, ни удобрения, но несмотря на это, производят то огромное количество хлеба, которое нужно для продовольствия большей части жителей губернии» [11].

Остальные уезды относились к нечерноземной полосе и располагались преимущественно на севере и в центре Пермской губернии. Нечерноземная полоса, в свою очередь, отличалась значительной пестротой почв. Так, Чердынский и Верхотурский уезды, а также большая часть Соликамского имели преимущественно болотистую или тундровую почву. Оханский, Пермский и Кунгурский уезды, а также северные части Екатеринбургского и Красноуфимского уездов, несмотря на гористое местоположение имели каменисто-глинистые и супесчаные почвы, более благоприятные для земледелия [12]. Агрономы Пермского земства в обзорах за 1891 год, исходя из естественно-исторических особенностей местности, дали обстоятельную характеристику сельского хозяйства предуральских уездов нечерноземной полосы [13].

Отличительной особенностью черноземных почв в Пермской губернии было то, что чернозем здесь почти не встречался в чистом виде, а был перемешан полосами песка и глины [14], а также с серо-песчаными и серо-глинистыми почвами [15]. По низменным сырým равнинам северной полосы Ирбитского уезда встречались сухоболотные почвы, которые отличались черным цветом, так как содержали много перегноя, отличавшегося кислым характером и плохим качеством в сравнении с черноземными почвами. Крестьяне называли эти почвы «подмористыми землями» или «тундою» [16].

В Верхотурском и Екатеринбургском уездах преобладали нечерноземные почвы грубого состава. Большая часть территории этих уездов была неудобна для земледелия, но выделялась горными и лесными пастбищами. Ирбитский, Камышловский и Шадринский уезды обладали мелкозернистым черноземным почвенным покровом суглинистого и супесчаного характера и были исключительно пригодны для занятий сельским хозяйством.

Лесные карты позволяют проследить размещение лесных угодий Пермской губернии и выявить их владельцев (казенные и частные лесные дачи). Согласно данным картограммы, составленной в 1888 г. Н.К. Генко, в Чердынском и Верхотурском уездах на душу населения приходилось более 10 десятин леса. В остальных уездах (кроме Шадринского) – от двух до десяти десятин, а в Шадринском уезде – от одной до двух десятин леса [17].

Ценным источником являются также и карты, отражающие демографические и этнографические процессы. Они дают представление о географии населения (плотности, естественном приросте, миграциях), позволяя выяснить исторические особенности заселения и ареалы проживания различных народов.

Наглядное представление об этническом составе крестьянского населения Пермской губернии во второй половине XIX в. дают этнографические карты, составленные в изучаемый период. Одной из первых карт, отражающих этнический состав народов Северного Урала, явилась карта венгерского ученого А. Регули [18] (1819–1858), который в 1843–1846 гг. совершил экспедицию от Перми до морей Северного Ледовитого океана. Автор показал на карте районы проживания коми-зырян, вогулов (манси), остяков (хантов) и др. в северо-западной части Пермской губернии (от Соликамска до Чердыни).

В 40–60-е гг. XIX в. крупнейшими учеными – академиком П.И. Кеппеном и А.Ф. Риттихом, занимавшимися разработкой этнического состава населения России, – были составлены этнографические карты и описания к ним [19]. На карте П.И. Кеппена показано расселение башкир (в южной части Пермской губернии – в Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах), татар (на юге губернии), черемисов (марийцев) (в Красноуфимском и Кунгурском уездах), пермяков (в северо-западных Чердынском и Соликамском уездах), вогулов (манси) (в Верхотурском уезде). Однако на карте Кеппена не выделены проживающие в Пермской губернии русские и удмурты (вотяки).

В 1874 г. по инициативе Русского Географического общества (РГО) А.Ф. Риттихом была составлена новая «Этнографическая карта Европейской России» [20], отличающаяся от карты П. Кеппена большей подробностью, точностью и полнотой. На ней было нанесено и русское население. Кроме того, на карте дано процентное соотношение различных народностей по губерниям и отмечены незаселенные пространства.

Вышеназванные карты отражают этнический состав населения всей европейской части России и поэтому являются достаточно схематичными.

В 1891 г. по заданию Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) И.Г. Остроумовым была составлена «Этнографическая карта Пермской губернии» [21]. Источником для нее явились ответы волостных правлений на специально разосланные автором вопросные листы. Представители разных народностей отмечены в виде цветных кружков. Сведения о русских на карте отсутствуют. Башкиры показаны в Осинском, Красноуфимском, Екатеринбургском и Шадринском уездах, а также в незначительном количестве в Пермском и Ирбитском уездах. Вогулы (манси) отмечены преимущественно в Верхотурском и, в виде отдельных поселений, в Красноуфимском, Кунгурском, Чердынском и Ирбитском уездах. Особо показаны на карте обрусевшие вогулы (слабый тон), обрусевшие наполовину (более сильный тон) и необрусевшие (в бассейне р. Лозьва). Удмурты (вотяки) отмечены автором лишь в южной части Осинского уезда, коми-зыряне – в северо-западном углу Чердынского уезда, татары – в Осинском, Красноуфимском, Кунгурском и Пермском уездах, пермяки – в северо-западной части Соликамского и в Чердынском уезде, черемисы (мари) указаны в Красноуфимском уезде и в одном селении Кунгурского уезда. Отдельно отмечены И.Г. Остроумовым мешчеряки (в Екатеринбургском, Шадринском и Красноуфимском уездах, где они проживали вместе с башкирами и татарами) и тептяри (в Красноуфимском уезде в одних селениях с башкирами, татарами, мешчеряками и живущие отдельно). Особым достижением И.Г. Остроумова явилось отражение на карте смешанных селений.

В 1895 г. пермским краеведом И.Я. Кривошековым (1854–1916) была составлена «Карта Соликамского уезда Пермской губернии» [22]. Карта составлена по сведениям Соликамской земской управы и личным наблюдениям автора. Из 49 волостей Соликамского уезда в 36 волостях отмечены русские и в 13 – коми-пермяки. На карте отражены все села уезда, в том числе селения «иноверцев», села с русским населением. К сожалению, на карте не выделены отдельно селения со смешанным населением.

Изучение данных картографических источников в сопоставлении их со статистическими материалами, проанализированными нами, позволяет сделать вывод о том, что большинство народностей в течение длительного времени (в том числе и в пореформенный период) сохраняло прежний ареал расселения. Миграционные и ассимиляционные процессы незначительно изменили картину расселения различных народностей, проживающих на территории Пермской губернии. Границы расселения в изучаемый нами период приобрели стабильность и почти не менялись.

Использование картографических материалов в качестве источника позволяет исследователям преодолеть опасность игнорирования роли и значения географической среды при изучении исторических процессов, лучше и нагляднее представить их взаимодействие и взаимообусловленность. Тем не менее картографические материалы изучаемого периода нуждаются в критическом осмыслении, тщательной проверке, сопоставлении с другими источниками (в первую очередь, статистическими), так как сами по себе они не раскрывают исторических закономерностей и основываются порой на несовершенных данных дореволюционной статистики. Эту проверку дают возможность провести исследования современных специалистов.

В итоге, необходимо отметить, что возможности карт велики, но небезграничны. «Язык» карты не раскрывает закономерностей развития общественных явлений, он может лишь пояснить конкретно-исторические закономерности локального значения. Изобразительные средства, применяемые в картографировании, позволяют «зафиксировать» далеко не весь исторический процесс, а только то, что можно выразить пространственно.

Источники и литература

1. Карта Европейской России с показанием земель удельного ведомства. СПб. // РГИА. Ф. 1424. Оп. 6. Ед. хр. 9.
2. Карта Пермской губернии и смежных с ней частей Оренбургской, Уфимской, Вятской губерний с показанием горно-заводских дач и земель государственных крестьян. СПб., 1869–1873 // ГПБ Картографический отдел.
3. Карта Пермской губернии с показанием земель и лесов бывших государственных крестьян с 1861 по 1890 г. // РГИА. Ф. 380. Оп. 21. Ед. хр. 8.
4. Карта земельных владений Пермской губернии // Материалы к оценке земель Пермской губернии. Пермь, 1904. Вып. IV: Пермское Приуралье.
5. Карта владений Пермской губернии // РГАДА. Ф. 1252. Оп. 2. Ед. хр. 252.
6. Карта на имения наследников господ баронов Строгановых в Пермской губернии // ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Ед. хр. 1714.
7. Планы дач различных деревень, показывающих владения государственных крестьян // ГКУ ГАПК Ф. 279. Пермская межевая комиссия. Оп. 3. Д. 177, 242, 259 и т.д.
8. Карта Чердынского уезда с обозначением земель государственных крестьян (1874) // РГБ. Картографический отдел.
9. О мерах улучшения экономического положения крестьянского населения // Труды совещания при Пермской губернской земской управе. Пермь, 1898.
10. Карта на имения наследников господ баронов Строгановых в Пермской губернии // ГАСО. Ф. 59. Оп. 3. Ед. хр. 1714.
11. Путеводитель по Уралу. Второе издание. Екатеринбург, 1902. С. 3.
12. *Варгин В.Н.* Почвоведение. СПб., 1908. С. 64–65.
13. РГИА. Фонд хозяйственного департамента МВД за 1891 год. Ф. 1287. Оп. 27. Д. 1596. Л. 92–98.
14. *Сивков П.* Статистический очерк экономической и этнографической жизни Урала. Отд. VIII // Уральский торгово-промышленный адрес-календарь. Пермь, 1899. С. 2.
15. РГИА. Ф. 515. Оп. 15. Д. 235. Л. 273.
16. *Варгин В.Н.* Почвоведение. СПб., 1908. С. 65.
17. РГИА. Ф. 380. Оп. 39. Ед. хр. 22.
18. *Регули А.* Этнографическо-географическая карта Северного Урала (1846 г.) // Библиотека РАН. Картографический отдел.
19. *Кеппен П.И.* Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1852; Он же. Об этнографической карте Европейской России. СПб., 1853; Он же. Список инородцам Европейской России с показанием губерний. СПб., 1852; *Риттих А.Ф.* Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1874 // РГБ. Картографический отдел; Он же. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875.
20. *Риттих А.Ф.* Этнографическая карта Европейской России. СПб., 1874 // РГБ Картографический отдел; Он же. Племенной состав контингентов русской армии и мужского населения Европейской России. СПб., 1875.
21. *Остроумов И.Г.* Этнографическая карта Пермской губернии. СПб., 1891; Он же. Объяснительная записка к этнографической карте Пермской губернии // Записки УОЛЕ. Т. XIII. Вып. II. Екатеринбург, 1891–1894. С. 150–153.
22. *Кривошеков И.Я.* Карта Соликамского уезда Пермской губернии. Пермь, 1895; Он же. Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1897.

Роль дворянства Левобережной Украины в развитии исторической географии в 1861–1917 гг.

Древняя северская земля издавна славилась своими известными представителями из дворянского сословия, которые внесли заметный вклад в развитие общественно-политических и культурно-образовательных процессов, которые происходили на Украине и за ее пределами. В свое время из уст прогрессивных представителей украинского народа не сходило имя известного мореплавателя Ю.Ф. Лисянского (1773–1837) и прославленного генерала Отечественной войны 1812 г. графа М.А. Милорадовича, а поклонники украинской культуры были очарованы виртуозной игрой kobzara О.М. Вересая (1803–1890) и непревзойденной мастерством примадоны театральной сцены М.К. Заньковецкой (1860–1934).

Представители дворянства Левобережной Украины внесли свой вклад и в развитие исторической географии как науки пореформенного периода. Например, русский генерал и военный историк М.А. Домонтович (1830–1902) получил образование в Петровско-Полтавском кадетском корпусе. На начальном этапе Восточной войны находился в составе войск, действующих на Дунае. В 1864 г. он был командирован на Кавказ и находился в составе Пешеходного отряда при движении на Хакучинский перевал. По возвращении с Кавказа Домонтович за составление описания Черниговской губернии [1] был принят в действительные члены Русского географического общества. 8 ноября 1881 г. М.А. Домонтович был назначен председателем военно-исторической комиссии по описанию Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. [2].

Свой вклад в развитие исторической географии внес и Костенко Лев Феофилович (1841–1891), русский генерал, дипломат, военный востоковед, участник Среднеазиатских походов. Образование получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе, 2-м Военном Константиновском училище и Николаевской академии Генерального штаба. В 1867 г. он был назначен помощником старшего адъютанта штаба Туркестанского военного округа. В свободное от службы время Лев Феофилович занимался собиранием сведений о Туркестанском крае, которые и изложил впоследствии в целом ряде трудов. Поездка в 1870 г. в Бухару описана Костенко в нескольких статьях в «Военном Сборнике» [3].

В 1876 г. Л.Ф. Костенко было поручено составление военно-статистических описаний Туркестанского военного округа [4]. В том же году он предпринял экспедицию и в Алайские горы. Также он был одним из первых путешественников, посетивших Памир и описавших эту малоизвестную страну [5]. Л.Ф. Костенко состоял членом Русского географического общества, членом-учредителем Среднеазиатского ученого общества. В 1878 г. он был назначен начальником штаба Семиреченской области, и во время пребывания в ней совершил несколько раз путешествие по Тянь-Шаню, изучая и составляя описание этих горных систем [6]. Ему также принадлежит немало ценных трудов, среди которых следует выделить «Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности с картой Средней Азии» (1870), «Очерк Верхнегерчинского края» (1873), «От Хивы до Казалинска» (Военный сборник. 1873. № 11–12), «Путешествие в Северную Африку» (СПб., 1876); «Путешествие в Северную Америку» (СПб., 1880) [7].

Представитель полтавского губернского дворянства Надаров Иван Павлович родился в 1851 г. В 1862 г. он поступил в Петровскую Полтавскую военную гимназию, а после ее окончания – в Константиновское военное училище в Петербурге. После его окончания служил в гренадерской части, в составе гренадерского корпуса участвовал в русско-турецкой кампании 1877–1878 гг. А в 1880 г. выпускник Академии Генерального штаба И. Надаров получил назначение на высокую должность в Приморскую область [8].

Первым важнейшим делом Ивана Павловича на новой должности стало географическое исследование области (в первую очередь, с военной точки зрения). Им были исследованы и положены на карту реки Вак, Бикин, Большая Уссурка, Даубихе. Именно он первым исследовал жизнь и быт коренного населения Приморской области – удэгейцев [9]. И.П. Надаров является инициатором записи 238 слов уссурийских удэгейцев, которые и составили костяк первого удэгейского словаря. Все свои исследования (от наблюдений погоды до картографической съемки) он тщательно записывал, вел их классически грамотно. Его книги о Северо-Уссурийском крае [10] были изданы и заняли свое место на полках военных библиотек от Петербурга до Владивостока.

Кроме чисто военных аспектов экспедиции И.П. Надаров обратил внимание на социально-психологические особенности приграничного населения, сыгравшие немалую роль в дальнейшем развитии российско-китайских

---

* **Морозов Виталий Владимирович** (Киев, Украина) – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории для гуманитарных факультетов Киевского национального университета им. Тараса Шевченко, vetal_lora@mail.ru.

отношений. И. Надаров очень основательно вникал в исследуемый предмет: начиная от изучения всех имевшихся по теме материалов и заканчивая чисто бытовыми мелочами.

Безусловным фактом является то, что все исследования И.П. Надарова носили, в первую очередь, военно-прикладной характер. Он обладал умением расположить к себе людей даже таких, которых видел впервые и с которыми не мог общаться на одном языке. Это относится, прежде всего, к местным аборигенам и жителям Маньчжурии, в которой И.П. Надаров бывал неоднократно. Проявляя страсть к коллекционированию, он собрал множество образцов самой различной утвари и предметов быта местных народов.

По замыслам И.П. Надарова, их важнейшей задачей были приучение аборигенов к земледелию и формирование у них основ гражданственности как русских подданных. Эти мысли он изложил в своей работе «Очерк Северо-Уссурийского края», изданный во Владивостоке в 1884 г.

Знания, практичность взглядов и владение слогом были характерными чертами Ивана Павловича. Именно поэтому после создания в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства первый генерал-губернатор барон А.Н. Корф приблизил к себе специалиста. И.П. Надаров участвовал во 2-м Хабаровском съезде губернаторов в 1886 г. [11] и состоял в комиссии по рассмотрению трех вопросов, которые включали в себя следующие проблемы: пространство, почва и климат края; население края; торговля. И.П. Надаров активно сотрудничал и с Обществом изучения Амурского края [12]. Его многочисленные книги были первыми фундаментальными трудами об Уссурийском крае.

Свой след в развитии исторической географии оставил и Житецкий Иродион Алексеевич (1851–?). Будучи студентом Киевского университета им. св. Владимира, в результате студенческих беспорядков был сослан и жил в Вятской и Астраханской губерниях. Наиболее важные работы были посвящены изучению различных аспектов Астраханской губернии: «Астраханские калмыки» (Астрахань, 1892), «Очерки быта астраханских калмыков» (Москва, 1893), «Смена народностей в южной России» («Киевская старина», 1883–1884 гг.).

Источники и литература. Примечания

1. Черниговская губерния. Описание. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба). СПб., 1865.
2. Обзор Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1900; Описание Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Балканском полуострове и Особое прибавление. СПб., 1901–1913. Т. 1–9.
3. Город Бухара // Военный Сборник. Т. LXXVI. № 12. С. 411–425; Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 году // Военный Сборник. № 10, 11, 12.
4. Туркестанские войска и условия их бытовой, походной и бытовой жизни // **Военный Сборник. 1875. № 3–5; Туркестанский край. Опыт военно-статистического обозрения Туркестанского военного округа.** СПб., 1880. Т. 1–3.
5. Военно-научная экспедиция на Алай и Памир // **Военный Сборник.** 1879. № 4; Экспедиция в Алайские горы (1876).
6. Краткая характеристика Великого Тянь-шаньского Нагорья // **Военный Сборник.** 1878.
7. *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М.: Восточная литература, 2005. С. 127–128.
8. Приморская область – область на Дальнем Востоке Российской империи, включавшая Камчатку, Чукотку, Гижигинскую и Охотскую округа вдоль побережья, часть Амурского края от впадения р. Усури до устья р. Амур и Уссурийский край. Образована в 1856 г. Главным городом Приморской области был Хабаровск.
9. Удэгейцы – один из коренных малочисленных народов Дальнего Востока, антропологически относятся к байкальскому типу монголоидов. Язык – удэгейский, относящийся к амурской группе тунгусо-маньчжурских языков, наиболее схож с ороческим, практически вытеснен русским языком. Территория компактного проживания удэгейцев издавна находится на северо-востоке Приморского края и юго-востоке Хабаровского края, в основном, в горах и предгорьях Сихотэ-Алиня или у правых притоков Усури и Амура. На протяжении своей истории удэгейцы контактировали с нанайцами и эвенками, наиболее тесные связи были с орочами. До конца XIX в. русские исследователи удэгейцев и орочей не разделяли, а считали одним народом. До прихода русских удэгейцы не знали письменности, основной религией был шаманизм и анимизм, выраженные в вере в родство людей с медведем и уссурийским тигром, а главными занятиями – охота (главным образом, на изюбра и лося), рыболовство (на крупных реках) и собирательство (в основном, женьшеня).
10. Уссурийский край – в Российской империи общее название местности между реками Усури, Сунгача, оз. Ханка с одной стороны и берегом Татарского пролива и Японского моря – с другой. Располагался на территории административных Уссурийского и Южно-Уссурийского округов Приморской области. В настоящее время территория Уссурийского края примерно соответствует границам современного Приморского края Российской Федерации. По данным Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, площадь этой культурно-исторической области составляет 214896,2 км² (201440 кв. в.). В физико-географическом отношении реками Улахэ, Лефудина и Авакумовка Уссурийский край разделяется на Северно-Уссурийский край площадью в 133819,4 км² (125440 кв. в.) и Южно-Уссурийский край площадью в 81076,8 км² (76000 кв. в.). Эти земли были присоединены к России на основании Айгунского договора в 1858 г.
11. *Надаров И.* 2-й съезд губернаторов и других представителей в г. Хабаровке. Б.м., б.г. С. 2.
12. Общество изучения Амурского края основано 18 апреля 1884 г. В этот день военным губернатором Владивостока А.Ф. Фельдгаузенем был утвержден устав ОИАК. В числе 45 учредителей ОИАК были известные во Владивостоке и в крае

личности: заведующий переселенческим управлением Ф.Ф. Буссе, учитель В.П. Маргаритов, купец М.Г. Шевелев, князь Л.А. Кропоткин, краевед Л.Ф. Гриневецкий, прокурор Владивостокского окружного суда И.А. Бушуев, редактор-издатель газеты «Владивосток» Н.В. Соллогуб, врач и поэт П.И. Гомзяков и др. Первые члены Общества организовывали исследовательские экспедиции широкого профиля, собирали экспонаты для музея, создавали уникальный архив и библиотеку, писали научные доклады и выступали с ними в стенах Общества. С 1888 г. был начат выпуск собственного издания – «Записок ОИАК». 30 июня 1888 г. состоялась закладка здания музея ОИАК во Владивостоке. Музей строился всем миром. Собирали не только деньги, но и «кто что может»: принимались пожертвования стройматериалами, лошадьми в виде скидок на поставленные материалы. Из 30 тыс. руб., потраченных на строительство музея, 25 тыс. было пожертвовано жителями города и края. 30 сентября 1890 г. торжественно, при большом скоплении народа и в присутствии Приамурского генерал-губернатора барона А.Н. Корфа, музей был освящен и открыт для публики. В 1902 и 1909 гг. к зданию музея были сделаны пристройки. К 1915 г. в фондах музея было сосредоточено свыше 15 000 музейных предметов. Впоследствии богатые коллекции Общества стали основой нынешнего Приморского государственного объединенного музея имени В.К. Арсеньева. В 1884 г. была образована библиотека ОИАК. Первый председатель ОИАК – Ф.Ф. Буссе передал в библиотеку более 400 книг, М.И. Венюков, один из первых исследователей края, передал библиотеке 407 томов книг и 47 редких карт. Сегодня библиотека ОИАК насчитывает 43 600 томов книг и 45 000 журналов, 50% которых составляют редкие издания. Архив ОИАК – один из старейших на Дальнем Востоке. В нем хранятся 30 документальных фондов, 330 личных коллекций, 2238 карт, около 2000 фотографий, уникальные подшивки первых дальневосточных газет за 1885–1917 гг. («Владивосток», «Дальний Восток», «Далекая окраина» и др.). В настоящее время ОИАК объединяет в своих рядах профессионалов-исследователей в различных областях наук и энтузиастов-краеведов, генеалогов, экскурсоводов, любителей истории, журналистов, фотографов и писателей. Его структурными подразделениями являются секции культурной атропологии и береговедения, клуб истории морского флота и эсперанто-клуб «Пасифико», клубы «Владивостокская крепость» и «Юный краевед», секции растениеводства и экскурсоведения, Центр экологических инициатив и центр польской культуры «Гмина» и др. В настоящее время ОИАК существует как Приморское краевое отделение Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество».

Труды Е.Е. Замысловского по исторической географии

Во второй половине XIX в. изучением истории русских географических открытий занимались преимущественно историки. В русской исторической науке велась работа по определению местонахождения географических объектов, сведения о которых встречались в разных видах исторических источников. Большинство исследователей рассматривали географический фактор в тесной взаимосвязи с историческими особенностями России. Историки стали признавать, что самобытность России во многом задана ее географическим положением.

В.И. Пичета в своей работе «Введение в русскую историю» пишет, что уже В.Н. Татищев сознавал необходимость в историко-географических знаниях. М.М. Щербатов же из-за недостатка сведений в этой области допускал ошибки при изложении важнейших событий русской истории. Поэтому исследования по исторической географии должны были помочь восполнить пробелы по русской истории [1].

Егор Егорович Замысловский, российский историк второй половины XIX в., в ходе своей научной деятельности также обратился к новой отрасли знаний. Работы по исторической географии исследователем были созданы в период расцвета его педагогической и научной деятельности. Так, например, близкие знакомые ученого отмечали, что на протяжении всей учебы в университете Е.Е. Замысловский не отметил своего пребывания какими-либо выдающимися трудами. Он в отличие от своих сокурсников и товарищей реже участвовал в конкурсах на медаль по заданным факультетским темам, не публиковался в «Студенческом сборнике», который издавался в университете.

Л.Н. Майков, близкий друг ученого, пишет, что Е.Е. Замысловский всегда корил себя за бесплодность своих студенческих работ. Но при этом его товарищ указывает, что даже отвлекаемый частными уроками от исследовательской деятельности Егор Егорович после окончания учебы в университете очень усердно вел свое историческое чтение и сверх того стал запасаться познаниями из круга других наук, необходимых историку. Особый интерес у ученого вызвала география, а курс Риттера сравнительного землевладения был изучен основательно. В 1865 г. Е.Е. Замысловский был принят в число членов Русского Географического Общества, где в течение почти двух лет исполнял обязанности секретаря отделения этнографии [2].

П.Н. Полевой также обратил внимание на то, что его студенческий друг, одаренный развитым критическим чутьем, всегда относился к себе строго, с определенной долей критики, не был никогда заряжен в отличие от своих сверстников юношеской самонадеянностью, которая заставляла спешить многих молодых ученых к печати своих статей, исследований. В отличие от большинства своих коллег Е.Е. Замысловский годами копил материал и не спешил начинать свою профессорскую деятельность [3].

Долгие научные поиски Е.Е. Замысловского привели к созданию его первого значительного труда по исторической географии. «Учебный атлас по русской истории», составленный ученым, имел указатель и объяснительный текст [4]. По замыслу Е.Е. Замысловского, объяснительный текст должен был содержать очерки истории расширения русской государственной области. Впервые атлас был опубликован в 1865 г., выдержав впоследствии еще два издания. В последующих изданиях автором были внесены определенные дополнения. В 1884 г. «Учебный атлас по русской истории» был удостоен Петровской премии ученого комитета министерства народного просвещения.

Л.Н. Майков признавал «Учебный атлас по русской истории» одним из важнейших трудов по исторической географии второй половины XIX в. Для многих эта работа стала пособием, которое использовалось не только в учебных целях, но и помогало многим русским исследователям в их научных изысканиях. Сведения, которые были представлены в атласе, позволили по-другому взглянуть на ряд событий русской истории. Сам же Е.Е. Замысловский на свою работу смотрел как на опыт, который ожидает еще более глубокой и всесторонней обработки [2].

Е.Е. Замысловский вновь проявил огромный интерес к исторической географии, когда исследователю поступило предложение составить разбор представленного на Уваровской премии исследования Н.П. Барсова о географических известиях начальной летописи [5].

В опубликованной статье Е.Е. Замысловский представил ряд поправок к рассматриваемому сочинению, дал характеристику становления исторической географии как самостоятельной отрасли, осветил предмет исследования Н.П. Барсова. Е.Е. Замысловский пишет, что уже при зарождении русской истории как науки в XVIII в. исследователи не могли не обратить внимания и не остановиться на изучении явлений, которые сегодня относятся

---

* **Зданович Елена Францевна** (Гродно, Белоруссия) – аспирант кафедры всеобщей истории Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, преподаватель Гуманитарного колледжа УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», lenfranc@yandex.by.

к исторической географии. Однако в течение этого столетия шло лишь накопление источников, что не позволяло сформироваться новой самостоятельной отрасли знаний.

В накоплении источников и их анализе исследователь увидел и много положительного для русской исторической науки. Появление новых заметок и указаний позволило обратить внимание на распространение географических сведений о Древней Руси, выяснить вопрос о влиянии природы в Восточной Европе на народы, которые здесь проживали. Все это, считает историк, привело к необходимости создания нового обширного труда, в котором были бы сделаны обоснованные выводы. Е.Е. Замысловский заслугу в создании такого обширного труда признает за Н.П. Барсовым. В работе «Очерки русской исторической географии. География начальной летописи» был сделан всесторонний анализ имеющихся источников. При этом Е.Е. Замысловский указывает, что автор не ограничил своего изучения разбором лишь географического материала, содержащегося в начальной летописи.

Разработке вопросов историко-географического направления отведено значительное место и в других критических статьях Е.Е. Замысловского. Среди них можно назвать «Меря и Ростовское княжество» Д.А. Корсакова [6], «История Тверского княжества» В.С. Борзаковского [7]. Последняя была написана по поручению Академии наук.

Самостоятельным трудом по исторической географии стала последняя работа историка «Чертежи сибирских земель XVI–XVII вв.» (1891 г.) [8]. **Большинство исследователей признает, что автору работы удалось сочетать современные этнографические и географические данные с историческими материалами, которые были доступны в то время для исследования по важнейшим вопросам исторической географии.**

Е.Е. Замысловский, в первую очередь, обратился к проблеме движения русского народа в Сибирь, его взаимоотношениям с народами Сибири. Большое внимание историк уделил походу Ермака, деятельности Строганова, описанию осваиваемых территорий и взаимоотношениям с местным населением.

Все это были небольшие работы Е.Е. Замысловского по исторической географии. Фундаментальным же исследованием ученого в области исторической географии можно назвать его докторскую диссертацию «Герберштейн и его историко-географические известия о России», которую он защитил в 1884 г. [9]. Работа разделена на две части. Первую часть Е.Е. Замысловский посвятил Сигизмунду Герберштейну. Автор подробно описал события из детства и юности Герберштейна, которые оказали влияние на формирование характера дипломата. Особое внимание обращено было к событиям, которые относятся ко времени его путешествий в Москву и продолжительного пребывания там. Во второй части исследователем были подвергнуты проверке известия Герберштейна о России и дана оценка их значения в истории географических сведений о Восточной Европе. Автор обстоятельно рассматривает и подвергает строгой исторической критике в работе географические данные представленные С. Герберштейном.

В отличие от магистерской диссертации «Царствование Федора Алексеевича» [10], где была недосказанность по многим вопросам русской истории, исследование, которое принесло ему докторскую степень, позволяет обнаружить в нем уже зрелого ученого, способного на создание серьезных научных трудов, в которых представлены аргументированные выводы.

Таким образом, Е.Е. Замысловский признает важность развития такой отрасли науки, как историческая география. Исследователь считает, что необходимо продолжать вести активную работу над накоплением новых материалов, которые позволяют по-другому взглянуть на малоизученные вопросы русской истории. Работы же историка в этом отношении являются открытием для исторической географии. А многочисленные попытки создания Е.Е. Замысловским комплексной реконструкции географии позволили вывести новую отрасль науки на более высокую ступень развития.

Источники и литература

1. Пичета В.И. Введение в русскую историю. М.: Кооп. изд-во науч. работников, 1922. 205 с.
2. Майков Л.Н. Е.Е. Замысловский // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1896. № 7. С. 53–74.
3. Полевой П.Н. Памяти Е.Е. Замысловского // Исторический вестник. 1896. № 7. С. 184–189.
4. Замысловский Е.Е. Учебный атлас по русской истории. 3-е изд. СПб.: Картограф. заведение А. Ильина, 1887. 16 с.
5. Замысловский Е.Е. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Сочинение Н.П. Барсова // ЖМНП. 1875. № 2. С. 452–478.
6. Замысловский Е.Е. Меря и Ростовское княжество. Очерк из истории Ростово-Суздальской земли Д. Корсакова // ЖМНП. 1872. № 7. С. 141–165.
7. Борзаковский В.С. История Тверского княжества. СПб. Изд. книгопродавца И.Г. Мартынова, 1876. 434 с.
8. Замысловский Е.Е. Чертежи сибирских земель XVI – XVII века // ЖМНП. 1881. № 6. С. 334–347.
9. Замысловский Е.Е. Герберштейн и его историко-географические известия о России. СПб.: Типография брат. Пантелеевых, 1887. 256 с.
10. Замысловский Е.Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб.: Тип. Замысловского и Бобылева, 1871. 456 с.

ISSN 2304-5922

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ

Научный журнал

Технический редактор Н.К. Забоева
Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Компьютерный набор. Формат 60 x 84 1/8. Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 11,25.
Тираж 150 экз. Заказ № 58 (171).

Редакционно-издательский отдел Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, ГСП-2, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

Отпечатано с оригинал-макета
в ООО «Типография «Полиграф-сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36